

Н. П. Макаров, М. С. Баташев

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРА ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ

Красноярск 2007

Н. П. Макаров, М. С. Баташев

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРА
ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ**
(учебное пособие)

Издание осуществлено в рамках Фонда культурных инициатив Михаила Прохорова конкурса «Научных, образовательных и художественных проектов, связанных с локальной историей края» в программном блоке «Наука, образование, просвещение» 2007 г.

Н. П. Макаров, М. С. Баташев. История и культура народов Севера Приенисейского края: Учебное пособие / Н. П. Макаров. Красноярск: ООО ИПЦ «КаСС», 2007. — 240 с.

ISBN 978-5-98576-014-9

Рецензенты:

М. Б. Абсаямов — профессор Красноярского государственного аграрного университета;

А. С. Вдовин — доцент Красноярского государственного педагогического университета.

В учебном пособии в краткой и доступной форме рассказывается о культуре и быте народов, населявших север территории современного Красноярского края с эпохи каменного века до начала XX века. В первой части пособия показано поступательное развитие, археологических культур таежной и тундровой зон от древних времен до средневековья. Наряду с известными материалами, авторы широко использовали данные, полученные в последние годы. Вторая часть пособия знакомит с основными элементами традиционной культуры коренных народов Енисейского Севера: их историей, бытом, хозяйственными занятиями, семейными и религиозными обрядами, народным творчеством. Учебное пособие иллюстрировано рисунками и мало известными ранее фотографиями из фондов Красноярского краевого краеведческого музея.

ISBN 978-5-98576-014-9

© Н. П. Макаров, М. С. Баташев, 2007

© Дизайн и макет М. В. Юшкова, 2007

© Красноярский краевой краеведческий музей, 2007

Агентство культуры Администрации Красноярского края
ГУК Красноярский краевой краеведческий музей

Н. П. Макаров, М. С. Баташев

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРА
ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ**
(учебное пособие)

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЕВОЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ВВЕДЕНИЕ

На огромной территории объединенного Красноярского края проживают представители более чем 100 этносов. Основное население составляют русские, пришедшие на берега Енисея четыре столетия назад. Здесь они встретили самобытную оригинальную культуру коренных малочисленных народов: энцев, ненцев, нганасан, селькупов, эвенков, кетов, кыргызов. Освоив территорию Приенисейского края, русское население привнесло в Сибирь новую культуру и способы хозяйствования, основав уже в первые столетия десятки поселений и опорных пунктов в виде городов и крепостных острогов.

Исторически сложилось так, что центром огромного края вот уже почти два столетия является Красноярск, а районными центрами такие города, как Енисейск, Канск, Ачинск, Минусинск и другие населенные пункты, основанные русскими. Истории русского освоения региона уже посвящены отдельные книги. С развитием этнографической науки появилась и серия научных монографий по истории народов Красноярского Севера.

В то же время научные издания быстро стали раритетами в силу их небольшого тиража, а в учебной литературе отражены лишь основные закономерности развития региона в составе Российского государства. При этом, основное внимание авторы учебников уделили русской истории, лишь частично отразив историю коренных малочисленных народов Красноярского Севера. Кроме того, и сама история первоначального русского освоения Севера Приенисейского края во многом осталась за пределами учебных пособий.

Задача авторов данного учебного пособия хотя бы частично ликвидировать эти пробелы, показав историю и традиционную культуру коренного и русского населения Красноярского Севера.

Наряду с авторскими иллюстрациями в пособии использованы материалы, рисунки и фотографии: В. И. Анучина, И. И. Балужева, М. И. Белова, А. Г. Варгина, Н. И. Дроздова, Б. О. Долгих, А. П. Ермалова, А. Л. Заики, М. К. Калашникова, Н. П. Наумова, О. В. Овсянникова, А. П. Окладникова, П. Е. Островских, Н. А. Остроумова, священника Попова, В. И. Привалихина, В. Ф. Старкова, А. Н. Соболева,

Н. В. Сушилина, П. В. Тюрина, П. В. Мандрыки, А. П. Лекаренко,
Л. П. Хлобыстина

Особую признательность авторы выражают сотрудникам информационного отдела Красноярского краевого краеведческого музея Н. В. Мартыновичу и И. В. Матевосян.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО СЕВЕРА

История и культура народов Красноярского края изучается при помощи широкого круга источников и различных научных методов. Из довольно большого количества методов научного познания чаще всего применяют исторический и социологический. В свою очередь они разбиваются на совокупность более специальных методов. Так, исторический метод основывается на изучении двух основных групп источников: письменных и вещественных.

Наиболее ранние исторические этапы существования народов Сибири, уходящие в глубь тысячелетий, изучаются преимущественно по вещественным предметам из археологических памятников. Напротив, история последних столетий лучше всего отражена в письменных источниках. Вместе с тем первые письменные свидетельства о Сибири появились почти тысячелетие назад. Еще в период Киевской Руси в летописи «Повесть временных лет» XI в. говорится о путешествиях новгородцев за Урал. В новгородском сказании XV в. «О человецех незнаемых в восточной стране» содержатся отрывочные сведения о «югре» и «самояди», к которым относят современные финно-угорские народы хантов и манси, а также самодийскоязычных ненцев.

Сведения первых письменных источников были еще скудны, противоречивы, а нередко и фантастичны. Творивший на рубеже XII–XIII вв. великий азербайджанский поэт Низами с большой симпатией писал о народах Южной Сибири. Устами своего героя Александра Македонского он всячески расхваливает этот сибирский уголок:

И увидел он город прекрасного края
Изобильный, красивый, подобие рая...

Но о более северных территориях тот же автор написал уже фантастически зловещие строки:

За грядой этих гор, за грядою высокой
Страшный край растянулся равнины широкой
Там народ под названьем яджудж. Словно мы
От породы людской, но исчадием тьмы
Ты сочтешь его сам. Словно волки когтисты
Эти дивы, свирепы они и плечисты.

Их тела в волосах от макушки до пят.
Все лицо в волосах. Эти джины вопят
И рычат, рвут зубами и режут клыками
Их косматые лапы не схожи с руками ...

С присоединением Сибири к Московскому государству фантастические сведения и догадки о народах Приенисейского края сменяются информацией русских землепроходцев, сохраняющейся до сегодняшнего дня в документах XVII–XVIII вв.

Различного рода летописи, хроники, донесения воевод, описания путешественников, отчеты руководителей экспедиций и капитанов кораблей, а также другие письменные источники, хранящиеся в архивах, содержат немало ценных сведений о коренных народах Красноярского края, освоении русскими Енисейского Севера и о взаимовлиянии культур русского суперэтноса и аборигенных народов. Особенно много таких сведений в документах Сибирского приказа, специально созданного в Москве для управления новыми сибирскими территориями. Из этих письменных источников мы узнаем о постройке Мангазеи и дальнейшем продвижении русских на Енисей, о переселении жителей в Новомангазею и основании Туруханска. В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), Государственном архиве Красноярского края (ГАКК) и других документальных хранилищах содержится немало ценных сведений по истории Енисейска, Красноярска и других населенных пунктов северных территорий.

С созданием Петром I Академии наук на территории Сибири начинают работать первые научные экспедиции. В 1720–1728 гг. состоялась экспедиция Д. Г. Мессершмидта, в 1733–1743 гг. — Г. Ф. Миллера, а в 1768–1774 гг. — П. С. Палласа. В трудах этих ученых и их спутников освещались материалы по исторической этнографии тунгусов, кетов, якутов и других сибирских народов. Начинают вводиться в научный оборот фольклорные источники во всем их многообразии: предания, сказки, загадки, танцы и народная музыка. Был высказан ряд соображений о происхождении сибирских народов и их этнокультурных связях.

В результате появляются первые научные работы, среди которых капитальный труд — «История Сибири» Г. Ф. Миллера, не утративший своего значения до наших дней.

Знакомство с наскальными рисунками первобытного человека, первые раскопки древних памятников позволили применить для реконструкции прошлого археологические источники.

Наряду с рисунками первобытного человека на современном этапе развития науки о древней истории Красноярского Севера использу-

ются такие типы археологических памятников, как древние могильники, стоянки и поселения, селища и городища. Сами рисунки в зависимости от техники их выполнения подразделяются на писаницы и петроглифы.

Писаницами называются изображения, нарисованные краской на плоскости скал. Впервые древние рисованные изображения двух всадников были обнаружены еще в 1725 году Д. Г. Мессершмидтом у д. Климиной на Ангаре. С той поры только в Северном Приангарье найдены до 40 местонахождений наскальных рисунков на Усть-Кове, Манзе, Каменке и в других пунктах.

Если изобразительные сюжеты выбиты на скале или камне, археологи называют такие знаки петроглифами (от лат. *petros* — «камень», *glifos* — «знак»). Примером таких петроглифов являются изображения на огромном валуне у пос. Геофизиков в Богучанском районе, Аплинском и Мурском порогах Ангары. Встречены древние рисунки

Общий вид многослойного поселения Усть-Карабула
и рабочий момент на его археологических раскопках.

и на Казачинском пороге Енисея.

Наиболее информативными археологическими памятниками зачастую являются древние захоронения. Погребения в грунте без каких-либо внешних признаков на современной поверхности называют грунтовыми могилами, а их скопление — могильниками. Такие захоронения обнаружены на Казачинском пороге Енисея и на Ангарских могильниках островов Сосновый, Сергушкин, устьевых участков рек Кова, Пашино, Кода, Чадобец и в других пунктах.

Наиболее многочисленными археологическими памятниками се-

верных территорий являются стоянки и поселения.

Поселениями называют места продолжительной жизни людей на одной территории. Так, на устьевых участках р. Чадобец, р. Карабула, р. Подкаменной Тунгуски и в ряде других мест поселения древних племен существовали в различные периоды каменного, бронзового и железного веков. В то же время на небольшой площадке скалы Утиный Столб в Енисейском районе люди явно останавливались на непродолжительный период сезонной охоты или рыбной ловли. Такие кратковременные поселения древних людей называют стоянками.

Как правило, стоянки и поселения — это памятники каменного и бронзового веков. Неукрепленные поселения железного века и средневековья относят уже к селищам. Если поселение имеет защитный ров, крепостной вал и другие оборонительные сооружения, то его принято считать городищем. Примерами таких памятников являются древние городища напротив Лесосибирска и дачного поселка

Чермянское городище с защитным валом и ровом.

Чермянка в Енисейском районе.

Перечисленные виды археологических памятников являются основными, но не исчерпывают всего их многообразия. На территории Красноярского Севера известны древние клады, места выплавки

Каменное изваяние на р. Тасеевой.

меди, бронзы и железа, другие археологические памятники, встречаемые значительно реже основных. К примеру, близ устья р. Тасеевой найдено каменное изваяние человека, не имеющее пока аналогий на северных территориях.

Большое значение для изучения истории народов края имеют данные языковедения, лингвистики. Так, еще П. С. Палласом был написан двухтомный труд «Сравнительные словари всех языков и наречий», в который вошли материалы по языкам народов Сибири (СПб., 1787–1789). Классификация сибирских народов по лингвистическим данным была дана также в первом сводном труде Георги по этнографии России «Опи-

сание всех в Российском государстве обитающих народов» (1776–1778).

Тогда же И. Э. Фишер выдвигает гипотезу о Саянском происхождении северных самодийцев. Особенно многое в обосновании этой гипотезы удалось сделать экспедициям А. М. Кастрена, собравшим в 1841–1844 и 1845–1849 годах огромный лингвистический и этнографический материал. Для Приенисейского края особое значение имели выводы исследователя по древнейшей истории самодийских племен. Кастрену удалось доказать родство северных самодийских народов с исчезнувшими уже сегодня самодоязычными племенами Саяно-Алтая — камасинцами, койбаками и др.

Красноярский краевой краеведческий музей.

Для изучения особенностей оригинального языка кетов в XX веке большое значение имели работы А. П. Дульзона.

Таким образом, изучение происхождения таких народов Красноярского Севера, как кетов, энцев, ненцев, нганасан и селькупов, невозможно без изучения культуры более южных народов Саяно-Алтая, особенно на ранних этапах их истории.

Для сопоставления различных явлений в культуре чрезвычайно важен метод картографирования. Нанесение на карту близких названий, территории распространения общих орнаментов, мифологиче-

ских сюжетов, предметов культа и быта, других элементов культуры дает наглядное представление о сходствах или отличиях сибирских народов.

Особую категорию источников составляют музейные собрания.

В 1877 г. в Минусинске возникает первый в Енисейской губернии краеведческий музей. Вслед за ним организуются музеи в городах Енисейске, Ачинске, Красноярске, Канске и Дудинке. Сотрудниками этих и других музеев собраны и хранятся значительные коллекции по материальной и духовной культуре народов края: одежда, предметы быта, культа, украшения, образцы искусства. Среди последних — рисунки, скульптуры, мелкая пластика, народные орнаменты.

Подлинные материалы дополняются зарисовками профессиональных художников, а с конца XIX – начала XX века — фотоматериалами и кинодокументами. Так, при проведении Приполярной переписи 1926–1927 гг. в Туруханском крае художником А. П. Лекаренко сделаны многочисленные зарисовки жилищ, одежды, предметов быта, шаманской атрибутики эвенков, долган, нганасан и других народов Красноярского края.

Художник А. П. Лекаренко. У авамских самоедов. 1927 г.

Тогда же участниками переписи были фотодокументированы многие стороны хозяйственной и культурной жизни народов региона. Наконец, уже в конце XX века режиссером В. Н. Федоровым на Таймыре

был снят документальный фильм «Последний шаман» об одном из наиболее авторитетных шаманов нганасан П. Костеркине.

Значительная информация для изучения сибирской истории была получена методом анкетирования, относящимся, как и переписи, уже к социологическим методам исследования. Так, первый русский историк В. Н. Татищев еще в 1734 году разослал по Сибири составленную им анкету «Предложения о сочинении истории и географии российской», получив в ответ немало интересных сведений. Сегодня этот метод успешно используется профессором В. П. Кривоноговым, который регулярно выезжает в различные районы Красноярского края, собирая информацию о тенденциях современного развития этносов региона. Последняя Всероссийская перепись 2002 года позволила уточнить не только численность коренных народов Сибири, но и дала материал для анализа происходящих здесь перемен.

Методы опроса и интервью помогают составить объективную картину этно-социальных процессов, когда сами люди определяют свою этническую принадлежность, дополняя такой важнейший метод исследования, как наблюдение.

Наблюдение становится одним из основных методов, когда в Сибирь организуются первые специализированные этнографические экспедиции. Специалисты-этнографы месяцами кочуют вместе с различными группами народов Красноярского Севера, максимально фиксируя их быт и культуру. Особенно плодотворными оказались этнографические экспедиции XX столетия. Е. А. Алексеенко, Г. М. Василевич, В. И. Васильев, Г. Н. Грачева, Б. О. Долгих, Р. В. Николаев, Е. Д. Прокофьева, А. А. Попов, Ю. Б. Симченко, В. А. Туголуков, Л. В. Хомич и другие исследователи на основе собранных материалов смогли подготовить обобщающие работы по истории и традиционной культуре народов современного Красноярского края: кетов, эвенков, долган, энцев, ненцев, нганасан, селькупов.

В постперестроечное время появилась возможность организации исследовательских экспедиций на территории Сибири совместно с зарубежными исследователями. Д. Андерсон, В. И. Дьяченко и другие ученые продолжают изучение традиционной и современной культуры якутов, долган, эвенков и других народов Красноярского Севера.

При этом сравнительно-исторический метод остается одним из основных, когда реконструкция прошлых эпох производится по пережиткам ранних культур в современности.

Перечисленные методы и источники не существуют изолированно друг от друга. Они, как правило, взаимосвязаны. Так, письменные

источники по истории Мангазеи и Красноярска существенно дополнили материалы археологических раскопок. Решение же сложнейшей проблемы этногенеза долган просто невозможно без учета всего комплекса источников: данных антропологии, этнографии русских затундренных крестьян, эвенков и якутов, лингвистики, фольклора, материальной культуры, а также письменных источников.

Комплексный подход все более характеризует этнографические работы. Это относится в полной мере и к истории русского населения региона, насчитывающей уже четыре столетия развития своей сибирской культуры.

Таким образом, для изучения страниц традиционной культуры народов Приенисейского края используются все методы и источники, известные современной исторической науке и смежным дисциплинам.

КАМЕННЫЙ ВЕК

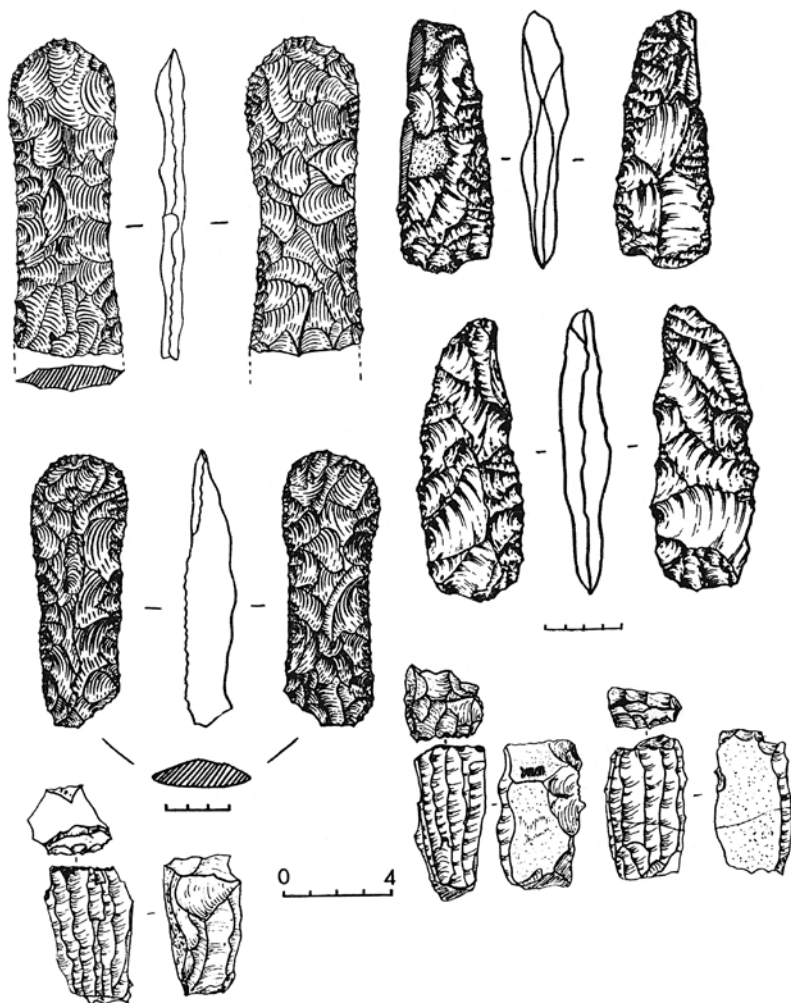
Каменный век — древнейшая эпоха в истории человечества. В этот исторический период произошло заселение человеком Сибири и Приенисейского края.

Каменный век подразделяется на три большие хронологические периода: палеолит (древнекаменный век), мезолит (среднекаменный век) и неолит (новокаменный век). Каждый из них характеризуется определенными достижениями в материальной и духовной культуре древнего человека. В свою очередь палеолит делится на ряд этапов: ранний, средний и поздний. Ученые пока спорят о продолжительности каждого этапа, постоянно удревая, с учетом новых открытий, палеолитический период.

Большая часть специалистов пришла к выводу о заселении Сибири еще в раннем палеолите, 300–400 тыс. лет назад. В период среднего палеолита, 40–100 тыс. лет назад, произошло заселение юга Приенисейского края. Памятники этого времени обнаружены в пещере Двуглазка, расположенной в Богградском районе Хакасии, местности Ижувль близ Новоселово и в других пунктах. При этом в местности Куртак, Разлог и на других территориях обнаружены, по мнению ряда археологов, и более древние изделия.

Поздний палеолит Сибири определен археологами 40–10 тыс. лет назад. Именно к этому периоду относится заселение древним человеком Красноярского Севера и приравненных к нему территорий. При этом необходимо учесть, что значительное время человек позднего палеолита жил в условиях последнего и самого сурового сартанского оледенения. Около 25 тысяч лет назад ледники мощным слоем покрывают территорию от Таймыра до Подкаменной Тунгуски на Севере и горные хребты Саян на юге. Остальная часть территории края представляла собой холодную степь и тундру, где водились многочисленные стада холодолюбивых животных. Древний человек охотился на мамонта, бизона, шерстистого носорога, северного оленя, диких лошадей. Граница тундры тогда проходила южнее Красноярска, а морозы в этом районе достигали 70 градусов.

Первые палеолитические стоянки были открыты И. Т. Савенковым в 1883–1884 гг. в местности Ладейки и Афонтова гора в черте современного Красноярска. Первые же раскопки дали интереснейшие результаты. На Афонтовой горе были найдены сотни орудий и скопления костей мамонта, северного оленя и других животных, бывших объектами охоты древнего человека. Впоследствии на основе коллекций Афонтовой горы и других аналогичных памятников была выделена

Каменные изделия палеолитической стоянки Усть-Кова.
Раскопки Н. И. Дроздова.

афонтовская культура позднего палеолита Енисея. Еще одна палеолитическая культура — кокоровская — получила свое название по д. Кокорево близ Новоселово, где были раскопаны ряд древних стоянок, близких по времени Афонтовой горе, но и имеющих ряд существенных отличий в технике обработки камня.

Находки многочисленных палеолитических памятников на Енисее заставили обратиться к поискам древних стоянок и в более северных районах края. В 1937 г. будущий академик А. П. Окладников на весельной лодке проплыл по Нижней Ангаре, открыв в районах Северного Приангарья более 40 археологических объектов. Среди них

были и два палеолитических местонахождения в Кежемском районе у д. Верхняя Кежма (Мозговая) и д. Кова. 40 лет спустя на стоянке Усть-Кова широкомасштабные раскопочные работы проводит археолог Н. И. Дроздов. Сегодня это самая северная палеолитическая стоянка в регионе, по которой можно судить об эпохе позднего палеолита данной территории.

Наиболее древние культурные горизонты стоянки Усть-Кова свидетельствуют о заселении Северного Приангарья около 30 тыс. лет назад. Обитатели стоянки охотились на куланов, лося, бизонов, диких лошадей, северных оленей, носорогов, мамонтов и других животных. Мамонт был не только объектом охоты, но и культовым животным. Об этом говорит скульптурное изображение фигурки мамонта, которое посчастливилось обнаружить авторам раскопок на стоянке Усть-Кова.

Мамонт. Усть-Кова.

Животное показано с большой опущенной вниз головой отделенной от туловища треугольной выемкой. Дугообразно-выпуклая спина и короткие массивные ноги придают фигурке мамонта определенный схематизм. Тем не менее такое внимание к этому животному не случайно. Взрослый мамонт достигал трехметровой высоты, а его вес пять тонн. Добытое животное сразу давало целую гору мяса. Высоко ценились и бивни мамонта, вырастающие до четырех метров в длину. Их использовали для строительства жилищ и как поделочный материал. На стоянке Усть-Кова на пластинах бивня встречена гравировка. Изготовлена вышеупомянутая фигурка мамонта и даже ножи. Правда, это скорее исключение, чем правило. Основные орудия в палео-

лите изготавливались из камня. Наконечники копий, остроконечники, скребла для обработки шкур убитых животных, ножи, нуклеусы (ядрища) для получения отщепов и пластин с острыми краями, все эти каменные изделия успешно служили древним сибирякам. Шкуры животных шли на утепление жилищ и изготовление одежды.

В суровом климате палеолитической эпохи нельзя было обойтись без огня, который уже издавна научился добывать первобытный человек. Не случайно большая часть находок на палеолитических стоянках концентрируется близ остатков древних кострищ.

Человеческие коллективы палеолитической эпохи жили еще первобытнообщинным строем. Для него характерно существование материнского рода, члены которого были кровными родственниками и вели родство по материнской линии. При этом существовала общая собственность на средства производства и продукты труда. Обязанность трудиться на благо общины заставляла делиться с ее членами охотничьей добычей. Такое чувство солидарности и взаимной помощи помогало выжить сородичам в суровых условиях палеолитической эпохи.

Нижнее Приангарье пока самый северный район расселения палеолитического человека на территории Красноярского края. В то же время раскопки палеолитических стоянок на Севере Якутии позволяют надеяться на открытие палеолитических памятников и в более северных широтах Приенисейского края.

МЕЗОЛИТ

Мезолит — среднекаменный век (греч. «мезос» — древний, литос — «камень») является переходным периодом от палеолита к неолиту. На северных территориях Приенисейского края мезолитические культуры были распространены около 10–6 тыс. лет назад.

Одним из факторов, влияющих на их формирование, являлось глобальное изменение климата Евразии.

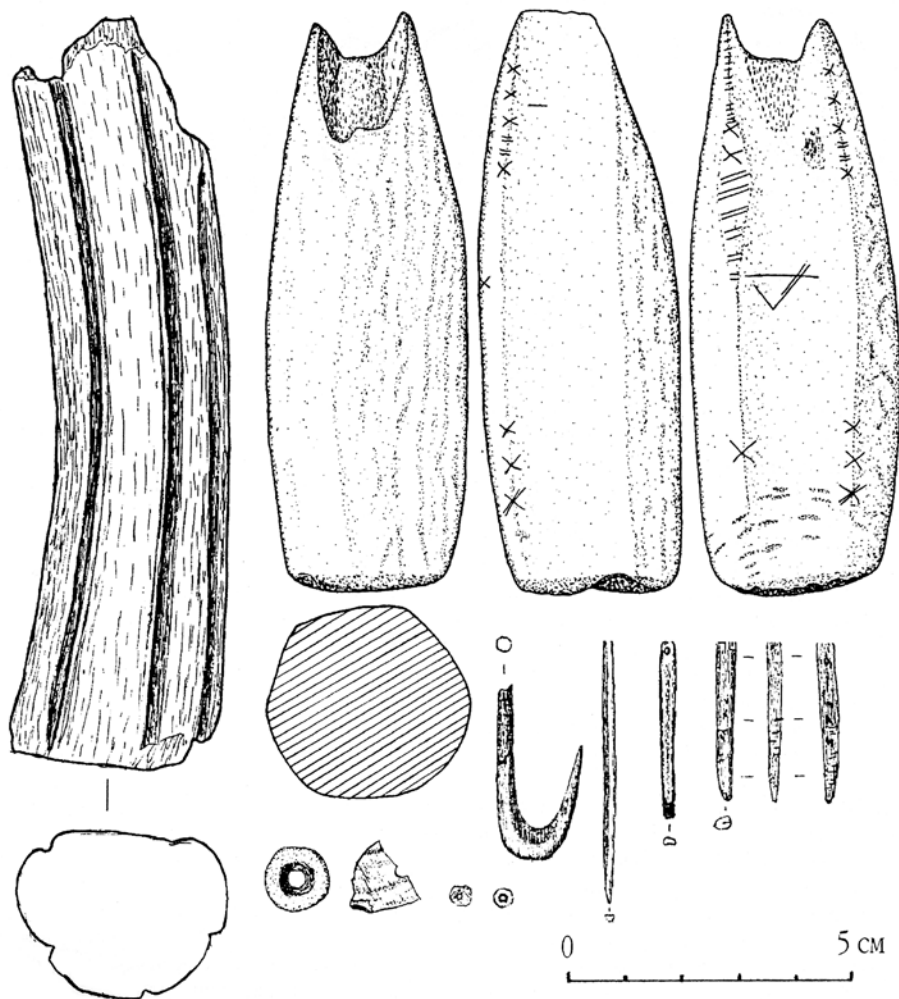
Около десяти тысяч лет назад общее потепление климата начинается и в Сибири. Ледник медленно отступает к Ледовитому океану. За тысячелетие от ледяного покрова освобождаются значительные пространства. Потепление было столь значительным, что на юге современной тундры появляется древесная и кустарниковая растительность. Учеными на мысе Каргинском в низовьях Енисея обнаружена древняя бобровая плотина с остатками ольхи, датированной радиоуглеродным методом 9540 +/- 50 лет назад.

Тайга все далее продвигается на север. Даже на Таймыре появляется древесная растительность. Так, в районе самой северной мезолитической стоянки Тагенар VI по остаткам пыльцы деревьев учеными установлено распространение лесов северотаежного типа, когда господствуют древесные и кустарниковые виды березы и ольхи. Здесь же произрастали и хвойные породы деревьев — лиственница, ель и сосна. Не случайно известный арктический путешественник А. Э. Норденшельд отмечал наличие толстых пней деревьев в отложениях енисейской тундры значительно севернее современной границы леса.

Вслед за отступающей тундрой на север уходят хладолюбивые животные, а такие гиганты ледникового периода, как мамонт и шерстистый носорог, вымирают совсем. Теперь распространяется охота на лося, благородного оленя, медведя.

Для более удачной охоты на них потребовалось изобрести оружие, поражающее на расстоянии. Так, в мезолите появляются лук и стрелы, значительно усилившие возможности первобытного охотника.

Вместе с тем вымирание мамонта, носорога, исчезновение других животных ледникового периода заставило искать новые источники пропитания. Наряду с охотой человек начинает заниматься рыболовством. Рыбу добывали острогой, сетями, а также использовали костяные крючки. Такие рыболовные крючки обнаружены в мезолитических горизонтах стоянок на Казачинском пороге Енисея, Стрижова гора близ Канска и в других пунктах. Сети плелись из волокон крапивы. Грузилами сетей служили оббитые с двух сторон речные

Изделия из кости и рога мезолитического культурного слоя стоянки Шилка 2 на Казачинском пороге Енисея. Раскопки П. В. Мандрыка.

гальки, а поплавками — свернувшаяся береста. Судя по найденным позвонкам, жаберным косточкам и чешуе, уже тогда добывали тайменя, осетра, стерлядь, нельму, щуку и другие ценные виды рыбы.

В условиях тайги для строительства жилищ, заготовки дров для костра, изготовления лодок для рыбной ловли человеку были необходимы рубящие орудия. Появляются каменные топоры с перехватом. Для большей производительности они иногда пришлифовываются в рабочей части лезвия и привязываются к деревянному топоричу для усиления удара.

На мезолитических стоянках археологи находят большое количе-

ство тонких ножевидных пластинок с острыми режущими краями. Их скалывали с каменных ядрищ-нуклеусов. Затем пластинки вставляли в продольный паз костяных ножей и использовали для разрезания мяса животных.

Такие же пластинки встречены в боковые пазах костяных наконечников. При этом стрелы использовались не только для охоты на животных, но и для добычи рыбы во время нереста.

Изучение мезолитических памятников показывает, что это были кратковременные сезонные стоянки. Люди приходили к устьевым участкам рек лишь на короткий сезон, когда рыба шла на нерест весной или скатывалась обратно осенью. Затем они вновь возвращались к охоте, переходя на другие места. Не случайно на Казачинском пороге Енисея выявлено до 9 культурных горизонтов эпохи мезолита.

Человеческие коллективы становятся более подвижными. Стационарные жилища палеолитической эпохи сменяются в мезолите легкими переносными чумами. Остатки такого конусообразного жилища обнаружены на мезолитической стоянке Усть-Кова в Северном Приангарье.

На основе общности происхождения людей, территории обитания, языка и близких способов хозяйствования в эпоху мезолита формируются древние племена. Вождь и старейшины как наиболее авторитетные люди управляли всеми делами племени. Люди по-прежнему продолжали жить родовым строем, когда добыча прежде всего продуктов питания должна была быть разделена между членами коллектива.

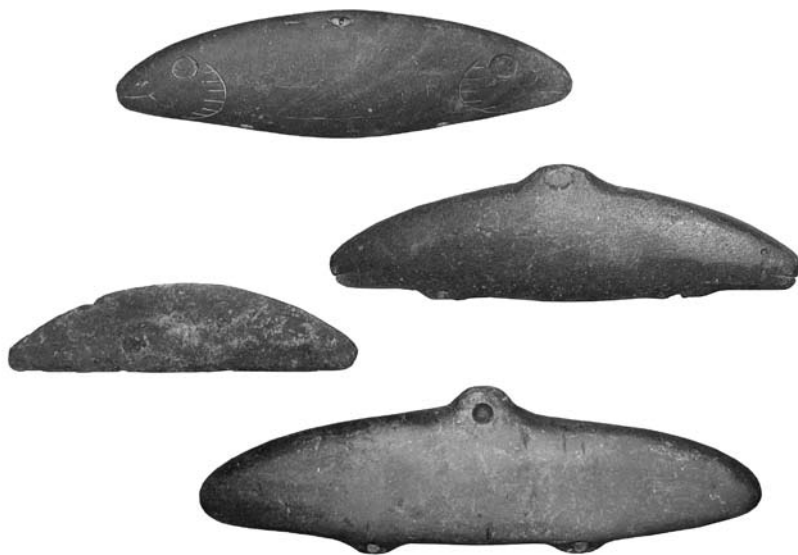
Наиболее известные мезолитические памятники обнаружены археологами в Северном Приангарье, по берегам Енисея и рек Таймыра. Это стоянки Чадобец и Усть-Кова — на Ангаре, Шилка 2 и Утиный Столб — на Енисее, Тагенар VI и Пясины I–IV — на Таймыре.

НЕОЛИТ

Около 7 тыс. лет назад в Приенисейском крае начинается переход к последнему периоду каменного века — неолиту. Длительность эпохи составляет около двух-трех тысяч лет.

Важнейшим достижением неолитических племен стало изобретение глиняной посуды. Ее черепки встречены на большей части неолитических поселений края. Сосуды были яйцевидной формы с округлым дном. Для изготовления сосудов первоначально сплеталась мелкая сетка из тонких нитей, которая прокладывалась по стенкам неглубокой земляной ямки, а затем обмазывалась глиной. После подсыхания сетка с нанесенной на нее глинистой массой вынималась и дополнительно обжигалась на костре. Плетеная основа обгорала, и получался остродонный сосуд, повторяющий форму сетки и земляной ямки. На поверхности сосудов оставались отпечатки ячеек сетки и узелков на месте переплетения нитей.

Были и иные способы изготовления посуды. Раскатанные глиняные жгуты и ленты накладывались друг на друга, создавая виток за витком

Каменные скульптурные изображения рыб. Северное Приангарье.

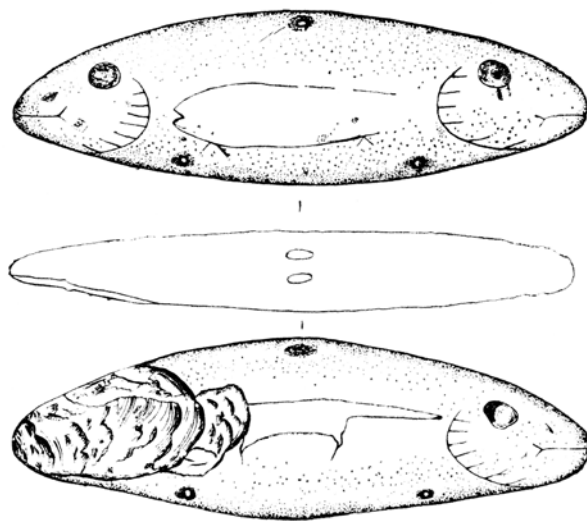
основу формы будущего сосуда. Затем его стенки заглаживались на стыках и орнаментировались различными узорами.

В конце неолитической эпохи появился способ изготовления небольших сосудишков выколачиванием из куска глины.

Основными занятиями неолитического населения, как и в эпоху мезолита, продолжали оставаться охота и рыболовство. О занятиях охотой свидетельствуют расколотые рукой человека кости животных на поселениях этого времени. Об этом же говорят и многочисленные находки наконечников стрел на стоянках и в погребениях эпохи неолита. Кроме того, изображения охотников с луками и животных встречены в наскальных рисунках древних людей. Чаще всего выбивали изображения лося — одного из главных объектов охоты древнего человека.

Лук и стрелы становятся более совершенными. Для усиления упругости деревянные луки дополняются костяными накладками, что увеличивает длину полета и убойную силу стрел.

Совершенствуется и рыбная ловля. На стоянках Северного Приангарья — Чадобец, Усть-Кова, о. Сергушкин, а также на Енисее у д. Пискуновой и в других пунктах найдены оригинальные каменные фигурки рыб, свидетельствующие о распространении промысловых культов.

Каменное скульптурное изображение рыбы у пос. Ангарский.

Особенно выразительна скульптура рыбы, найденная у пос. Ангарский в Богучанском районе Красноярского края. Рыба выполнена с двумя противоположащими головами. Реалистично показаны жабры, глаза и разрез рта. На спине рыбы просверлено сквозное отверстие для подвешивания изделия к леске. Еще два отверстия просверлены

близ жабр в брюшной части фигурки. Вероятно, к ним крепились плавники создающие имитацию плывущей рыбы.

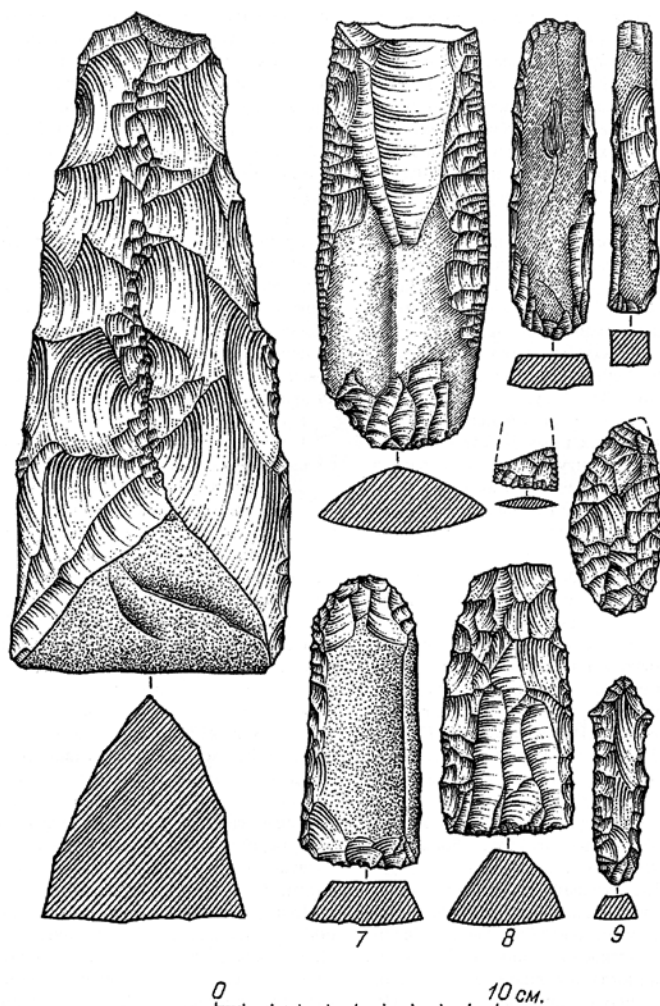
Такие изображения рыб, как и наскальные рисунки животных, использовались для промысловой магии и должны были способствовать удачной охоте и рыбной ловле.

Неолитические нефритовые топоры.

О зарождении погребального культа свидетельствуют погребения человека. Неолитические могильники обнаружены в Северном Приангарье на поселениях о. Сергушкин, Усть-Кова, Чадобец, а также на Казачинском пороге Енисея и в других пунктах. Умерших для существования в ином мире обеспечивали всем необходимым. В сопроводительном инвентаре покойных — каменные топоры, ножи, скребки, наконечники стрел и копий, глиняная посуда, украшения.

Вера в существовании души и духов, одухотворение всех явлений природы и человеческой жизни называется анимизмом (от латинского слова *anima* — «душа»). В неолите широко распространяется и тотемизм — вера в родственные связи с животными. Чаще всего, судя по рисункам на скалах и скульптурным изображениям в захоронениях, а также по сохранившимся культовым обрядам, в качестве первопредка-тотема у таежных народов выступали лось и медведь.

Каменный инвентарь со стоянки Чамбенский порог.
Подкаменная Тунгуска. Сборы В. И. Привалихина.

Отдельные предметы, вероятно, наделялись особой магической силой, что свидетельствует о существовании фетишизма.

Любопытно, что местное население находки каменных топоров еще в начале двадцатого века считало громовыми стрелами, приписывая им чудодейственные свойства. В картотеке Красноярского краевого музея сообщается, что крестьяне д. Чадобец находят громовые стрелы, варят их в кипятке и употребляют отвар от почечных колик.

В сопоставлении традиционных и современных представлений показательны эксперименты археологов. Ученым С. А. Семеновым установлено, что подобными каменными топорами можно было пере-

рубить дерево толщиной 25–30 см в диаметре за 15 минут, а лодку-долбленку изготовить из целого ствола дерева за 3 дня. При этом зашлифованные лезвия нефритовых топоров и тесел самозатачивались в процессе работы, а количество деревьев, срубленных одним топором, достигало 80.

Реконструкция способа ношения лабреток. По Л. П. Хдобыстину.

Наряду с вышеперечисленными памятниками, многочисленные изделия эпохи неолита обнаружены и на неолитических стоянках и поселениях. На Нижней Ангаре такие памятники раскопаны в местности Толстый Мыс, Кода, Пашино, Усть-Карабула, Невонка и в других пунктах. Среди находок каменные топоры с ушками, тесла с подшлифовкой лезвия из кремнистого сланца и нефрита, разнообразные типы скребков и скребел, ножей.

Удивительную близость с ангарскими материалами имеют древности Эвенкии. Здесь неолитические стоянки найдены у населенных пунктов Ванавара, Чемдальск, пос. Нефтебуровиков, Байкит, Полигус, Тура, а также в створах порогов и устьевых участков притоков Подкаменной и Нижней Тунгусок.

На крайнем севере Таймырского Заполярья распространяются культуры близкие неолиту Якутии. В местности у озера Глубокое, Абылаах, Боярка и Маймече на берегу р. Хеты, Хатанга и Новорыбное у одноименных поселков, стоянки на р. Пясины — вот далеко не полный перечень неолитических памятников Таймыра. Среди архео-

логических материалов, обычных для неолита, на стоянке Маймече I найдено уникальное украшение — лабретка. По мнению автора раскопок Л. П. Хлобыстина, изделие, похожее на цифру 1, вставлялось в отверстие, протыкавшееся около рта. Еще одна лабретка пятиугольной формы найдена на стоянке Маймече IV. Она вставлялась в рот через отверстие под нижней губой и вогнутой стороной упиралась в десны, удерживаясь с помощью боковых выступов.

Наиболее распространенными украшениями в неолите Приенисейского края являются подвески из зубов животных, костяные бусины, пуговицы, кольца из стеатита и нефрита. На стоянке о. Сергушкин археологом В. И. Привалихиным найден небольшой стерженек для крепления рыболовных крючков с выполненным на нем антропоморфным изображением.

В целом, высокие достижения в духовной и материальной культуре неолитического населения региона стали базой для перехода к новому этапу в истории древнего населения — эпохе энеолита и бронзового века.

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

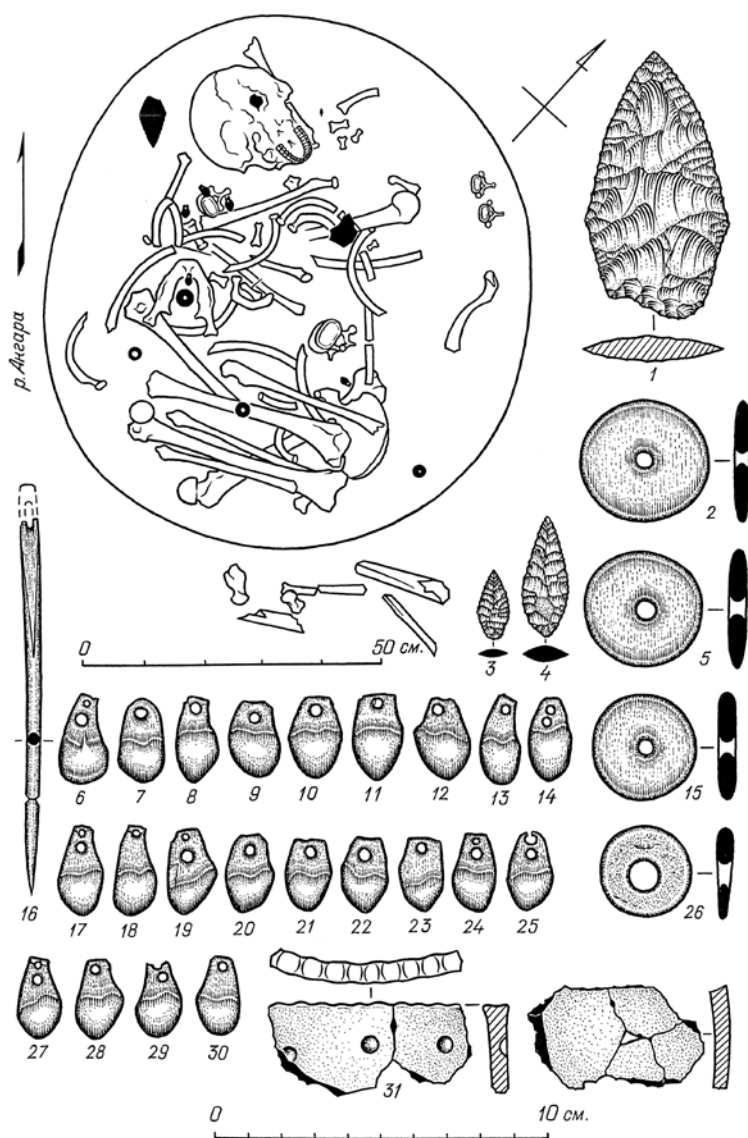
На рубеже III–II тыс. до н.э. в Приенисейском крае происходят значительные изменения в культуре древних племен региона. В степной и лесостепной зоне распространяются культуры эпохи металла. На смену неолитическому населению в Минусинской котловине приходят племена афанасьевской культуры меднокаменного века. Ее носителями стали европеоидные племена, пришедшие по степным коридорам с западных территорий. Они привнесли с собой новые навыки изготовления орудий из меди, а также производящий способ хозяйствования. Для степных районов это стали прежде всего занятия скотоводством и земледелием. Сменившие афанасьевцев на юге Приенисейского края племена окуневской, андроновской и карасукской культуры уже научились выплавлять бронзу и довели бронзолитейные технологии до совершенства. Из бронзы отливали ножи, топоры, наконечники стрел и копий, различные украшения.

Вероятно, под влиянием степных народов изделия из металла начинают распространяться и в таежных районах Енисейского севера. При этом особенности географического положения обусловили сохранение присваивающего типа хозяйствования в северных территориях. Охота и рыболовство остаются основным занятием таежного и тундрового населения.

Для таежных районов Северного Приангарья выделяется глазковская культура раннего периода бронзового века, а для районов Крайнего Севера — ымыхтахская культура.

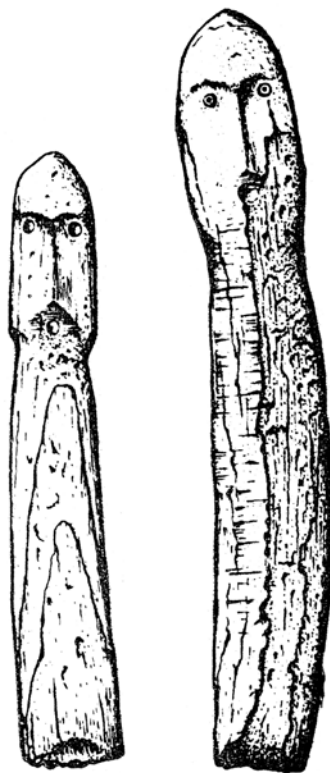
Для обеих культур характерно использование металлических изделий в сочетании с традиционными каменными орудиями. Продолжают существовать каменные топоры, ножи, скребки, наконечники стрел и другие орудия из камня. Металлические изделия первоначально распространяются в виде украшений, а затем уже для производственных целей в качестве ножей, топоров, рыболовных крючков и других изделий. При этом анализ находок показал, что первоначально употреблялась самородная медь. Так, на стоянках Малая Коренная I и Абылаах Таймырского Заполярья металлические изделия оказались практически из чистой меди, очень бедной какими-либо примесями. Такие самородки весом 1–5 кг не раз встречали на различных месторождениях меди, а на р. Ондодоми встречен самородок, весивший 24 кг с содержанием меди более 99%.

Уже в древности человек заметил, расплющивая самородки меди на наковальне, что выкованные изделия нагреваются в процессе их изготовления. Стремление к облегчению процессаковки привело

Сопроводительный инвентарь могильника раннего бронзового века
Сосновый мыс 2. Северное Приангарье. Раскопки В. И. Привалихина.

к нагреванию на костре и горячей обработке металла. Следствием обнаруженной способности меди плавиться стала практика выплавки металла уже из руды. В свою очередь, на основе сплавов меди с другими металлами (мышьяком, оловом, свинцом и др.) изготавливаются легкоплавкие бронзовые изделия. В одних случаях, как на стоянке Абылаах 1, использовали олово, а в других, как на поселении Усть-Половинка и Малая Коренная I, — мышьяк и сурьму.

Фигурки из бивня мамонта. Усть-Кода. Раскопки Н. И. Дроздова

Любопытно, что некоторые образцы древней бронзы с данной территории сильно обогащены никелем с тем же процентным содержанием, что и в черновой меди, выплавляемой сегодня из руд Норильских месторождений.

Древние технологии были достаточно просты. Добытую руду дробили каменными молотами на более мелкие кусочки и помещали в глиняные сосуды для плавки — тигли. Туда же укладывали и слой древесного угля.

Уже издавна человек заметил, что огонь становится сильнее при раздувании углей костра. В тигле древесный уголь поджигали, и он с помощью дутья давал высокую температуру, до 700–800 градусов Цельсия, необходимую для получения металла из руды. Для этого в центр обычного костра помещался тигль с рудой. После окончания плавки на дне такого глиняного сосуда образовывался слиток металла, который извлекался и очищался от различных шлаков.

Постепенно процесс выплавки усложнялся и стал проходить в специально подготовленных для этого печах. Как правило такие печи ар-

хеологи находят на берегу рек, где господствующие в данной местности ветра способствовали раздуванию огня и созданию более высокой температуры.

Дальнейший прогресс древней металлургии был связан с развитием искусственного дутья. Воздух в плавильные печи стал нагнетаться теперь уже через специальные огнеупорные глиняные сопла с помощью простейших мехов. Расплавленная бронза из небольших сосудинок-лячек разливалась по заранее подготовленным литейным формам из камня и глины.

Первоначально изготавливали односторонние, а затем двусторонние формы. В глине делали специальные отверстия, затем заливали расплавленный металл, который принимал очертания нужного орудия. После этого половинки форм разнимали и из них извлекали готовое изделие.

На поселении Усть-Половинка только в одном жилище найдено 12 льячек для разлива металла. По подсчетам археолога Л. П. Хлобыстина, в них можно было выплавить до 14 кг бронзы. Из этого количества металла можно было изготовить 1400 наконечников стрел, 1600 шильев, 700 рукояток ножей, подобных найденным на поселении, или 56 массивных бронзовых топоров.

Усть-Половинка, Малая Коренная I–II, Абылаах и другие металлургические центры свидетельствуют о развитом бронзолитейном производстве Красноярского Севера уже во II – начале I тыс. до н.э.

В этот период происходят изменения и в других сферах культуры древнего населения региона.

В Северном Приангарье развивается глазковская культура ранне-бронзового века. Свое название она получила по предместью Глазково близ г. Иркутска. Хотя основной территорией распространения глазковских племен являются Прибайкалье и Забайкалье, в Северном Приангарье также обнаружены их могильники и поселения, позволяющие включить долину Нижней Ангары в район распространения глазковской культуры.

Особенностью глазковских захоронений являются каменные выкладки удлиненно-овальной формы, перекрывающие костяки умерших. Ученые полагают, что эти кладки напоминают контуры лодок. По представлениям многих народов Сибири, душа умершего уплывала в загробный мир по водной дороге в нижнее течение реки. Не случайно глазковцы хоронили своих сородичей в вытянутом положении на спине, ориентируя покойных параллельно течению реки. На заключительном этапе глазковской культуры появляются скорченные захоронения. Находящийся в погребениях сопроводительный инвентарь изменяется в зависимости от пола умершего.

Так, при мужских костяках находят наконечники стрел, ножи, топоры, гарпуны, рыболовные крючки и другие изделия, необходимые для охоты и рыболовства. В женские захоронения клали скребки, иглы с игольниками и другие предметы, связанные с домашними ремеслами.

В погребениях глазковцев встречено значительное количество украшений. Среди них подвески из зубов животных, плоские перламутровые бусинки из речных раковин, медные серьги и кольца, диски из мраморовидной породы и кольца из белого нефрита. Расположенные на голове и груди покойного кольца и диски трактуются археологами как солнечные символы.

Особый интерес вызывают антропоморфные изображения, находимые в погребениях. Так, в обнаруженном в устье р. Коды погребении за спиной умершей женщины найдены две фигурки из бивня мамонта. У одной из них на месте глаз были вставлены пирофилитовые бусинки. При этом обе скульптурки лежали лицом вниз. Ученые полагают, что подобные захоронения принадлежат служителям культа, а фигурки изображают духов-помощников шамана в виде прапредка человека.

Еще одна особенность сопроводительного инвентаря глазковских погребений состоит в том, что наконечники стрел, топоры и ряд других изделий зачастую находят намеренно сломанными. Ученые полагают, что подобная практика связана или с боязнью покойных, которые могут навредить этими острыми предметами оставшимся в живых сородичам, или с представлениями «умерщвления» самих орудий отправляемых в «страну мертвых».

Кроме того, в погребениях людей глазковской культуры археологи нередко фиксируют застрявшие в костях наконечники стрел. При этом как правило это женские костяки, что свидетельствует, по мнению академика А. П. Окладникова, о переходе от материнского рода к патриархату. Главенство постепенно переходит к мужчине, и женщина должна сопровождать своего господина мужчину не только в обычной жизни, но и после ритуального убийства в потусторонний мир.

Появляются военнопленные рабы и рабыни. О возникновении патриархального рабства свидетельствуют захоронения без какого-либо сопроводительного инвентаря. Начинается длительный процесс разложения первобытнообщинного строя.

Существенное влияние на процессы развития древних культур Сибири оказал климатический фактор. Около 4,5 тыс. лет назад начинается похолодание, приведшее к так называемому «малому» ледниковому периоду. В результате развития вечной мерзлоты начинает-

ся гибель древесной растительности. Леса отступают на юг, а тундра вновь расширяет свои границы. Негативные последствия похолодания и усыхания климата испытали на себе и степные племена. В поисках выхода из кризиса часть степняков мигрирует на север, привнеся с собой металлургию и другие достижения южных племен. На Таймыре, севере Эвенкии и Якутии распространяется ымыяхтахская культура. Ученые полагают, что ымыяхтахцы испытали на себе влияние глазковцев и других более южных соседей. Обе культуры сближает не только употребление первых металлических изделий, но и технология изготовления глиняной посуды. Круглодонные сосуды глазковцев и ымыяхтахцев изготавливались с помощью техники выколачивания. Тонкие продольные нарезки на деревянной колотушке оставляли в момент обивки сосуда на сырой глине необожженных сосудов рубчатые оттиски. Если нарезки на колотушке пересекались перпендикулярно друг другу, то при выколачивании на стенках оставались небольшие квадратные ямки, напоминающие поверхность вафли. В состав глиняного теста ымыяхтахцы добавляли не только песок и другие примеси, но и шерсть животных, чаще всего северного оленя.

Климатические изменения привели к тому, что увеличившаяся зона тундры значительно удлинила пути сезонных миграций северного оленя. Весной и летом, спасаясь от гнуса, они уходили далеко на север, возвращаясь осенью и зимой в лесотундру и северную тайгу. На этих постоянных миграционных путях древние охотники и устраивали засады. Охота на северного оленя становится на долгое время основным занятием населения Таймырского Заполярья. Именно вблизи таких постоянных мест охоты и возникали долговременные поселения Абылаах, Усть-Половинка и другие вышеназванные памятники бронзового века. Наряду с охотой ымыяхтахцы продолжают заниматься и рыболовством, о чем свидетельствуют рыболовные принадлежности и расположение стоянок на берегах рек.

В целом, достижения племен бронзового века стали базой перехода к новому этапу исторического развития — раннему железному веку. В этот период появляются первые железные изделия, а металлургия бронзы достигает своего совершенства.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

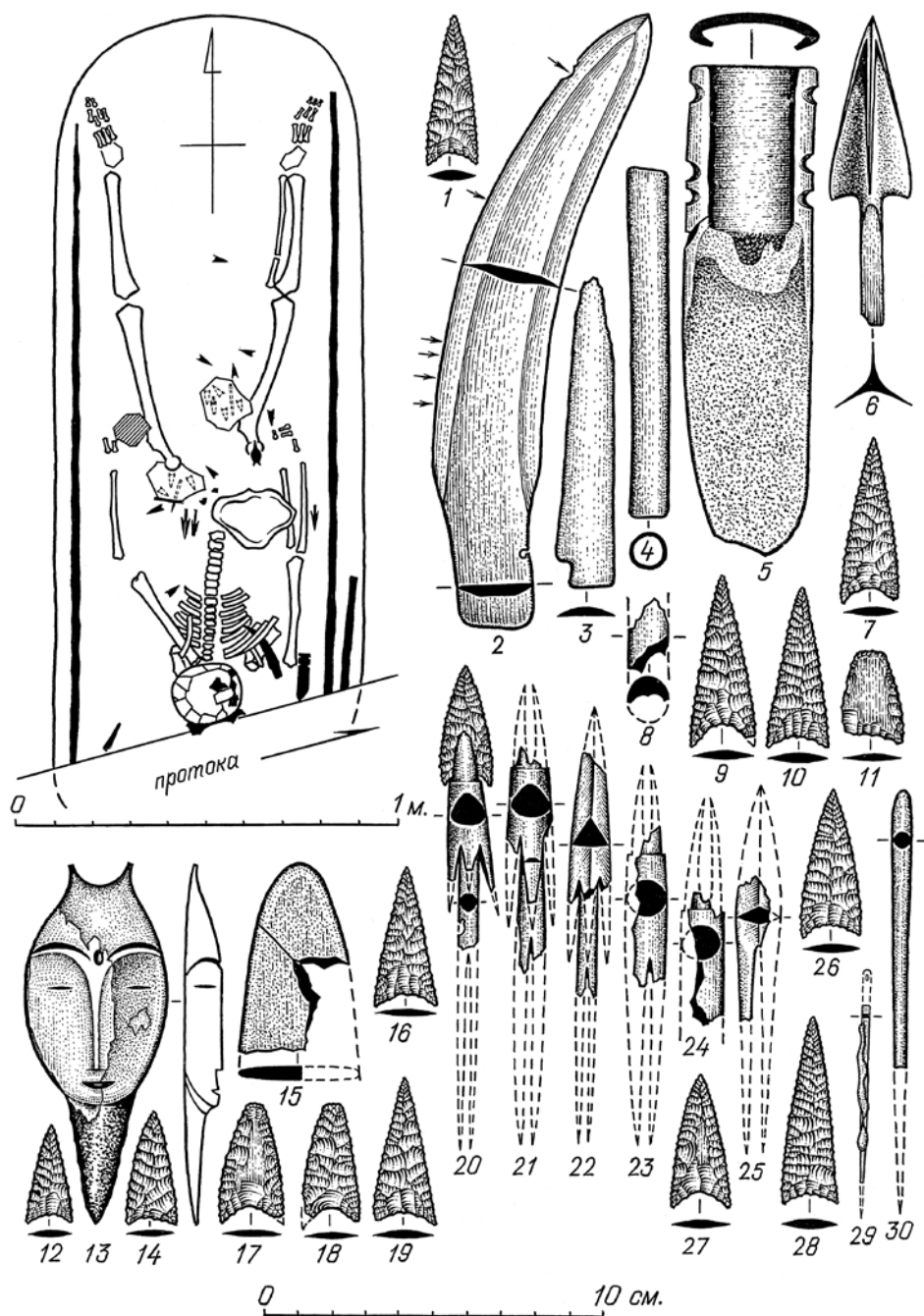
В VII–VI вв. до н.э. на степных просторах Евразии происходят значительные изменения, наложившие свой отпечаток и на историю древних племен Приенисейского края. От Минусинской котловины до района современного Красноярска обитали племена тагарской культуры раннего железного века. Основой их хозяйства было высококоразвитое скотоводство и мотыжное земледелие. Бронзолитейное производство достигло совершенства, но уже появились первые железные орудия. Тагарцы хоронили своих сородичей в земляных ямах, обставленных камнями и квадратными деревянными срубами. Могильники ограждались вертикально вкопанными каменными плитами и засыпались сверху земляной насыпью. Особенно грандиозными сооружениями были курганы знати. Так, Большой Салбыкский курган представлял из себя земляную пирамиду высотой с девятиэтажный дом и каменными 30–50-тонными плитами. Вождя союза племен, захороненного в кургане Аржан, сопровождали 160 погребенных с ним лошадей, а в соседнем кургане Аржан 2 оказалось множество золотых украшений.

Высокие достижения тагарцев оказали значительное влияние на культуру их более северных соседей. Не случайно многие бронзовые изделия памятников Нижней Ангары, Подкаменной Тунгуски и других северных территорий близки орудиям их более южных соседей.

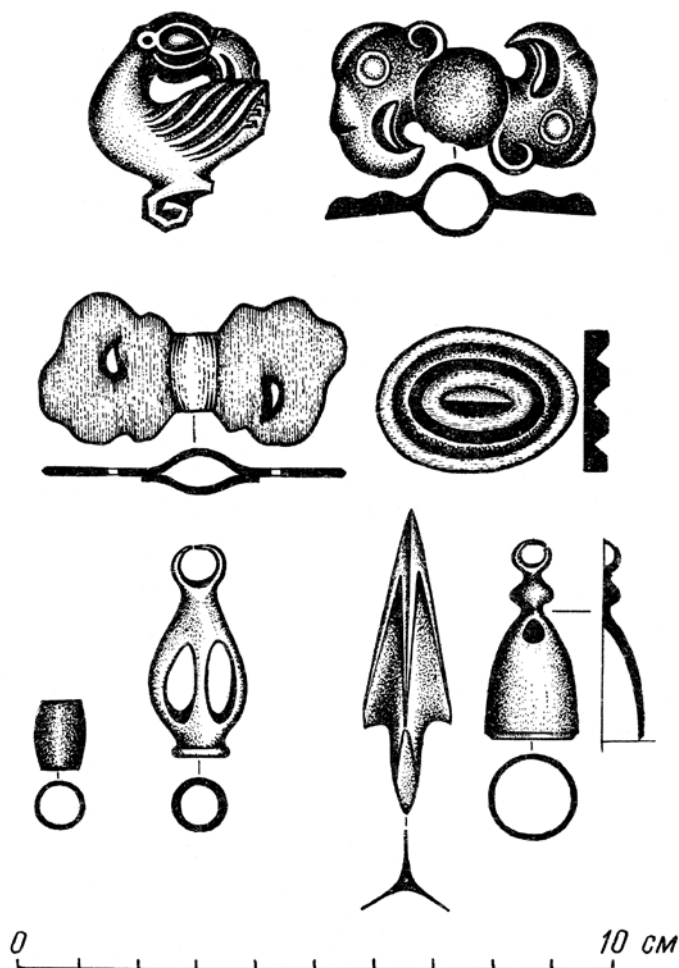
В то же время народы Севера жили своей жизнью, по-прежнему ведя охотничье-рыболовческий способ хозяйствования. На Среднем Енисее, севернее Красноярской лесостепи, развивается шилкинская, а на Нижней Ангаре — родственная ей цэпаньская культура раннего железного века VII–I вв. до н.э. Среди наиболее ярких памятников этого времени: поселение и могильник на Казачинском пороге Енисея, культовое место у Тасеевского идола, археологические комплексы Северного Приангарья в устье р. Пашина, о. Сергушкина, Отика, местности Слопцы, Капонир и в других пунктах. На самом севере Приенисейского края развивались пясинская и малокоренинская культуры.

Одним из показателей перехода на Таймыре от бронзового века к железнному является находка в жилище поселения пясинской культуры Усть-Половинка биметаллического ножа с бронзовой ручкой и железным клинком.

О ведущей роли охоты свидетельствуют находки значительного количества наконечников стрел из камня, кости и бронзы. При этом стрелы зачастую имели комбинированный характер. Встречены ка-

Могильник Отика. Северное Приангарье. Сопроводительный инвентарь погребения цэпаньской культуры. Раскопки В. И. Привалихина

Северное Приангарье. Стоянка Сергушкин 3. Бронзовые изделия и украшения цэпаньской культуры. Раскопки В. И. Привалихина.

менные наконечники стрел, вставленные в костяной посредник, в который в свою очередь с противоположного конца крепилось деревянное древко.

Среди других выразительных изделий встречены бронзовый кинжал с рукояткой из рога лося, бронзовые шилья и иглы с остатками сухожильных ниток и кожаного ремешка, куда она была воткнута и помещена в игольник из трубчатой кости.

Особенно интересна серия бронзовых украшений. Только на стоянке Сергушкин 3, расположенной на одноименном острове в Кежемском районе, встречены бабочковидные бляшки и украшения в виде

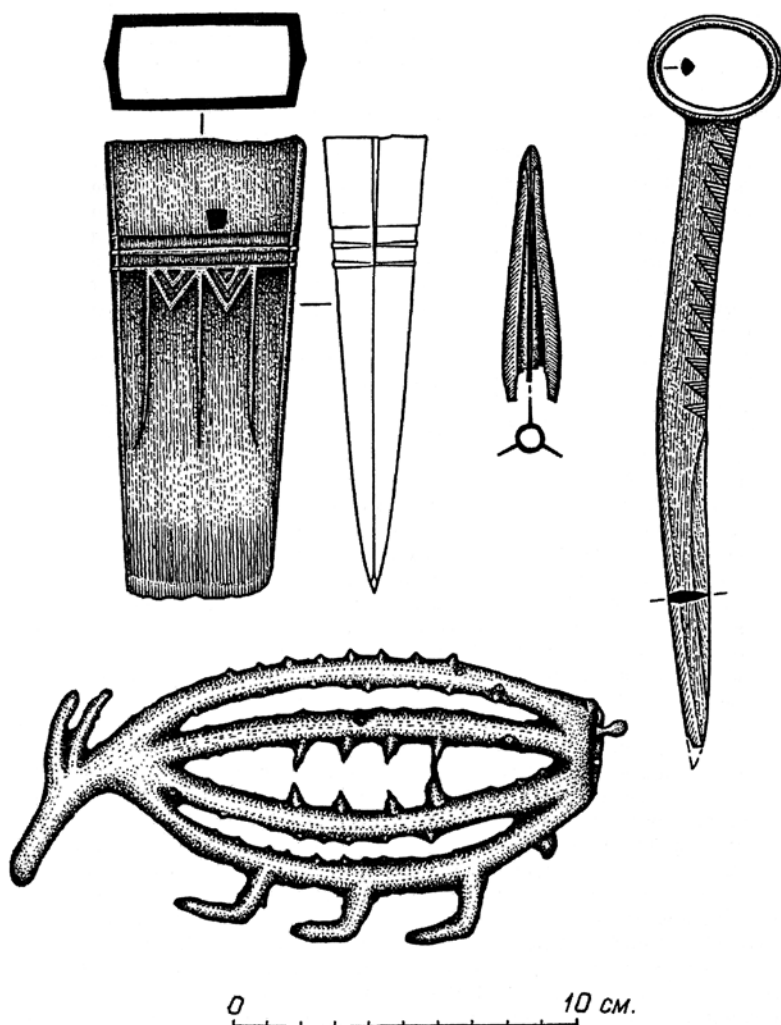
стилизованных грифоньих головок, подвески в форме бубенчиков и колокольчиков, бочонковидные бусины, овальные бляшки со стилизованным изображением человеческого глаза.

Не менее интересна уникальная скульптурка женщины-шаманки, найденная в одном из погребений могильника Отика. Фигурка вырезана из рога лося и, по мнению автора находки В. И. Привалихина, явно имеет культовое значение. Она сопоставляется с мифологическим образом хозяина тайги и зверей, представлявшимся у эвенков в виде молодой красивой женщины. Именно в ее распоряжении были все звери, а медведи служили у нее собаками. На шаманскую принадлежность фигурки указывают и рожки на голове скульптурки. Только авторитетные и наиболее сильные шаманы получали головной убор в виде шапки-короны с изображениями рогов оленя. Захоронения шаманов во все времена значительно отличались от погребений рядовых сородичей. Особенно боялись злых черных шаманов. Их хоронили лицом вниз, нередко связывая сыromятными ремнями. Видимо, не случайно найденная скульптурка также оказалась положенной лицом вниз, а голова покойного была закрыта куском бересты. Последнее, очевидно, было связано с ритуальным убийством умершего, чтобы покойный не видел проводимых с ним манипуляций. Кто-то из сородичей наносит умершему удар массивным камнем по голове, а затем отчленяет нижнюю челюсть. В результате археологи обнаруживают череп проломленным, а челюсть находят в районе запястья.

Последним актом в погребальном ритуале являлся обряд очищения от возможных козней покойных. Могила засыпалась землей, и разводился погребальный костер, огонь которого считался очистительным для оставшихся в живых сородичей.

Наряду с цэпаньской археологической культурой Северного Приангарья, выразительные изделия и металлические украшения характеризуют шилкинскую культуру Среднего Енисея. В захоронениях могильника Усть-Шилка Казачинского порога Енисея археологом П. В. Мандрыка в комплексе традиционных для раннего железного века каменных, костяных и бронзовых наконечников стрел найдены фигурки кабана, бабочковидные бляшки и другие украшения из бронзы.

Уникальным археологическим памятником раннего железного века является культовый комплекс у Тасеевского идола. Расположен идол в устье р. Тасеевой, на сотни километров севернее от каменных изваяний Минусинской котловины. Исследовавший святилище археолог Ю. А. Гревцов полагает, что облик изваяния менялся по меньшей мере несколько раз. Первоначально идол был европеоидом. В IV–II

Бронзовые изделия раннего железного века с р. Подкаменная Тунгуска.
Сборы Н. П. Макарова и случайные находки.

вв. до н.э., когда было изготовлено изваяние, тагарские европеоидные племена распространяли свое влияние и на соседние более северные территории. От первоначального облика у идола сохранилась окладистая борода, усы, высокий широкий лоб со сдвинутыми к переносице бровями и массивный с прорезанными ноздрями нос. В более позднее время идол стал монголоидным. Глазам была придана азиатская раскосость, носу — уплощенность. Третья редакция была уже в русское время. Исследователи полагают, что жившие в этих краях тунгусы прорезали во рту идола отверстие для крепления курительной трубки, а также подкрасили красной охрой зрачки. В ходе археологических

раскопок рядом с изваянием найдены сотни высокохудожественных бронзовых изделий. В коллекции, наряду с уже перечисленными типичными украшениями раннего железного века, встречены уникальные произведения искусства с изображением верблюдов, пантер, кабанов, грифонов и других экзотичных животных и птиц. Видимо, для нижнеангарских племен каменный идол являлся особо почитаемым божеством, которому регулярно на протяжении многих столетий, а возможно, и тысячелетий осуществлялись различные жертвоприношения.

Бронзовые изделия, близкие орудиям тагарской, цэпаньской и шилкинской культурам раннего железного века, встречены и на более северных территориях Приенисейского края. Авторы пособия находили их во время раскопок стоянки Ильинка и Утиный столб в Енисейском районе, Пятиверстка, Суломай и в других пунктах р. Подкаменная Тунгуска. Но это лишь отдельные находки. Пока эта огромная территория Енисейского и Туруханского Севера является практически белым пятном на археологической карте Красноярского края с единичными раскопанными древними поселениями. Тем не менее среди выразительных изделий бронзовые топоры-кельты, ножи, наконечники стрел, шилья, украшения. Среди последних особый интерес представляет фигурка бронзового ажурного стилизованного изображения лося, найденного у пос. Суломай на р. Подкаменная Тунгуска.

Не меньший интерес представляют находки близ пос. Ворогово бронзового котла скифского типа и массивного наконечника копья.

Выявленные материалы свидетельствуют, что территория Нижнего Енисея также входит в I тыс. до н.э. в круг родственных культур раннего железного века с высокоразвитой металлургией бронзы и началом железоделательного производства.

Аналогичная ситуация с изготовлением металлических изделий характеризует пясинскую и сменившую ее малокоренинскую культуры Таймыра. Наряду с вышеупомянутым биметаллическим ножом, на поселении Усть-Половинка и других памятниках найдены бронзовые наконечники стрел, иглы, проколки, украшения. Каменные орудия, тем не менее, продолжают господствовать. По-прежнему употребляются наконечники стрел, скребки, ножи и другие традиционные типы изделий из камня.

Население Таймыра жило в этот период в слегка заглубленных в землю полуземлянках. Котлованы жилищ имели прямоугольные очертания длиной 5–6 метров и шириной 4–5 метров. Обогревались полуземлянки костром, расположенным в центре жилища. Ученые полагают, что в таком жилище помещалась семья из 4–5 человек, а чис-

ленность поселка составляла около 20 человек. Найденные в жилищах большое количество литейных форм, скребков и других изделий позволили археологу Л. П. Хлобыстину прийти к выводу, что именно в таких полужемлянках концентрировалась основная хозяйственно-бытовая жизнь поселка. Долгими полярными ночами здесь выплавляли металл, обрабатывали шкуры убитых животных, изготавливали одежду и обувь, необходимую домашнюю утварь.

Около двух тысячелетий назад на большей части территории Приенисейского края от Таймыра до Минусинской котловины начинается переход к развитому железному веку, характеризующийся сложением ряда самобытных культур.

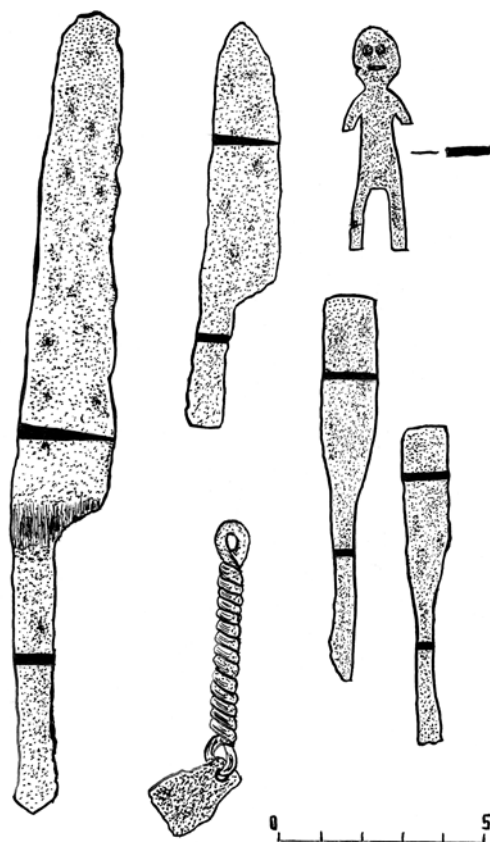
ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

В конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. на политическую арену выходят племена могущественных завоевателей гуннов, значительно изменивших ход мировой истории. Под напором гуннов на территорию Минусинской котловины с района озера Кыргыз нур приходят монголоидные племена гянгуней. Смешавшись с местными европеоидными тагарскими племенами, гянгуней-кыргызы дают начало новой таштыкской культуре развитого железного века. С ее развитием все шире распространяются захоронения по обряду трупосожжения, совершенствуется железоделательное производство, начинается переход к кочевому скотоводству как основному способу хозяйствования.

Спасаясь от завоевателей, часть племен откочевывает на соседние, недоступные гуннам, северные территории, вызывая в свою очередь новые волны миграций автохтонного населения. Таким образом, достижения южных племен постепенно становятся достоянием их более северных соседей. Под влиянием таштыкской культуры в Красноярской лесостепи на поселениях I тыс. н.э. Боровое, СТИ и в других пунктах появляются погребения по обряду трупосожжения. Человека, по возникшим поверьям, сначала сжигали где-то на стороне, а затем оставшуюся кучку пепла хоронили вместе с сопроводительным инвентарем.

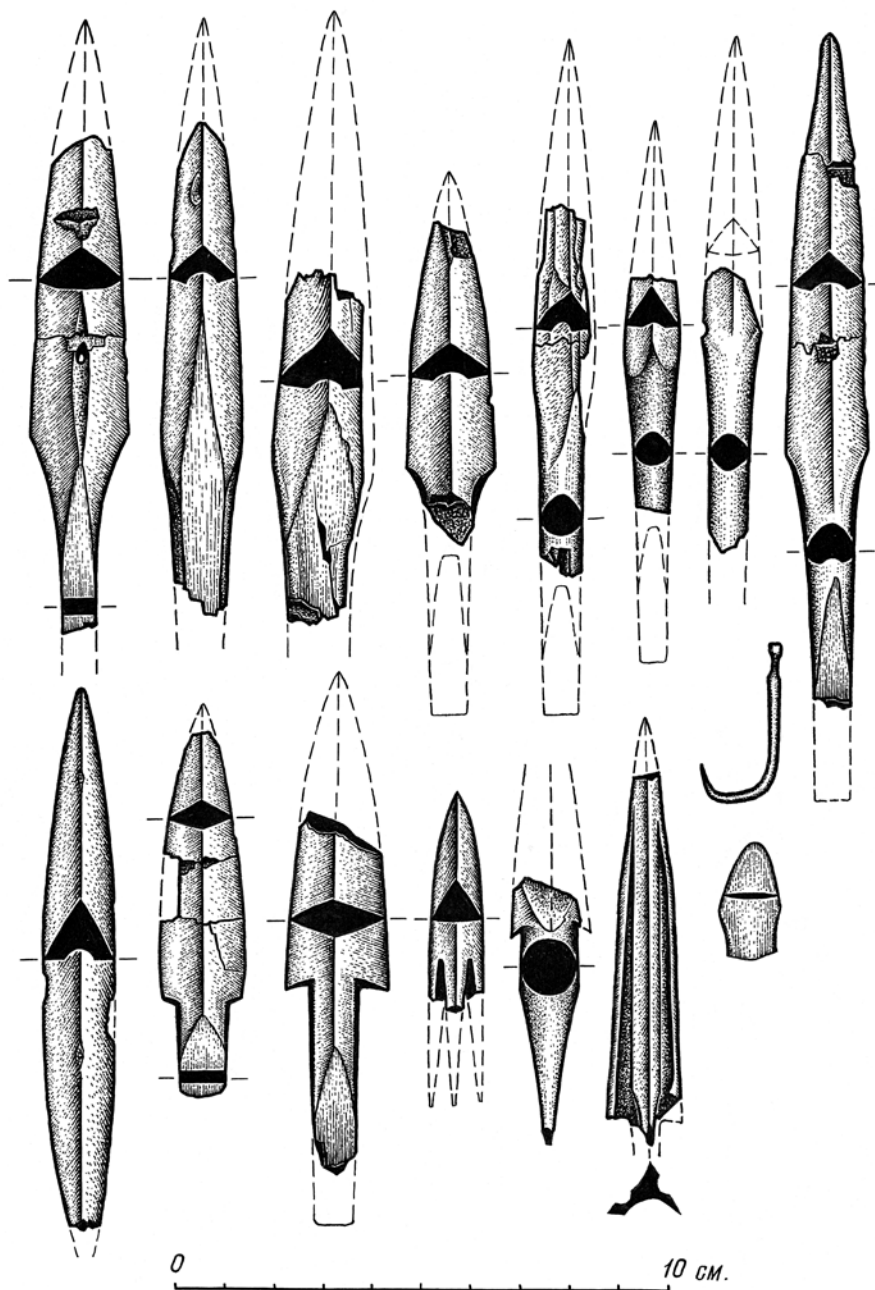
Севернее Красноярской лесостепи по берегам Енисея, Ангары, Подкаменной и Нижней Тунгуске погребения человека единичны и культуру железного века изучают в основном по стоянкам и поселениям. Хотя археологам удалось открыть и раскопать десятки таких памятников, учеными пока не предложено каких-либо конкретных названий культур. Дискуссионными являются вопросы территориального распространения культур железного века, время их существования, этническая принадлежность их носителей. Тем не менее, все исследователи сходятся в одном, что около двух тысячелетий назад народы Севера Приенисейского края достигли высокого уровня железоделательного производства. Почти на каждом долговременном поселении I тыс. н.э. прослежены следы выплавки железа. Особенно многочисленны такие свидетельства на памятниках Северного Приангарья. На поселениях Чадобец, Сергушкин, Усть-Карабула и в других пунктах найдены фрагменты тиглей для выплавки металла, шлаки и другие отходы производства.

Первоначально древним рудознатокам нужно было найти железо, которое часто встречается в Сибири в виде конкреций ржавчины

Железные изделия со стоянки Усть-Карабула.
Раскопки Н. П. Макарова.

по берегам рек, озер и болот. Затем просушенные конкреции вместе с древесным углем помещались в небольшие домницы. Такая печь-домница наиболее хорошо сохранилась на стоянке Пашина Кежемского района. В ходе раскопок археолога Н. И. Дроздова из-под земли проявилась конструкция древней печи тысячелетней давности. Ее основу составляли 4 вертикально поставленных каменных плиты обмазанные глиной. По центру горна вставлялось воздуходувное сопло, через которое с помощью лемехов закачивался обычный воздух, раздувающий горящий уголь. Поскольку воздух в те далекие времена подавался еще не в подогретом виде, как при современных технологиях, то такой процесс назывался сыродутным. Тем не менее внутри горна создавалась достаточно высокая температура, а в результате процесса горения образовывалась атмосфера с окисью углерода, необходимая для восстановления железа. В результате загруженная в печь масса претерпевала химические изменения. Одна

Костяные наконечники стрел и бронзовые изделия со стоянки Усть-Карабула. Раскопки Н.П. Макарова

часть окислов восстанавливалась в железо, а другая превращалась в отходы производства — шлаки. При этом металл получался не в жидком виде, как при бронзолитейном производстве, а в виде же-

лезной крицы — рыхлой спекшейся губчатой массы. Извлеченную из горна крицу дополнительно проковывали, подвергая уплотнению. Затем уже разрубленные на части куски крицы нагревали на открытом горне и кузнец с помощью молота и наковальни выковывал из железа нужные предметы.

Изготовленные из железа ножи, наконечники стрел, тесла и другие изделия отличались особой прочностью и постепенно вытеснили бронзовые орудия. Изделия из легкоплавкой бронзы сохраняются лишь в произведениях искусства, хотя и в этом плане древние кузнецы достигают совершенства. Так, на стоянке Усть-Карабула мастер выковал из железа не только типичные орудия, но и различные украшения, подвески, а также антропоморфную фигурку.

В силу географических условий население северных территорий в развитом железном веке продолжает заниматься охотой и рыболовством. Среди изделий по-прежнему преобладают наконечники стрел из кости, камня и железа. Но среди костных останков диких животных на поселениях Северного Приангарья этого времени изредка появляются кости лошади, что еще раз свидетельствует о влиянии более южных степных культур.

О занятиях рыболовством свидетельствуют находки рыболовных крючков и галечных грузил к сетям.

Развивается гончарное ремесло. Глиняная посуда украшена тонкими налепными валиками, пальцевыми защипами, ногтевыми вдавлениями, различными вариантами зубчатого штампа и других орнаментов. При этом керамика с тонкими налепными валиками найдена археологами не только на памятниках Нижней Ангары, но и более чем за тысячу километров севернее по берегам Енисея. Глиняная посуда этого типа была обнаружена авторами при раскопках стоянок Чермянка в Енисейском районе, Монастырская и Подкаменная Тунгуска в Туруханском районе, а также на других памятниках Красноярского Севера. Более того, аналогичная посуда была найдена и на Таймыре на стоянках Боярка I–II, Пясины I–IX, Маймече II, Августовская II, Усть-Половинка и других памятниках расположенных на реках Хета, Дудыпта, Пясины. Последнее обстоятельство позволило предположить археологу Л. П. Хлобыстину, что носителями данной культурной традиции изготовления глиняной посуды стали предки современных эвенков, заселивших значительную часть Таймыра, а также бассейн Ангары, Подкаменной и Нижней Тунгуски на рубеже I–II тыс. н.э.

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Начало длительной средневековой эпохи в европейской истории начинается с середины I тыс. н.э. На территории Евразии этот период связывают со временем образования мощных кочевых империй. Применительно к Сибири этот процесс совпадает с возникновением в VI в. н.э. Тюркского и Кыргызского каганатов.

Государство Енисейских кыргызов уже в первые столетия своего существования достигло высокого уровня развития. Основным занятием населения было кочевое скотоводство и поливное земледелие. Оросительные каналы достигали тридцатикилометровой длины, а богатые земляпашцы, как свидетельствуют источники, водили по несколько тысяч голов скота.

В VII веке кыргызы изобретают свою письменность. До нас дошли более ста пятидесяти надписей, высеченных на скалах, каменных плитах, золотых и серебряных сосудах, бытовых предметах, которые дают значительную информацию о культуре кыргызов.

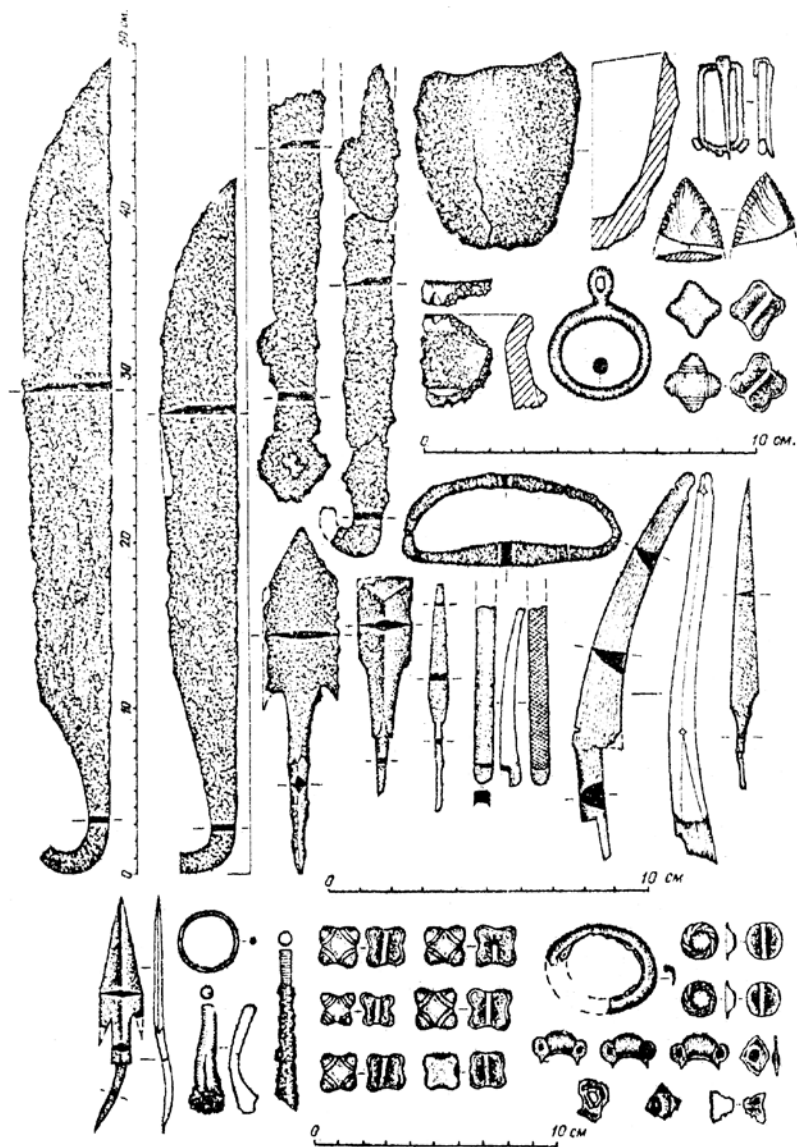
Немало ценных сведений о сибирских народах сообщают письменные источники средневекового Китая, Византии, Персии и других стран. Одно из таких сообщений свидетельствует о городской цивилизации на Енисее. В сочинении арабского географа XII века ал-Идриси о ней говорится: «Все города страны киргизов расположены на территории, пространство которой измеряется тремя днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами и фортификационными сооружениями».

Остатки монументальных средневековых строений археологи уже обнаружили на территории Хакасско-Минусинской котловины у станции Ербинская, р. Голубой, пос. Шушенское. Но самый северный город Кикас, по данным Рашид-ад-дина, находился в районе впадения Ангары в Енисей и также принадлежал области кыргызов.

По данным китайской летописи Юань-ши утверждается, что «ангарцы получили свое имя от этой великой реки и находятся в вассальной зависимости от цзилицзисы» (т.е. кыргызов).

Еще одно любопытное свидетельство о кыргызах сохранилось в записках монгольского посла XIII века. Он указывает, что кыргызы на Енисее ездят по снегу на санях, запрягая в них собак вместо лошадей.

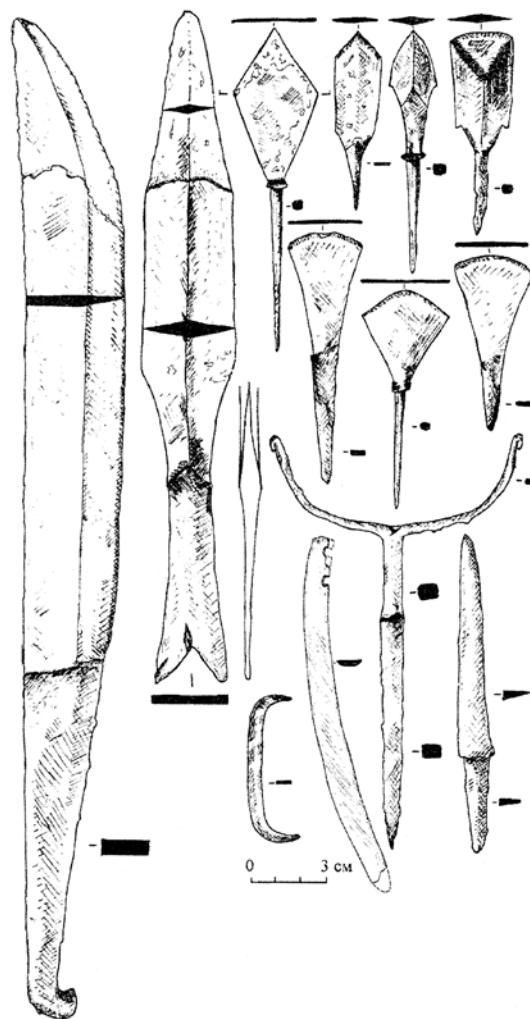
Приведенные свидетельства письменных источников и археологический материал позволили ученым прийти к выводам о северной границе Кыргызского каганата, проходившей по берегам Нижней Ангары. Не случайно в Северном Приангарье широко распространя-

Сопроводительный инвентарь средневековых погребений
Северного Приангарья. По В. И. Привалихину.

ются захоронения по обряду трупосожжения. На средневековых могильниках Чадобец, Усть-Кода, Усть-Кова, Сергушкин 3, Отика кремация покойного и его личных вещей совершалась на стороне. Затем производилось захоронение кремированных останков пережженных костей и уцелевших в огне вещей.

Китайская летопись XI века Синь Таншу также сообщает о кыргызах: «При похоронах не царапают лиц, только обертывают тело покой-

Сопроводительный инвентарь погребения у д. Каменск.
Раскипки П. В. Мандрыка.

ника в три ряда и плачут; а потом сжигают его, собранные же кости через год погребают. После сего в известные времена производят плач».

В сопроводительном инвентаре ангарских захоронений встречены железные ножи, наконечники стрел, тесла, а также бронзовые бляшки и украшения, изделия из кости и рога.

Особый интерес вызывает комплекс материалов близ деревни Матерая на Ангаре, хранящийся в фондах Красноярского краевого краеведческого музея. Среди традиционных железных наконечников стрел, ножей и тесел в коллекции присутствуют стремяна и удила. Эти находки еще раз свидетельствуют, что степняки кочевники

осуществляли военные походы к подвластным им племенам Ангары и, несомненно, оказали существенное влияние на развитие культуры более северных племен.

Коренное население Приангарья восприняло от южных соседей погребальный обряд, заимствовало некоторые типы орудий и украшений, подверглось частичной ассимиляции со стороны кыргызов.

Разрез культурного слоя Чермянского городища. В правой части снимка ярко выраженные защитные ров и вал. Раскопки Н. П. Макарова и М. С. Баташева.

Влияние кочевых народов прослеживается и в районах севернее Ангары. В 50 км от ее впадения на правом берегу Енисея у д. Каменск также обнаружено средневековое погребение, произведенное по обряду трупосожжения. У стенок округлой могильной ямы были воткнуты железные массивный нож-тесак и наконечник копья. В захоронении также обнаружены кресало, концевая накладка лука и наконечники стрел.

Значительное количество оружия на памятниках средневековья свидетельствует о постоянной военной опасности в таежных районах Нижнего Енисея. Не случайно в окрестностях Лесосибирска и Енисейска археологами найдены средневековые городища, сооруженные в конце I – начале II тыс. н.э. Для защиты от внешних врагов городища были укреплены земляным рвом и возвышающимся над ним валом. В минуту опасности внутри городища его защитники имели определенные преимущества перед нападавшими и могли нанести своим врагам наибольший урон.

Средневековая эпоха на территории Туруханского Севера и Эвенкии остается слабоизученной до настоящего времени. Вероятно, здесь происходили те же исторические процессы, что и в таяжских районах Северного Приангарья. По Нижней и Подкаменной Тунгускам, а также по Ангаре расселяются предки тунгусоязычных народов.

В сложных культурно-исторических процессах значительную роль играли миграции средневековых племен. На территорию Приенисейского края с районов Западной Сибири приходит новое население, принявшее участие в сложении современных самодийскоязычных народов региона. По мнению археолога Л. П. Хлобыстина, на рубеже I–II тыс. н.э. прослеживается одна из последних волн продвижения самодийцев в Заполярье. В западной части Таймыра распространяется вожпайская культура, связанная с предками ненцев и энцев. Традиционная для народов Енисейского Севера охота на дикого оленя дополняется домашним оленеводством. Население Таймыра создает культуру максимально адаптированную к экстремальным условиям существования этого заполярного района.

Основным итогом средневековой истории на территории Приенисейского края стало формирование предков коренных народов региона. Последующие этапы этногенеза энцев, ненцев, нганасан, долган, селькупов, кетов, якутов, а также других племен и народов проходили уже при значительном влиянии русского населения.

Литература:

Васильевский, Р. С. Археологические памятники Северного Приангарья / Р. С. Васильевский, В. В. Бурилов, Н. И. Дроздов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

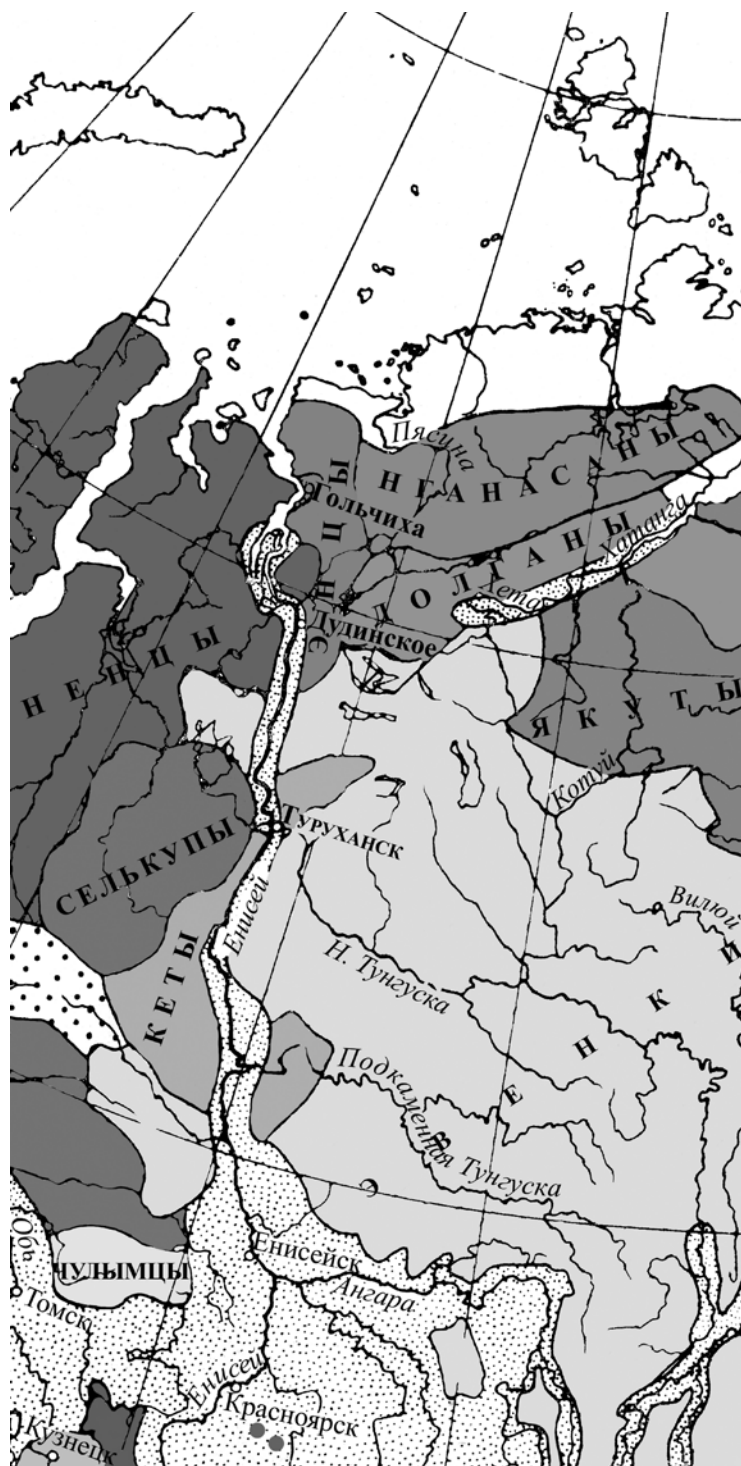
Дроздов, Н. И. Археологическая карта Нижней Ангары / Н. И. Дроздов, В. И. Макулов, А. П. Ермолаев // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып.1. – Красноярск: Краснояр. книжн. изд-во, 1989. – С. 190–212.

Макаров, Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций / Н. П. Макаров // Век подвижничества. – Красноярск: Краснояр. книжн. изд-во, 1989. – С. 131–189.

Привалихин, В. И. В поисках научной истины / В. И. Привалихин // Век подвижничества. – Красноярск: Краснояр. книжн. изд-во. – 1989. – С. 189–198.

Хлобыстин, Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии / Л. П. Хлобыстин – СПб: Издательство «Дмитрий Буланин», 1998. – 341 с.

КАРТА РАССЕЛЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

НГАНАСАНЫ

Общие сведения

Территорией проживания нганасан является полуостров Таймыр — самый северный полуостров всей Евразии. Здесь они занимают тундры его центральной и северной частей. На протяжении последних 400 лет регион их проживания постепенно смещался к западу и северу. Так, по письменным источникам известно, что в XVII веке те родо-

Авамские нганасаны 1926/7 гг.

племенные группировки, из которых позже сложился нганасанский этнос, кочевали в тундровых и лесотундровых районах от низовьев реки Анабар до реки Пясиной и от плато Путорана до гор Бырранга. Уже тогда началось проникновение на территорию нганасан и их вытеснение якутами и долганами с востока и ненцами с запада. В настоящее время на востоке и юго-востоке нганасаны соседствуют с якутами и долганами, на юго-западе — с эвенками, а на западе — с энцами и ненцами.

По переписи 2002 г. нганасан насчитывается 834 человека. Но численность их на протяжении последних четырех сотен лет достаточно широко варьировалась: от 480 человек в середине XVIII века до 1200 во второй половине XX века. Сейчас нганасанский этнос, проживая всего в нескольких поселках с преобладающим иноэтничным населением, постепенно ассимилируется им.

Нганасанский язык входит в северную ветвь самодийской группы уральской языковой семьи. В прошлом нганасан именовали авамскими и вадеевскими самоедами. Известны и другие их названия: тавги, тавгийская самоедь, самоеды-аси. Этноним «нганасаны» вошел в употребление только в 1930-х гг. Сами себя они называют — «ня». В среде нганасан выделяют две группы: западную (авамских), осваивавшую территорию от реки Пясины до озера Таймыр, и восточную (вадеевских), кочевавших от реки Хатанга до юго-восточной части озера Таймыр.

Этногенез и этническая история

Впервые люди появляются на территории Таймыра еще около 6 тыс. лет назад. Раскопки археолога Л. П. Хлобыстина показали, что уже в то время в эти края проникали охотники на дикого оленя. Позже, около 5 тыс. лет назад здесь расселяются праюкагирские племена, а с середины I тыс. н.э. сюда начинают продвигаться тунгусские родо-племенные группы. И только в конце этого же тысячелетия Таймыра достигает волна переселения северных самодийцев, которые постепенно ассимилируют местное население. Для всех пришлых групп охота на дикого оленя также становится основным видом деятельности, но только самодийцы принесли сюда навыки домашнего оленеводства.

В XVII веке русские землепроходцы застали на Таймыре несколько родовых групп. Основную часть полуострова заселяли самодийские племена. Так, на востоке его жили тавги, на западе — кураки, тидирысы и пясидская самоедь, близкие предкам современных энцев. К югу

от них находилась территория тунгусских (эвенкийских) племен. Среди них выделялись ваяндыри или ваянды. На протяжении XVIII века из самодийскоязычных групп сложились авамские самоеды, а из ассимилированных ими ваяндырей — вадеевские самоеды. Кроме того, во второй половине XIX века из потомков долганина Око сформировался еще один род таймырских самоедов — род Окко или род Долган.

Нганасаны на промысле дикого оленя.
Порбин Симдилю и Турдагин Дюталю. 1938 г.

На их основе ко второй половине XIX века сложились современные семейно-родовые группировки нганасан. От тавгов произошли фамилии Чунанчар и Нюняндя (Порбины), от кураков — Нгамтусуо (Костеркины) и Нгомде (Момде), а тидирисы положили начало фамилии Линанчар (Турдагины). В рамках вадеевских самоедов сформировались фамилии Купчик, Асянду, Кокора, Лапсака, Нгойбуо, Нерхо и Окко (Яроцкие).

Таким образом, хотя предки нганасанов появляются на Таймыре около 6 тыс. лет назад, сам этот народ очень молод. Он сформировался лишь на протяжении XIX – начала XX вв.

Несмотря на включение предков нганасанов в Русское государство, контакты их с его представителями ограничивались лишь уплатой ясака и эпизодическими торговыми связями. Вплоть до начала XX века нганасаны в полном объеме сохраняли традиционную культуру и хозяйственный уклад. Опора на собственное хозяйство и слабая зависимость от привозных товаров сформировали независимый нрав нганасан, чувство собственного достоинства даже в общении с государственными чиновниками.

Хозяйство

Основу хозяйства нганасан составляли охота на дикого оленя (круглогодично) и водоплавающую дичь (в летний период), домашнее оленеводство и рыболовство. При этом несмотря на высокое развитие оленеводства у нганасан (к середине XIX века они были самыми крупными оленеводами Таймыра), охота на дикого оленя оставалась основным их занятием, а мясо дикого оленя было любимой пищей. Весь хозяйственный цикл был подчинен именно добыче дикого оленя.

С наступлением весны нганасаны двигались из лесотундры, где проводили зиму, на север, вслед за стадами «дикаря», уходившими к морскому побережью на богатые летние пастбища. Этот сезон характеризуется добычей оленя с собаками, из укрытия, из засады. Достигнув мест летнего кочевания, нганасаны продолжали охотиться на оленей, били линных гусей, ловили рыбу. В начале осени (август) дикие олени начинали возвращаться в лесотундру и тайгу. Именно на это время (август-ноябрь) приходится добыча нганасанами наибольшей части пропитания, необходимого им для поддержания жизни в длительный зимний период. Наиболее распространенным способом охоты на дикого оленя в этот период была поковка, т.е. добыча оленей в местах их переправ через полноводные таймырские реки. Места эти как правило не менялись на протяжении последних нескольких тысяч лет. Охотники дожидались, пока стадо не достигнет середины реки, а затем врзались в него на утлых одноместных лодках и кололи оленей копьями между ребер. К зиме нганасаны достигали подтаежных районов, где и проводили все время до следующей весны. Зимними способами охоты на дикого оленя у нганасан были охота гоном, т.е. преследование «дикаря» на нартах, запряженных домашними оленями; охота при помощи маскировочного щитка или такой способ, когда оленей загоняли на скользкий лед озер, где животное становилось совсем беспомощным. Кроме того,

и зимой, и летом практиковали загонную охоту. Для этого сооружали специальную, сужающуюся к одному из концов изгородь, в конце которой устанавливали сеть. Стадо оленей направляли в эту западню и добывали запутавшихся в сети зверей. Специфическим способом добычи диких оленей была охота при помощи специально обученного оленя-манщика, подманивающего «дикаря» к охотнику.

Охота скрадом. Порбин Симдилю на р. Янгода. 1938 г.

На пушных зверей до установления регулярных контактов с русскими властями охотились от случая к случаю при помощи каменных и бревенчатых пастей и покупных капканов. Дичь добывали ружьем или луком; использовали для этой цели и сети: зимой в них загоняли куропаток, а летом — линных гусей.

Охотились нганасаны при помощи лука и копья. Нганасанские луки были как сложными, так и простыми. Сложные луки изготавливали, склеивая между собой отдельные кусочки дерева. Простые делали при помощи шаблонов. Наконечники стрел были из железа и кости и делились на несколько типов: плоские, с заостренным концом, листовидные, шиловидные и вильчатые. Хранили стрелы в замшевых колчанах наконечниками вниз. Копье имело железный листовидный наконечник, а древко подгонялось под рост охотника.

Еще одним неизменным атрибутом каждого мужчины были большие ножи-секачи с длиной лезвия до 40 см и более 10 см в ширину.

Рыболовство относилось к подсобным видам хозяйственной деятельности. Добывали рыбу небольшими сетями, сплетенными из сухожилий или нитей распущенных мешков, железными крючками и специальными костяными спицами, заостренными с обоих концов и привязанными к леске через круглое отверстие посередине.

Главным богатством и мерилом достатка нганасан были домашние олени. Использовались олени в качестве транспорта, а мясное направление нганасанского оленеводства не получило широкого распространения. Верховой езды нганасаны не знали, оленей запрягали в нарты и зимой, и летом. Как правило в упряжку запрягали от двух до шести оленей. Только для перекочевки одной нганасанской семье нужно было иметь не менее 40 ездовых оленей, а общее количество их поголовья на семью должно было достигать 150 голов.

Еще один вид домашних животных у нганасан — это небольшие оленегонные лайки, которых так и называли: «нганасанские собачки».

Обязанностью мужчин в традиционном нганасанском обществе были добыча пропитания и оленеводство. Кроме того, каждый мужчина должен был уметь обрабатывать дерево (делать охотничье оружие, нарты, лодки, домашнюю утварь, люльки, очажные крюки), кость (изготовление пластин для оленьей сбруи, головок для курительных трубок), плести арканы и сети, знать кузнечное дело. Нганасанские кузнецы делали ножи, курительные трубки, шаманские подвески, цепи. Для обработки дерева применяли ножи, топоры, лучковые сверла.

Женщины большую часть времени проводили в жилище: устанавливали его, обрабатывали шкуры, шили одежду, готовили пищу, запасали топливо, занимались детьми. Шкуры обрабатывали скреблами — железными и изготовленными из костей голени оленя.

Материальная культура

Из нганасанского фольклора известно, что в древности у их предков существовали стационарные жилища, полууглубленные в землю, с перекрытием из жердей, обложенных дерном и землей. Но с переходом к оленеводству основным жилищем стал чум. Размер его варьировался от 3 до 9 м в диаметре и зависел от количества проживавших в нем семей. Обычно в чуме жили одна или две семьи,

но в некоторых случаях их количество могло достигать пяти. Остов чума состоял из 20–60 жердей, которые покрывались покрывшкой, сшитой из подстриженных оленьих шкур. Зимняя покрывшка была двойной: внутренняя — шерстью внутрь чума, а внешняя — наружу. По центральной линии чума, над костром, устанавливалось специальное надочажное устройство в виде двух горизонтальных шестов, на которые клались короткие палки, продеваемые в отверстия очажных крюков. Очаг располагался в центре чума, задняя часть (наиболее удаленная от входа) считалась чистой, там хранили культовые предметы. Женщинам запрещалось обходить очаг с той стороны. Жилой частью чума считалась его правая сторона между входом и задней стеной, а на противоположной стороне устраивались взрослые дети и гости. Женщины располагались ближе к входу, а мужчины — дальше от него.

Стойбища устанавливались в одну линию. Крайним слева ставили чум главы этой кочевой общины. Стойбища были небольшими и обычно состояли из трех-четырех чумов.

Нарты у нганасан подразделялись на ездовые и грузовые. Среди первых, кроме того, выделяли мужские и женские. Мужские нарты делали трехкопильными и очень легкими. Запрягали в них от двух до шести оленей. Женская нарта была гораздо больше и отличалась наличием передней и задней спинок и невысокими бортами. Грузовые нарты также делились на несколько типов. Были нарты для перевозки шестов чума и нюков, для перевозки дров, лодок, одежды. Грузовые нарты перевозили один-два оленя. Семейных идолов помещали на специальную нарту с ящиком на месте сиденья.

Управляли оленями, сидя на нарте с левой стороны. В левой руке держали повод, а в правой — хорей, который служил для понукания животных.

Лыжи нганасаны не использовали, а лодки делали двух типов: каркасные, обтянутые оленьими шкурами, и деревянные долбленки. Весла были двухлопастными.

Одежду шили из оленьих шкур. Особенностью нганасанской одежды была ее непохожесть на одежду других сибирских народов. Подобная бытовала лишь у тундровых энцев. Верхнюю одежду — парку шили довольно короткой, до колен, и сравнительно легкой. В этом видны черты того времени, когда нганасаны не знали оленеводства и основное пропитание добывали пешей охотой, при которой одежда должна быть легкой, не стесняющей движения. На пошив совика шли теплые оленьи шкуры. Нижнюю одежду шили из тонко выделанной ровдуги (замши).

Мужская зимняя парка была двухслойной в отличие от однослойной летней. Обе были глухого типа (без разрезов) и имели пришивной капюшон. Женская парка часто шилась вообще из шкур без шерсти, была распашного типа, с меховой опушкой по вороту и без капюшона. Его заменяла шапка — типично женская часть костюма у нганасан.

Сборы в аргиш. Разборка чумов. р. Янгода 1938 г.

На спину верхней одежды пришивались ленты из ровдуги, окрашенной охрой, а по подолу шла опушка из шерсти так называемых «нганасанских собачек». При дальних поездках поверх парки надевался сокуй — одежда из оленьих шкур длиной до пят. Особенностью сокуя был нашитый вертикально в виде своеобразного султана на капюшоне олений хвост.

Нижняя одежда женщин представляла собой два комбинезона, нижний — из ровдуги и верхний — из шкуры оленя. На нижний комбинезон нашивали медные серповидные пластины и ленты с трубочками — игольницами, кресалом, трубочисткой, кисетом и другими предметами.

Мужчины носили короткие натазники. Наличие высокой обуви, комбинезона с натазниками и верхней одежды привело к отсутствию

потребности в длинных штанах. Своеобразна была и обувь нганасан (бакари), которая шилась без подъёма, в виде цилиндрических, зауженных столбиков. Свободное воздушное пространство в обуви между стопой и стенкой бакаря нагревалось от тепла ноги, однако при этом конденсировалась влага, и поэтому такая обувь требовала ежедневной просушки.

Волосы нганасаны, как мужчины, так и женщины, заплетали в две косы и смазывали их оленьим жиром. Украшались косы металлическими подвесками, вплетенными в них.

Для защиты от нестерпимого сияния весеннего снега использовали снеговые очки, представлявшие собой две нашитые на кожаную ленту медные округлые пластины с узкой горизонтальной прорезью посередине.

Пищу (мясо животных, дичь, рыбу) нганасаны употребляли в сыром, мороженом, сушеном и вареном видах. Основной пищей нганасан было мясо дикого оленя. А так как большую его часть они добывали во время летне-осеннего сезона, то особую важность приобретало сохранение мяса на зиму и весну. Основным способом консервирования было вяление. Тонкие длинные куски оленины вялили, затем резали на мелкие кусочки, смешивали с жиром и снова вялили. Ели и парное мясо оленя, его сырые головной и костный мозг, печень, почки, язык, непереваренное содержимое желудка. Даже при варке оленьего мяса его старались лишь слегка обварить снаружи, оставляя сырым внутри.

Другими объектами мясной охоты служили заяц и песец. С февраля по май значительную долю в рационе питания составляла куропатка, а с июня по сентябрь — различные виды уток и гусей. На июль-октябрь приходилось время активного лова рыбы: кумжи, нельмы, муксуна, чира, пеляди, сига, осетра, щуки, налима.

Деликатесами считались кровяная похлебка (зимой кровь замораживали), прогорклый костный и нутряной жир, проквашенное мясо, а также свежемороженное мясо и рыба. Любили лепешки из муки с вяленой икрой и сало, сваренное с такой же икрой.

Жир, как гусиный, так и вываренный из костей и потрохов, хранили в сосудах, изготовленных из снятой целиком рыбьей кожи, шкуры олененка, желудка оленя. Использовали для этой цели и надутую кожу с гусиных лап, отверстия в которых туго стягивали ремешками.

Рыбу вялили, а рыбы пупки варили и затем смешивали их с рыбьим жиром, получая так называемую «варку», которую сохраняли впрок.

Из покупных продуктов использовались лишь чай и табак, да в незначительном количестве мука, из которой готовили пресные лепешки.

Социальная организация

Нганасаны делились на две территориальные группировки (ранее, видимо, племена): авамскую и вадеевскую. В свою очередь каждая из этих группировок состояла из отдельных патрилинейных родов. Среди авамских нганасан насчитывалось 5 родов, а вадеевских — 7. Роды были экзогамны, то есть членам одного рода нельзя было вступать в брак между собой. Запрещены были и брачные связи с женщинами рода матери вплоть до третьего поколения.

После смерти мужа вдову мог взять в жены брат умершего. Бездетные семьи могли усыновлять детей из другого рода. Члены рода обязаны были осуществлять кровную месть за убитого сородича. Но убийце можно было и откупиться от наказания, отдав потерпевшей стороне «за кровь» трех-четыре олени.

Каждый род владел конкретной территорией, которая и считалась его родовой землей. В то же время ограниченность пищевых ресурсов не позволяла всем членам какого-либо нганасанского рода кочевать совместно. Поэтому род был раздроблен на отдельные кочевые общины, ведшие самостоятельное хозяйство и перемещавшиеся на протяжении года по постоянным маршрутам. Но члены рода сообща владели всей общей территорией и соблюдали нормы родовой взаимовыручки.

Зимой в лесотундре несколько кочевых хозяйств объединялись для совместного окарауливания стад, а на лето такая община разбивалась на отдельные чумовые хозяйства. Объединение в группы происходило и на сезон массовой добычи дикого оленя во время поколов. Но и тогда общее количество людей в такой группе редко превышало тридцать-сорок человек.

Единство роданаходило свое выражение и в существовании родовых культов и совместных празднеств, таких, как праздник «Чистого чума» или праздник Аны`о-дялы. Имелись также и общеродовые святыни, пользовавшиеся почитанием всех членов рода.

Мужчина становился полноправным членом рода с момента добычи первого оленя. Этим он как бы доказывал свою способность прокормить семью и вести личное хозяйство. У женщин полноправие наступало с выходом замуж и рождением ребенка. Вообще, нганасанская женщина обладала значительным влиянием в обществе. Ей принадлежали огонь в жилище и само жилище. Это же право распространялось и на любые продукты питания, добытые охотниками. Именно женщины распределяли пищу и распоряжались продуктами. Без согласия жены муж не мог даже угостить гостя.

В случае неудачной охоты у соседей им выделялась доля из

чужой добычи. Нетрудоспособных бедняков отдавали на содержание в богатые семьи. Убитого оленя охотник должен был подарить соседу, и тот уже выделял ему часть добычи. Все это примеры родовой взаимопомощи. Такая взаимопомощь существовала и между дружественными родами. В случае неудачной осенней охоты одного из таких родов другой род выделял ему часть своей добычи.

Род был заинтересован в том, чтобы его богатство не уходило в другие роды. Поэтому, когда умирал бездетный человек, его имущество передавалось одному из его близких родственников по мужской линии, как правило самому бедному. В случае выхода вдовы замуж в чужой род за нее брали калым.

Стойбище на р. Янгода. 1938 г.

С течением времени родовые отношения все более вытеснялись соседскими. Уже в XIX в. нганасанские стойбища редко состояли из родственников. В одних случаях объединялись представители разных родов для совместной охоты или выпаса оленей. В других — бедные хозяйства, не имеющие достаточного количества оленей для кочевания, присоединялись к богатому оленеводу, пользуясь его оленями за плату или отработку.

Мнение стариков воспринималось как обязательное, без их советов не начинали никакого дела. Именно они были руководителями кочевых общин. Бывали случаи, когда такими руководителями могли становиться и старейшие женщины.

Брак у подавляющей массы нганасан был моногамным, хотя некоторые богачи могли иметь и по несколько жен.

Почти до начала XX века нганасаны очень мало зависели от внешнего мира, покупные товары играли в их жизни очень незначительную роль. Кроме самих себя, своих опыта и умений, им не на что было рассчитывать. Все это, видимо, сказалось на формировании их характера. Наблюдатели отмечали независимый нрав нганасан, их стремление сохранить свою самость, нежелание иметь тесные связи с другими народами. «Они горды, замкнуты, чужды всему, что приходит к ним извне, и, дорожа своей свободой, не признают никаких внешних обязательств».

Семейная обрядность

Брачные нормы нганасан предписывали им определенные ограничения в выборе жены. Нельзя было жениться на девушках из рода отца и на девушках из рода матери до третьего поколения. Запрещалось вступать в брак молочным братьям и сестрам. Налагался запрет и на браки между членами рода мужа сестры, с одной стороны, и родом жены брата — с другой; младший брат не мог взять в жены женщину из рода жены его старшего брата.

Этими же запретами регулировалась и добрачная половая жизнь. Нганасаны довольно легко смотрели на добрачные связи молодежи, не видя в этом ничего предосудительного. Юноша любовными песнями и ухаживаниями старался добиться расположения понравившейся ему девушки, делая это даже в присутствии ее родителей или других людей. В случае ее согласия они обменивались подарками, и он получал право приходить к ней ночью и спать с ней. Хотя такой приход и оставался якобы в тайне, но и родители, и соседи всегда были в курсе происходящего. Если любовные отношения прекращались, то партнеры возвращали подарки друг другу, и на этом их связь считалась законченной. Зачатые от таких связей дети после замужества матери оставались у ее родителей и имели полные права на наследство, не отличаясь в этом отношении от других детей.

Браки у нганасан заключались в период от 13–14 до 17–18 лет. Сговор происходил при помощи свата, как правило на эту роль старались пригласить родственника со стороны матери жениха. В то

же время и со стороны невесты решающее значение имело не слово отца, а позиция ее матери и мнение старших женщин материнского рода.

За невесту стороной жениха платился выкуп, состоящий как из престижных вещей (шкур волков, песцов, металлических украшений), так и имеющих реальную ценность (домашних оленей). Но в то же время и невеста привозила с собой в качестве приданого от 8 до 20 запряженных оленями нарт с вещами. Среди них должны были

Погребения в тундре. 1938 г.

находиться зимняя и летняя покрывки для чума, домашняя утварь, личная одежда, полный комплект праздничной одежды для мужа. Таким образом, размеры выкупа и приданого в общем совпадали.

В то же время из-за часто встречающейся ситуации невозможности собрать требуемый объем выкупа у нганасан широкое распространение получил брак путем обмена, т.е. когда двое мужчин женятся, обмениваясь своими сестрами или племянницами.

Бытовали у нганасан и разводы. Причинами этому служили как правило или бесплодие жены, или ее неверность. В таких случаях мужчина мог жениться на младшей сестре своей бывшей жены или

ее племяннице. Если же этого не случалось, то сторона его бывшей жены возвращала ему калым, и брак считался расторгнутым.

На беременную женщину в силу ее нечистоты, по представлениям нганасан, накладывался ряд запретов. Так, ей запрещалось есть мясо зайцев — ребенок может родиться пучеглазым и косым, запрещалось пересекать следы недавно прошедшего зверя — осквернит добычу. В последние месяцы беременности она не должна отлучаться из чума, а кормят ее в это время только оленьим мясом.

Рожали женщины стоя на коленях, упираясь руками в колышек, вбитый в землю. Принимала роды повивальная бабка. Приняв ребенка, она катала его по снегу, чтобы «после лучше терпел стужу». Кормила роженицу та же бабка, но, чтобы не оскверниться, она подавала той еду на конце длинной доски, не приближаясь к ложу матери.

Детей нганасаны очень любили и окружали их нежной заботой и вниманием. Но в то же время они должны были беспрекословно подчиняться взрослым. Имя ребенок получал не сразу, а только в три-четыре года. С раннего возраста детей приучали к работе. Уже в пять лет мальчик получал копье. Девочки с шести-семи лет учились вырезать узоры для украшения одежды.

Смерть человека нганасаны связывали с кознями злых духов. Посмертную жизнь они представляли себе как подобие земной. Умерший уходил в нижний мир, где продолжал охотиться, рыбачить, пасти оленей. А через некоторое время его душа вселялась в какого-либо родившегося ребенка.

Уже в семь лет ребенку впервые шьют погребальную одежду и на протяжении всей его жизни, по мере роста перешивают ее три раза. Шилась она из лучших материалов и была значительно красивее обычной. Погребальная одежда всегда была зимней, так как, по представлениям нганасан, в нижнем мире царила вечная зима. Похоронные обряды отличались сложностью. Два дня умерший находился в чуме. С ним обращались, как с живым: давали еду, трубку, с ним разговаривали. Один из близких родственников покойного выступал его заместителем, ведя разговоры с окружающими от его лица. Затем трупу сгибали ноги, правую руку клали на голову и зашивали в мешок, укладывали на нарты и отвозили в тундру. На другие нарты грузили все личные вещи покойного.

По представлениям нганасан, человек на протяжении жизни оставлял частичку своей жизненной силы во всех предметах, с которыми соприкасался. И чем длиннее жизнь, тем больше таких предметов. И если и эти вещи не отправить с ним в потусторонний мир, то они принесут смерть тем людям, которые пользуются ими.

Поэтому, наиболее значительным был погребальный инвентарь у старых женщин, которые всю жизнь обшивали свою семью.

Способов захоронения было несколько. В тундре хоронили в неглубоких могилах (до 50 см. глубиной), в лесотундре — на земле, оставляя труп на нартах, и воздвигая над ним сооружение из наклонно поставленных древесных стволов (в виде остова чума). Оленей, которые везли покойника к месту погребения, забивали и оставляли на месте. Практиковались и воздушные захоронения (для детей).

Мировоззрение и культы

В мифологии нганасан представлено два сюжета мифа о сотворении мира. По одному из них, изначально существовал только океан, воды которого достигали неба. Творцом мира в этом мифе выступает птица каменушка, доставшая из глубин моря кусочек земли с различными растениями, из которой и выросла наша суша. В другом сюжете основная роль отводится оленю, спина которого и есть наша земля. Из правого рога этого оленя возникли таймырские горы Бырранга, холод и северное сияние, а из южного — плато Путорана, полезные ископаемые металлы (железо, медь), грозовые и снеговые облака.

Вселенную нганасаны делили на три мира, три сферы. Верхний, надземный мир, как и нижний, подземный, делился на несколько ярусов — три или девять. Между ними располагается средний мир — наша земля. Верхний мир похож на средний, но почти всё, находящееся в нем превосходит земное по качеству и количеству. Состоит он, в основном, из скал и утесов. Изобилие диких оленей и рыб несравнимо с земным миром. Населяют верхний мир различные божества и духи, часть из них относится к людям доброжелательно, а часть враждебна им.

В нижний мир, темный, по сравнению с нашим миром, отправляются души умерших людей. Он является обиталищем злых духов — духов растительности и богатства.

В мифологии нганасан каждый вид живой или неживой природы или же ее явления имеют своим началом рождение от какой-либо матери. Особо почиталась Земля-мать, прародительница всего сущего на земле. Именно она вкладывала в лоно женщин начала будущих детей. Получив этот дар, женщины рождали тела, а Солнце-мать давала новорожденным жизнь и растила их.

Жизнь людей зависела во многом также и от других рождающих начал. Наиболее важными среди них были Луна-мать, Огонь-мать,

Вода-мать и Дерево-мать, дарующие людям жизнь, тепло в жилищах, пищу (рыбу) и древесину для различных изделий (чум, нарты, посуда и т.д.).

Имелись «матери» животных — Дикий олень-мать, Домашний олень-мать, Медведь-мать, Волк-мать, Горностай-мать, Чайка-мать и т.д.

Существенным в космогонии нганасан было и понятие нго (дух, бог, хозяин, дьявол). Нго были бесчисленны, населяли все миры. Свои нго имелись у каждого вида, каждого класса предметов, явлений и существ: нго камней, различных деревьев и растений, воды, всех пород птиц и животных, человеческих родов, племен, народов и т.д. Даже Земля-мать, Огонь-мать и другие чрезвычайно почитаемые «матери» имели своих нго.

От этих духов-хозяев зависела вся жизнь человека, его благополучие. Духи промысловых животных, рыб и птиц как правило относились к людям благожелательно, но только при соблюдении ими определенных правил по отношению к этим духам. Так, нельзя было добывать больше, чем необходимо для пропитания, запрещалось относиться к добытому зверю жестоко, жадничать. Часть добычи следовало уделять нго. При нарушении запретов духи-хозяева могли жестоко отомстить человеку, даже лишить жизни как его самого, так и его семью.

Наряду с духами-хозяевами животных существовали и духи-хозяева отдельных местностей, рек, озер, гор. Этим духам были подвластны все виды живности, находящейся на их территории, поэтому нганасаны, ведя промысел в какой-либо местности, всегда приносили жертвы местному духу-хозяину. В отношениях с ними люди также должны были соблюдать определенные запреты. Нельзя называть его по имени, хоть вслух, хоть мысленно; нельзя хвастать своей добычей или бросать уже добытого зверя в надежде на дальнейшую удачу. Подобными поступками можно нанести оскорбление духу-хозяину местности, обидеть его.

Но, кроме благожелательных по отношению к человеку матерей и духов-хозяев, в мировоззрении нганасан имели место и зловредные, опасные для них по своей природе существа. Все они разительно отличались своим внешним видом от людей. И именно это было основным признаком принадлежности их к чуждым людям мирам. Среди этих существ наиболее часто упоминаются баруси — люди с одной ногой, одним глазом, одной рукой. Или же привидения нгамтер. Опасность для людей представляли также людоеды сиге и людоеды хорнгы. Последние виделись нганасанам чудовищами

с тремя головами, железными когтями и страшными зубами. К этой же категории существ относились и лэнгхоры нгангутуо — люди без голов, рот которых расположен на груди, а глаза — под ключицами. Злобы и козней этих существ нганасаны должны были опасаться ежечасно.

Наиболее значимые для жизни божества и духи-хозяева нганасан как правило не имеют определенного зримого образа, воплощаемого в каком-либо изображении. В то же время отдельные ипостаси этих божеств и духов, имели видимое осязаемое выражение (из камня,

Шкура жертвенного оленя. 1927 г.

дерева, травы и т.д.). Эти предметы в сознании нганасан наделялись способностью влиять на события, действовать по своему усмотрению. Назывались они «койка» и, по сути, представляли собой идолов. Каждая нганасанская семья имела по несколько койка, к помощи которых обращались при всяком жизненном затруднении. При перекочевках их перевозили на специальных нартах, так называемых «шайтанских санках».

Шаманы в нганасанском обществе представляли необходимый элемент для существования самого общества. Почти каждая кочевая группа имела в своем составе собственного шамана, который защищал именно ее интересы. Интересы эти касались отстаивания

перед другими кочевыми группами своих мест поколок, маршрутов кочевания, пастбищ, защиты своих стад и увеличения их поголовья и т.д.

По своей функции шаманы являлись посредниками между нашим миром, миром людей, и потусторонними мирами, мирами нго. Они лечили больных, приносили жертвы духам-хозяевам различных животных, ожидая в ответ удачного промысла своих соплеменников, защищали стада домашних оленей, разыскивали воров, устанавливали погоду. При случае шаман мог специально напустить порчу или на неугодного ему человека, или же пытаться добиться собственной цели, например, жениться на понравившейся ему девушке.

Сила шамана зависела от количества и «качества» его духов-помощников. Поэтому не каждый «избранник духов» мог иметь полный набор шаманских атрибутов. В такой набор должны были входить шаманская парка, нагрудник, металлический венец, обувь, бубен и колотушка. И только тот шаман, который обладал всем комплектом шаманского одеяния и нужных для камлания атрибутов, почитался великим, сильным, могущественным. Великие шаманы нганасан могли владеть даже сразу тремя полными комплектами шаманских атрибутов: одним — для путешествия в верхний мир, другим — в нижний, а третье одеяние шаман использовал, оказывая помощь рожаящей женщине.

Духовная культура

Устное народное творчество нганасан представлено разнообразными жанрами, которые можно разделить на две группы: ситаби (героические сказания о богатырях) и дюрумэ (сказки, мифы, предания). В фольклоре нганасан отражаются как культурные контакты с соседними народами, так и сложность формирования самого нганасанского этноса.

Самым интересным является то обстоятельство, что в исторических преданиях нганасан, относящихся к фольклорной группе дюрумэ, о самих нганасанах нет никакого упоминания. В них фигурируют тундровые тунгусы, таежные тунгусы, ненцы и даже чукчи, а вот самих нганасан нет. Все это говорит о том, что данный жанр нганасанского фольклора сформировался тогда, когда самих нганасан еще не было, а на исторической сцене выступали их предки — тунгусские и дотунгусские аборигены Таймыра.

В тот же жанр дюрумэ входят сказки, в их числе сказки русские, подвергшиеся определенной переработке, сказки о хитреце Дяйку,

фантастические сказки, сказки о животных и сказки об Ибуле, герою анекдотического характера, делающем всё наоборот. Отдельные жанры дюрумэ составляют мифы, повествующие о происхождении земли, жизни и первых людей, и рассказы о сверхъестественных существах, а также предания о шаманах. Сюда же примыкают и бытовые рассказы, повествующие о повседневной жизни обитателей тундры.

Еще один жанр — былины (ситаби). Они рассказывают о богатырях, сражающихся друг с другом, полностью заимствованы нганасанами от ненцев. Это были довольно значительные по объему поэтические сказания эпического направления, исполняемые сказителями на протяжении нескольких вечеров подряд.

Среди особо значимых для нганасан праздников следует упомянуть празднество «Чистого чума», праздник прохождения через «каменные ворота» и праздник Аны`о-дялы. Празднество «Чистого чума» проводилось сразу же после окончания полярной ночи и было связано с поклонением нганасан солнцу. Шаман, устраивавший этот праздник, спрашивал у богов счастья и благополучия для народа на весь наступающий год. Праздник «Чистого чума» мог продолжаться от трех до девяти дней.

Аны`о-дялы — праздник общинных жертвоприношений Солнцу-матери, Земле-матери, Луне-матери и Воде-матери. В то же время на этом празднике допускалось свободное общение молодых людей. Они танцевали, пели песни любовного содержания, завязывали короткие знакомства, которые затем могли перейти и в близкую связь. Праздник продолжался всего одну ночь и заканчивался состязаниями в стрельбе из лука и борьбе. Посторонних на этот праздник старались не допускать.

Праздник прохождения через «каменные ворота» проводился реже и как правило заменял празднество «Чистого чума». Особенностью этого праздника было прохождение на его завершающем этапе всеми присутствующими специально построенных каменных ворот.

Из музыкальных инструментов нганасанам известны бубен с колотушкой, «поющий лук» и «поющая струна», разные виды свистков, жужжалки и трещотки. Под их аккомпанемент исполнялось несколько разновидностей песен: личная песня, «песня пьяного», детская песня и шаманская песня.

Из декоративно-прикладного искусства нганасанам были известны гравировка по мамонтовой кости, инкрустация и штамповка по металлу, окраска кожи и шитье подшейным волосом оленя. Обработка

Женщина в зимней одежде. 1938 г.

кости получила наибольшее развитие в гравировке нащечных пластин из мамонтовой кости для оленьей сбруи. Железные изделия довольно часто инкрустировались медью и серебром. Изделия из листовой меди украшались штампованным орнаментом.

В отличие от соседних эвенков, нганасаны практически не использовали в украшении одежды орнаментику бисером. Орнамент нганасанской парки состоял из геометрических фигур, окрашенных в черные и красные цвета, окантованных жгутиками из оленьего волоса.

Литература:

Попов, А. А. Тавгийцы. Материалы по этнографии Авамских и Вадевских тавгийцев / А. А. Попов // М.-Л. 1935.

Попов, А. А. Нганасаны. Вып. I, Материальная культура / А. А. Попов // М.-Л. 1948.

Долгих, Б. О. Происхождение нганасан / Б. О. Долгих // Труды Института этнографии. Т. XVIII. М.: Издательство АН СССР, 1952. С. 5–87.

Васильев, В. И. Проблема этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) / В. И. Васильев // Этногенез народов Севера. М.: «Наука», 1980. С. 41–67.

Симченко, Ю. Б. Нганасаны / Ю. Б. Симченко // Этническая история народов Севера. М.: «Наука», 1982. С. 81–99.

Попов, А. А. Нганасаны. Социальное устройство и верования / А. А. Попов. Л.: «Наука», 1984. 152 с.

Симченко, Ю. Б. Нганасаны. Система жизнеобеспечения / Ю. Б. Симченко // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXII. М.: Типография ИНИОН РАН, 1992. 202 с.

Грачева, Г. Нганасаны / Г. Грачева // Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994, С. 242–244.

ЭНЦЫ

Общие сведения

Энцы — народ, чрезвычайно близкий к нагасанам как в языковом, так и в культурном отношении. Живут они в Усть-Енисейском районе Таймырского национального округа. Численность и этническая территория энцев за последние четыреста лет значительно сократились. Еще в начале XVII века кочевья предков энцев охватывали огромный регион от верховьев Таза на юге до Северного Ледовитого океана на

Семья тундровых энцев. 1926/7 гг.

севере и от истоков правобережных притоков реки Пур на западе до реки Пясиной на востоке. Но к настоящему времени энцы проживают лишь на правобережье Енисея и Енисейского залива ниже Дудинки и в районе села Потапово выше этого города. Соседями энцев являются нганасаны и долганы на востоке, ненцы — на западе, на юге — селькупы и кеты, а эвенки — на юго-востоке.

Численность энцев невелика: на 1989 год их насчитывалось около

200 человек (по опросным этнографическим данным до 340), а по переписи 2002 г. — 327 человек. Б.О. Долгих, на основании письменных источников XVII века определял количество предков энцев на то время в три тысячи человек.

Энецкий язык входит в северную ветвь самодийской группы уральской языковой семьи. В прошлом их называли самоедами: карасинскими самоедами и самоедами хантайскими. Название энцы было введено в обиход только в 1930-х годах и происходит от энецкого «энэтэ» / «эн-нэчэ», что означает «человек, мужчина».

Несмотря на малое количество энецкого населения, в географическом, культурном и диалектном отношении оно делится еще на две группы: лесных и тундровых. Первые известны под названием пэ-бай (карасинские самоеды), а вторые — маду или сомату (хантайские самоеды). Различие между их диалектами настолько велико, что затрудняет взаимное понимание.

Территория расселения лесных энцев расположена южнее Дудинки по обоим берегам Енисея, а тундровые энцы кочевали между рекой Малая Хета и озеро Пясино на юге, до реки Пуры (приток Пясиной) на севере. С 1830–1840-х годов часть лесных энцев, наиболее богатых домашними оленями, стала кочевать вместе с тундровыми.

Этногенез и этническая история

По мнению большинства ученых, сложение энецкого этноса произошло в низовьях Енисея в результате слияния двух групп разноэтнического населения. С одной стороны, это были самодийскоязычные пришельцы с юга Сибири, а с другой — местное аборигенное население, прауральское или родственное по языку современным юкагирам. К пришельцам современная этнографическая наука относит такие энецкие роды, как Сойта, Муггади, Ючи, Бай, а к автохтонному населению — Лодоседа, Сонуко, Ядне. Самодийцы принесли с собой на Север навыки домашнего оленеводства и свой язык, который восприняли и аборигены, а вклад местного населения заключался в прекрасной приспособленности их культуры к суровым условиям полярной зоны.

В состав Русского государства предки энцев были включены в начале XVII века. На территории их расселения была возведена знаменитая Мангазея, центр обширного Мангазейского уезда (позднее Туруханского края). Для взимания ясака с коренного населения построены ясачные зимовья — Леденкин шар, Верхотазское и Худосейское на реке Таз, Туруханское и Хантайское на Енисее.

Тундровые энцы включали в это время в свой состав роды Солда, Мундидэа, Лодоседа, Сойта, Садо, Сонуко. А лесные энцев — роды Бай, Аседа, Муггади, Ючи, Мундидэа и некоторые другие. Кроме того, в этот период к энцам примыкали некоторые другие самодийские роды — кураки, пясидская самоедь и тидирисы, позже вошедшие в состав нганасан. Именно от энцев язык самодийского типа проник к предкам нганасанов, став их родным языком.

Стойбище тундровых и лесных энцев на Моховой Лайде. 1926 г.

На протяжении XVII–XVIII веков произошли большие перемены в расселении и численности энцев. Именно к этому времени относится продвижение соседей энцев на их коренные земли. Ненцы с запада, селькупы, кеты и эвенки с юга постепенно вытеснили энцев из бассейнов рек Таз и Турухан, с низовьев Курейки и Нижней Тунгуски. В энецком фольклоре упоминаются две их войны с ненцами в этот период. Третья война произошла уже в середине XIX века, когда в битве на озере Туручедо зимой 1849–1850 годов энцы вместе со своими союзниками нганасанами и эвенками разбили вторгшиеся на их земли ненецкие отряды. С тех пор границей между ненцами и энцами стал считаться Енисей. Его правая сторона получила название самоедской, а левая — юрацкой.

Часть энецких родов, таких как Аседа, Салерта, Чор и некоторых других, оставшихся на местах прежних кочевий, была ассимилирована ненцами. От них происходят современные ненецкие роды Нгаседа,

Чор, Лампай. От энцев же происходят селькупские фамилии Чекурмин и Юфтин, кетские Шадрин и Болин.

Большой урон численности энцев нанесли опустошающие эпидемии оспы, особенно частые в XVII–XVIII веках, и нередкие голодовки. Не способствовали стабильности жизни и такие события, как, например, восстание 1695 года против мангазейских служилых людей энецкого рода Аседа.

Хозяйство

Основными занятиями энцев были оленеводство, охота и рыболовство. Традиционно оленеводство энцев носило транспортный, подсобный по отношению к охоте, характер. Следовать за стадами диких оленей было гораздо легче не пешком, как это практиковалось до появления домашнего оленеводства, а передвигаясь за ними на нартах, запряженных прирученными оленями. На нартах ехали сами, перевозили на них разобранные чумы, домашний скarb, добытые туши дикаря.

Но к XIX веку оленеводство лесных и тундровых энцев уже имело определенные различия. Лесные энцы по-прежнему держали домашних оленей лишь для транспортных нужд. При таком способе оленеводческого хозяйства зимой домашних оленей выпасали около стойбищ. С середины мая их отпускали на свободный выпас в тайгу. В июле-августе, в самую комариную пору, олени сами подходили к жилищам людей, спасаясь от гнуса у специально разводимых энцами дымокуров. Вновь собирали оленей в стадо лишь в конце сентября. При таком способе хозяйствования на семью требовалось около тридцати домашних оленей.

Тундровые энцы к этому времени под влиянием ненцев, перешли к крупнотабунному оленеводству. Охота и рыболовство стали играть в их жизни гораздо меньшую роль. На лето они со своими стадами оленей уходили на север, в бассейн реки Гольчихи и на Моховую лайду, а на зиму перекочевывали в район Дудинки, к границе лесотундры. На семью тундровых энцев приходилось по несколько сотен оленей. Были хозяйства, владевшие несколькими тысячами домашних оленей. С середины XIX века вместе с тундровыми энцами стали кочевать и многооленные хозяйства лесных энцев, в основном, из рода Бай.

Главной добычей энцев были дикие олени. Охотились на них как индивидуально (при помощи оленя-манщика, с использованием маскировочного щитка на полозьях с отверстием для ружья или на на-

ртах), так и коллективно. Коллективом добывали оленей на поколках и загоняя их в ловушки с установленными сетями на перешейках между озерами. Кроме оленей, зимой охотились на куропаток, а летом

Отдых в пути. 1926 г.

добывали в большом количестве уток, гусей и лебедей, загоняя их в сети на берегу, или били беспомощную птицу палками. Лесные энцы промыслили и боровую дичь — глухаря, тетерева и рябчика. Для их добычи применяли силки и ловушки давящего типа — слопцы.

При охоте использовали лук со стрелами. Наконечники стрел были нескольких типов: вильчатые, для охоты на дичь, четырехгранные, для добычи оленей. Каждый охотник имел также копье и нож.

Рыболовство играло довольно значительную роль, особенно у лесных энцев. Ловили сига, муксуна, чира, нельму, сельдь, корюшку, осетра и стерлядь. Занимались рыболовством и зимой, и летом. Для лова использовали небольшие ставные сети, переметы, самоловы. Небольшие речки перегораживали тальниковыми прутьями, делая запоры. Невода имела далеко не каждая семья. Сети и невода плели из распущенной мешковины. При рыболовстве использовали лодки-

долбленки и каркасные лодки, обтянутые кожей. Весло было двухлопастным.

Материальная культура

Жилищем энцам служил конический чум такого же типа, как и у нганасан. На его установку шло от 25 до 50 шестов. Покрывали его нюками, сшитыми из оленьих шкур. Зимние нюки были двойными, внутренний — шерстью внутрь чума, а наружный — наружу. Летом лесные энцы для покрытия чума использовали сшитые полосы вываренной бересты — тиски. Вход в энецком чуме ориентировали на восток. В центре чума располагался очаг, представлявший собой железный лист, положенный на два чурбачка. На торцах этих чурбачков вырезали личины — изображения духа-хозяина чума. Задняя часть чума, дальняя от входа, считалась священной. Там находились культовые предметы. Между входом и очагом складывали дрова. В чуме женщины располагались ближе к входу, а мужчины дальше от него.

Летом энцы как правило кочевали отдельными семьями, а зимой малооленные семьи старались объединиться на одном стойбище для лучшей защиты своих стад от волков. Объединялось несколько семей и для проведения коллективных охот, тех же покоев осенью. На стойбище чумы располагались в одну линию или по дуге. Зимой устраивали стойбища в закрытых от ветра местах, а летом — на продуваемых. Лесные энцы летом ставили свои жилища на берегах рек.

Энецкие нарты так же, как и нарты других народов Севера, подразделялись на легковые мужские, женские и грузовые, среди которых в свою очередь выделялись нарты для перевозки одежды, для перевозки шестов и нюков чума, лодки, топлива и т.д. Существовали и так называемые «священные нарты», на которых перевозили культовые предметы, а шаманы — свое облачение. К женской нарте крепился меховой полог, а мужчины зимой при поездках использовали специальный меховой мешок для ног. Лесные энцы крепили к передку нарт деревянную дугу, предохраняющую нарты от ударов о деревья. В грузовую нарту запрягали 4–5 оленей зимой и 6–7 — летом. В грузовую — 2–3 оленей. Передовой олень всегда был с левой стороны, поэтому и посадка на нарты совершалась с той же стороны. Запрягали оленей в упряжку «веером».

Еще одним видом транспорта были лодки-долбленки с надшитыми дощатыми бортами.

Одежда тундровых энцев практически ничем не отличалась от нганасанской, а вот лесные энцы в XIX в. восприняли одежду ненецко-

го типа. Шили одежду из оленьих шкур, а вместо ниток использовали оленьи же сухожилия. Для пошива одной парки мастерице нужно было сделать около 80 тысяч стежков.

Традиционная мужская верхняя одежда (парка) была глухого типа, с капюшоном. Носили сразу две парки. Нижнюю шили мехом к телу, а верхнюю — мехом наружу. В зимнюю пору при дальних поездках поверх парки надевали длинный меховой сокуй, особенностью которого был пришитый к лобной части рог — выступ из шкуры, набитый шерстью и жилами. Вместо штанов носили короткие натазники, так же

Женская нарта. 1926 г.

двойные. Нижние шили из тонко выделанной ровдуги, а верхние — из оленьей шкуры мехом внутрь. Обувь шилась без подъема, в виде слегка зауженных кверху чехлов.

Нательной женской одеждой был комбинезон, летний — из ровдуги, зимний — меховой. На грудь комбинезона крепились от пяти до семи медных серповидных пластинок. На нем же закреплялись огниво, крючок для чистки курительной трубки, игольницы. Женская парка была распашной, без капюшона, с меховым воротником. Шапка типа капора, но с длинными ушами. Женская обувь была немного короче мужской.

Существовала и специальная одежда, которую надевали по праздникам и в которой хоронили умерших. По покрою она ничем не отличалась от повседневной, но была гораздо богаче украшена.

Традиционная энецкая пища состояла из рыбы и мяса в мороженом, свежем и вареном видах. Главным продуктом потребления было мясо дикого оленя. Сразу же после добычи оленя в сыром виде съедали его сердце, почки, печень, мозг и язык. Лакомством считался и окологлазый жир оленя. Кровь сливали в олений желудок. Мясо лишь слегка обваривали, поэтому оно всегда оставалось полусырым, а жарку мяса энцы не применяли. Практиковали также копчение и вяление оленины.

Рыбу также ели сырой или вялили. Готовили и порсу — сушеную рыбу толкли в муку, добавляли жир и хранили эту смесь в мешках из кожи налима. Зимой из мороженой рыбы готовили строганину.

Любовь к сырой пище, богатой витаминами, диктовалась нехваткой растительной пищи, так как северная природа не щедра на этот вид питания. Из растительных продуктов потребляли в основном ягоды: бруснику, голубику, морошку. С этой же целью ели и полупереваренное содержимое оленьего желудка.

Социальная организация

Как уже было сказано выше, энецкий этнос делился на две этно-территориальные группы: лесных и тундровых. Каждая из этих групп состояла из нескольких кровнородственных родов. В начале XX века среди лесных энцев были известны роды Муггади (Болины), Бай (Силкины и Кепоркины), Ючи (Ошляпкины) и Яд (Коярины). Тундровые энцы состояли из родов Лодоседа и Буналя (Туголуковы), Тадобэу (Соваловы), Саду (Фильковы), Сойта (Горлашкины), Солда (Каплины), Сонуко (Ледовойко), Багго и Масодай (Мирные). С ними же кочевала и часть лесных энцев родов Муггади (Турутины) и Бай (Силкины).

Каждый род был экзогамен, т.е. браки внутри рода были строгойше запрещены. Кроме того, имелись запреты на браки и между некоторыми родами, например, не могли вступать в брачные отношения между собой члены родов Лодоседа, Тадобэу, Саду и Масодай.

Хотя за родом к началу XX века продолжали сохраняться некоторые реальные функции, както: защита своих членов, различные формы взаимопомощи, сбор калыма и приданого, — основной производственной единицей становится отдельная семья. На смену родовым отношениям приходят территориально-общинные. Теперь стойбища стали формироваться не по родовому признаку, а по территориальному. Поэтому в одном стойбище стали проживать представители разных родов и даже этносов, которых объединяла не родовая принадлежность, а экономическое положение, например, малооленность.

Домашние олени находились в личной собственности конкретных людей. Основная часть стада принадлежала главе семьи, но свои олени были и у его жены (приведенные ею в качестве приданого) и у их детей (подаренные родичами и друзьями). После смерти отца его сыновья могли разделить стадо между собой, но могли продолжать владеть им совместно.

Тундровые энцы в районе р. Гольчиха. 1926 г.

В собственности женщины находилось и само жилище, так как шесты для чума и нюки для его покрытия она после замужества приносила с собой. Еще одной из важнейших функций женщины было распределение пищи, хозяйкой которой она считалась. Даже шкура и мясо забитого оленя, принадлежавшего ее мужу, как только их вносили в чум, уже принадлежали хозяйке. И одежда, которую носил мужчина, не считалась его собственностью, он не мог ее продать или обменять, так как шила ее жена.

Детей начинали готовить к взрослой жизни, т.е. обучать их различным умениям, необходимым мужчинам и женщинам, с 7–8 лет. Мальчик считался взрослым с добычей первого дикого оленя, а девочка — с началом половой зрелости.

Существовали у энцев многоженство, уплата калыма, обычай жениться на вдове умершего брата и т.д.

Семейная обрядность

В брак молодые люди могли вступать, лишь освоив все навыки, необходимые во взрослой жизни. Мужчина должен был уметь добывать диких оленей, делать нарту, детскую люльку, а женщина — выполнять все виды женских работ: кроить, шить, готовить и т.д.

Решающее слово в выборе невесты принадлежало самой старшей женщине в семье. Это была либо мать жениха, либо жена его старшего брата, если мать уже умерла. Но и другие родичи принимали участие в обсуждении кандидатуры будущей невестки.

В роли свата выступал пожилой человек, умеющий убедительно и красиво говорить, так как именно от свата зависел размер калыма, требуемого семьей невесты для уплаты за нее. После выплаты калыма, состоящего в основном из домашних оленей, и свадьбы, невеста вместе со своим приданым (грузовые и легковая нарты, одежда, постели) перебиралась на стойбище мужа.

Существовали и другие формы брака, например, похищение невесты с ее согласия, но без ведома родителей. В этом случае не полагалось ни калыма, ни приданого. Существовал и отработочный брак: жених несколько лет должен был прожить в чуме отца девушки, чтобы получить ее в жены.

Существовали у энцев и разводы, причем, потребовать его могли как мужчина, так и женщина. Причинами развода были бесплодие жены или ее распутство. А женщина могла уйти от мужа в том случае, если он жадный или бьет ее.

Встречалось у энцев и многоженство, но довольно редко. Несколько жен могли себе позволить иметь только богатые люди или шаманы.

Нечистота женщины накладывала на нее в течение жизни различные запреты, которые увеличивались в период беременности. Так, беременным женщинам запрещалось есть мясо дикого оленя, использовать его шкуру. Рожала женщина в своем чуме, стоя на коленях и опираясь грудью на горизонтальный шест. Принимала роды специально приглашенная для этого повивальная бабка.

Рождение ребенка, особенно сына, всегда было радостным событием. Отец новорожденного устраивал праздник наречения имени ребенку, на который приглашал всех сородичей. Особая роль на этом празднестве отводилась деду младенца по отцовской линии, как пра-

вило, именно он давал имя ребенку. На пиршестве пели песни в честь новорожденного, желали, чтобы он был счастливым, богатым и щедрым.

Роженица еще несколько дней считалась «нечистой» и не участвовала в пиршестве. Еду ей готовили отдельно, в особой посуде.

Старики энцы. 1916 г.

По представлениям энцев смерть наступала в результате действия злых духов, охотившихся за душами людей. Каждый человек еще с молодых лет имел погребальную одежду, которая отличалась от повседневной большей украшенностью. Одевали ее также и на праздники.

Хоронили умершего лишь на третий день после смерти. До этого он находился в чуме на своем обычном месте и обращались к нему, как к живому. Затем покойника зашивали в шкуру и проталкивали под нюками чума с северной стороны. Труп укладывали на нарты и отвозили в тундру. Там над нартами устанавливали жерди в виде шестов чума и убивали оленей, которые везли труп к месту захоронения. Рядом с могилой оставляли нарты с его личными вещами. Вернувшись домой, проводили обряд очищения дымом, кровью и собачьей шерстью.

Мировоззрение и культы

Вселенную энцы делили на три вертикали, на три мира — верхний, расположенный на небесах, средний (земля и вода) и нижний, находящийся под землей. Кроме того, верхний мир состоял из семи небесных ярусов, а нижний — из семи слоев льда. В верхнем мире проживали божества и добрые духи, а нижний был обиталищем злых сил. Средний мир был населен, кроме людей, духами как доброго, так и злого начал.

По энецким представлениям, изначально весь мир был покрыт водой. Творцом земли является верховный энецкий бог Нга, по приказу которого гагара достала кусочек ила со дна. Из этого-то кусочка Нга и сотворил землю. Кроме Нга, существовали и другие боги. Среди них следует упомянуть Тено-Нга («умный бог»), Ирео-понеде (покровитель домашнего оленеводства), подземное божество Сураба-Нга («дьявол-льда»), Уму-Нга (повелитель северного ветра), Кео-Нга (повелитель северного ветра) и т.д.

Особым почитанием пользовалась Дя-мэнюо («земли-старуха») — покровительница рождений и женщин, хозяйка среднего мира. Именно она дает детей и вкладывает в них глаза, являющиеся как бы синонимом понятия «жизненность».

К существам верхнего мира, благожелательно настроенным по отношению к людям, относились и многочисленные духи каха. В каждой энецкой семье находились свои каха, сделанные в виде животных или в человеческом облике. Вообще, к категории каха мог относиться любой предмет или объект природы необычного вида. Каха представлялись перед верховными богами за членов семьи, в которой находились. Кроме семейных каха, существовали и родовые, пользовавшиеся почитанием со стороны всех членов какого-либо рода.

Еще одной категорией духов были духи-хозяева среднего мира, распорядившиеся подведомственной им территорией или объектами. Например, существовали дух-хозяин леса, дух-хозяин воды, дух-хозяин гор, духи-хозяева отдельных видов животных, урочищ, озер и т.д. При соблюдении человеком нужных правил в отношении них, эти духи относились к нему вполне благожелательно, но нарушение или игнорирование таких правил могло привести к мести с их стороны.

Кроме благожелательных или хотя бы индифферентных по отношению к людям существ, были и духи, изначально враждебные человечеству. Среди них первое место занимал поедающий людей Тодоте` — божество, олицетворяющее злое начало, владыка нижнего мира. Помощниками Тодоте` были амуки — различные зловредные суще-

ства от людоедов-сихио до духов болезней кача. Враждебны человеку были и населяющие леса многочисленные баручи, имевшие в отличие от людей лишь один глаз, одну ногу или одну руку. К баручи примыкали и си`ите — маленький народец, живший под землей и владевший стадами мамонтов.

Жертвенное место и культовая нарточка. Гольчиха. 1916 г.

Покровителем энцев считается Дюба-Нга («Сирота-бог»), известный и под именем Сидынэ Бадаси Нга («Нас воспитавший бог»). Он передал людям многие культурные знания, сражался со злыми силами, защищая людей. Именно в его распоряжении находятся человеческие жизни.

Каждый человек, по представлениям энцев, имел несколько душ, и только их совокупность давала человеку возможность жить. Этими душами были душа-дыхание, душа-кровь, душа-тень и душа-глаза. После смерти человека судьба этих душ была различной. Душа-дыхание уходила в верхний мир, душа-кровь попадала в лапы злого божества Тодоте`, а душа-тень на протяжении 7 лет находи-

лась в чуме около родных и лишь затем попадала, как и душа-кровь, в нижний мир.

Значительную роль в жизни энцев играли шаманы — посредники между людьми и сверхъестественными существами (духами и боже-ствами). Становление шамана от начала «шаманской болезни» до достижения стадии великого шамана занимало до двадцати лет. И далеко не каждый шаман достигал этого звания и получал полный комплект шаманского одеяния и атрибутов.

Делились шаманы на три категории в зависимости от связи с определенными мирами своих духов-помощников. К первой категории относились шаманы, связанные с верхними небесными духами. Они лечили больных, предсказывали будущее, проводили общеродовые праздники. Ко второй категории принадлежали те шаманы, которые во время камланий спускались в нижний мир, ибо именно там находились их духи-помощники. Они также лечили больных, искали пропавших оленей, помогали при тяжелых родах. И, наконец, третью категорию составляли шаманы, провожавшие душу усопшего в загробный мир.

Полный комплект шаманской атрибутики включал в себя особую шаманскую парку, украшенную ровдужной бахромой, жгутами и металлическими подвесками; нагрудник и обувь, также с подвесками; шаманский венец из шкуры и меха, повязку для глаз и перчатки. В этот же комплект входили бубен с железной крестовиной с внутренней стороны и деревянная колотушка, обшитая оленьей кожей.

Духовная культура

Энецкий фольклор делится на несколько жанров. С одной стороны, это заимствованные ими ненецкие эпические сказания, а с другой — собственные мифы, объясняющие происхождение мира, исторические предания о прошлом энецкого народа, о возникновении их родов, о войнах с соседними племенами, сказки о животных, бытовые рассказы.

Из общенародных обрядов-праздников наибольшее значение имел праздник «Чистого чума». Празднование его приурочивали к первому появлению солнца после долгой полярной ночи. Посвящен он был весеннему пробуждению природы, во время его прохождения люди спрашивали у богов удачу в промыслах, благополучия в личной жизни.

Кроме того, известны и такие обряды, как «березовые ворота» и «каменные ворота». В первом случае основным мотивом праздника было прохождение людей через березовую развилку, а во вто-

Девушка энка. 1926/7 гг.

ром — через проход, сделанный из больших камней. Оба этих обряда символизировали очищение людей от болезней и смерти.

Музыкальные инструменты энцев представлены бубном с коло-тушкой, смычковой двухструнной лютней, музыкальным луком, жу-жалкой, гуделкой, тальниковым свистком, различными подвесками-погремушками и колокольчиками. Известны энцам были и танцы, проводившиеся во время празднования «Чистого чума».

Песни были представлены несколькими жанрами. Барэ — лю-бовные песни, с их помощью молодые люди могли общаться между собой. Модь барэ являлась личной песней индивида, описывающей

события его жизни. При исполнении этой песни каждый энец использовал только ему присущий напев. Для детей пели детские песни.

Из изобразительного искусства у энцев были развиты аппликация из кусочков темного и светлого меха оленя, раскрашивание одежды черной и красной красками. Это было делом женщин. Для мужчин было характерно мастерство резьбы по кости. Как правило такой резьбой покрывали костяные детали оленьей сбруи.

Литература:

Долгих, Б. О. О родоплеменном составе и распространении энцев / Б. О. Долгих // Советская этнография. 1946. № 4. С. 109–124.

Долгих, Б. О. Энцы / Б. О. Долгих // Народы Сибири. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956. С. 661–664.

Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих. М.: Издательство АН СССР, 1960. – 622 с.

Мифологические сказки и исторические предания энцев / Труды Института этнографии. Вып. LXVI. М.: Издательство АН СССР, 1961. – 243 с.

Долгих, Б. О. Бытовые рассказы энцев / Б. О. Долгих. М.: Издательство АН СССР, 1962. – 244 с.

Васильев, В. И. Лесные энцы / В. И. Васильев // Сибирский этнографический сборник. Т. V. ТИЭ. Т. 84. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 33–70.

Васильев, В. И. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан / В. И. Васильев // Общественный строй народов Северной Сибири. М.: «Наука», 1970.

Васильев, В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей / В. И. Васильев. М.: «Наука», 1979. – 243 с.

Васильев, В. И. Ненцы и энцы / В. И. Васильев // Этническая история народов Севера. М.: «Наука», 1982. С. 48–81.

НЕНЦЫ

Общие сведения

Ненцы — один из наиболее широко расселенных коренных малочисленных народов Севера и Сибири. Основная их масса проживает в тундровой и лесотундровой зонах от Канинского полуострова на западе до Енисейского залива на востоке. Административно они входят в несколько автономных округов — Ненецкий Архангельской обла-

Ненецкие рыбаки. 1926 г.

сти, Ямало-Ненецкий Тюменской области и Таймырский (Долгано-Ненецкий) Красноярского края. Соседями ненцев являются на западе и юго-западе русские и коми, на юге — ханты, на юго-востоке — селькупы и эвенки, на востоке — энцы и долганы. Кроме того, русские более или менее компактными группами проживают практически на всей территории ненцев.

Перепись 2002 г. выявила 41 400 человек ненецкой национальности. Это наиболее крупный народ из коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации. На территории Красноярского

края зарегистрировано 3188 ненцев. Из них примерно полторы тысячи человек продолжают вести традиционный кочевой образ жизни.

Ненецкий язык входит в северную ветвь самодийской группы уральской языковой семьи. Несмотря на огромную территорию расселения ненцев, все они довольно легко понимают друг друга, диалектные различия невелики. До 1930-х годов в литературе и быту ненцев обычно именовали самоедами, а их енисейскую группу, т.е. тех, которые проживали на территории современного Красноярского края, — юраками: тазовские юраки и береговые юраки. Современное название «ненцы» образовано от слова «ненэць» («человек») и было введено в обиход советскими этнографами.

Этногенез и этническая история

Основные этапы истории и этногенеза ненецкого народа связаны с территориями, лежащими гораздо западнее и южнее региона Нижнего Енисея. Но по поводу точной локализации прародины ненцев мнения ученых радикально расходятся. По мнению большинства специалистов, занимающихся древней историей Западной Сибири, в I тыс. до н.э. самодийские племена — предки по языку современных ненцев — населяли лесостепные области Прииртышья, занимаясь скотоводством и отчасти земледелием. Огромную роль в их дальнейшей истории сыграло формирование в степях современного северного Казахстана военно-политического союза гуннов, втянувших в орбиту своего влияния племенные объединения юга Западной Сибири. Под давлением гуннов некоторые родо-племенные группы самодийского происхождения во II–IV вв. н.э. передвинулись на север.

Здесь пришельцы встретились с местными аборигенными племенами прауральского происхождения, населявшими таежную и тундровую зоны Западной Сибири с эпохи мезолита. Контакт двух этнических групп — местной и пришлой — привел к тому, что, слившись в один народ, они образовали в его рамках два равнозначные и фактически неотличимые друг от друга родоплеменные объединения — фратрии. В состав одной фратрии (Харючи), входили роды потомков самодийцев, пришедших с юга Сибири, а в состав другой (Вануйта) — потомки аборигенов Северной Сибири.

В последние годы получила развитие и другая точка зрения, согласно которой самодийская прародина находилась в северных лесах и тундрах Приуралья и Зауралья по склонам Полярного и Северного Урала. И именно отсюда предки ненцев, освоив оленеводство, на ру-

беже I–II тыс. н.э. стали распространяться в глубинные тундры севера и востока Западной Сибири.

Процесс включения этнотерриториальных групп ненцев в состав Русского государства растянулся на несколько столетий. Так, крайне западные группировки ненцев начали хотя бы эпизодически платить дань вначале Господину Великому Новгороду с XII в., а окончательное подчинение всех ненецких объединений произошло лишь в XVIII – начале XIX вв. Связано это было с тем, что именно на это время приходится переход ненцев от разведения домашних оленей лишь для транспортных нужд к крупнотабунному оленеводству.

Чумы ненцев у с. Караул. 1926 г.

Увеличение оленьих стад привело к дополнению транспортного характера ненецкого оленеводства товарным и пище-сырьевым направлениям. Это имело следствием, с одной стороны, значительное уменьшение доли охоты и рыболовства в хозяйственной деятельности ненцев, а с другой — привело к большей независимости кочевников-олeneводоов и от русской администрации, и от потребности в привозных товарах.

Количественный рост стад домашнего оленя заставлял ненцев искать новые пастбища и приводил к экспансии соседних, в основном,

восточных, территорий. В результате серии войн к середине XIX века ненцам удалось полностью занять бассейн Нижнего Таза и левобережье низовьев Енисея и Енисейского залива, частично вытеснив, а частично ассимилировав проживавших здесь ранее тундровых энцев.

Так на этой территории сформировалась смешанная по происхождению группа, состоявшая в основном из оненечившихся энецких родов Нгаседа (Аседа), Чор и Лампай. В административном отношении они относились к Тазовской и Береговой инородческим управам. Но, кроме них, по берегам Енисейского залива кочевали и природные, так называемые Обдорские ненцы, члены родов Ябтонгэ, Тэсуда, Яр, Саяндер и многих других.

Влияние ненецкой культуры (в оленеводстве, одежде, погребальных обрядах, мировоззрении) сказалось на многих соседствующих с ними народах, в том числе и на проживающих на территории современного Красноярского края энцах, долганах, кетах, селькупам, эвенкам.

Хозяйство

Вся жизнь ненецкого кочевника была связана с нуждами домашнего оленеводства. Охота, как мясная, так и пушная, и рыболовство имели только вспомогательный характер. Лишь малооленные хозяйства или хозяйства, потерявшие оленей, были вынуждены делать основную ставку в своей жизнедеятельности на охоту и рыболовство. Но и то только до той поры, пока им не удавалось приобрести достаточное число оленей, необходимых для кочевания. Оттого весь цикл хозяйственного года ненцев был ориентирован именно на нужды стад домашнего оленя.

Примерно с первых чисел апреля, со времени начала таяния снегов, начинался новый хозяйственный год. В этот период происходило объединение 2–3 ненецких семей для совместной перекочевки от зоны лесов в тундру, к местам отела. По пути енисейские ненцы проводили по насту как индивидуальную, так и загонную охоту на дикого оленя. После окончания отела оленеводы не торопясь продвигались дальше на север к морскому побережью, на места летних пастбищ, добывая по дороге перелетных птиц. С вскрытием рек малооленные семьи начинали интенсивный лов рыбы на реках и озерах.

На июль-август приходилось наиболее трудное время — месяц комаров. Чтобы олени, спасаясь от гнуса, не разбегались по тундре, их приходилось постоянно окарауливать. Для этой цели объединя-

лось от трех до двенадцати семей, а общее количество оленей на стойбище могло достигать трех тысяч голов. Основной охотничьей добычей в этот период была линная птица — гуси, утки и лебеди. Облавные охоты, в которых участвовали даже женщины и дети, длились несколько дней, а добыча исчислялась несколькими тысячами тушек.

Переход стада домашних оленей на новое пастбище. 1953 г.

К концу августа оленеводы начинают медленно передвигаться на юг, в сторону лесов. Большие стойбища распадаются, теперь вместе кочуют только 1–2 семьи. Летний лов рыбы с этого времени практически прекращался. Октябрь — месяц гона оленей, самцы дерутся между собой и ухаживают за самками. Оленеводы должны в этот период препятствовать растягиванию гона с тем чтобы весенний отел прошел в наиболее короткие сроки и именно на отельных пастбищах, а не ранее. В ноябре енисейские ненцы проводили охоту на дикого оленя при помощи оленя-манщика. И только в декабре олени стада достигали зоны лесов — мест расположения зимних пастбищ.

В зимние месяцы активная жизнь в северных широтах замирает: дичь исчезает, рыба уходит в глубокие ямы. Ненцы посвящают это время активному общению с соседними кочевыми общинами: ездят в гости к соседям и сородичам. На встречах с ними обмениваются новостями, торгуют, договариваются о маршрутах кочевания, сказители повествуют о подвигах древних богатырей, рассказывают сказки.

Материальная культура

Постоянные перекочевки диктовали ненцам использование в качестве жилищ легких переносных чумов. На установку одного чума требовалось от 25 до 40 еловых шестов и в зависимости от сезона меховые или берестяные покрышки. В среднем на изготовление одной меховой покрышки уходило до 60 оленьих шкур. Летом чумы крыли берестяными покрышками. Для этого бересту вываривали и сшивали в несколько слоев в отдельные полотнища. Диаметр жилища варьировался от пяти до восьми метров. На установку чума уходило около одного часа.

В центре чума располагался очаг. Между очагом и боковыми стенками укладывали доски, на них клали ивовые циновки, поверх — циновки, сплетенные из травы. И только затем застилали жилое пространство шкурами оленя или постелями. Внутреннее пространство чума делится на несколько частей. Часть чума, расположенная между очагом и его задней стеной, считается священной, здесь наряду с посудой и продуктами хранятся семейные идолы-охранители и другие предметы религиозного культа. Доступ сюда женщинам и посторонним людям категорически запрещен. Женщины располагались от входа в чум до очага, а мужчины — от очага до священной части жилища. Направо и налево от входа в жилище размещают различную утварь, одежду, обувь и т.д. Здесь же иногда привязывают собак. Место от входа и до очага предназначено для хранения дров.

Места расположения ненецких стойбищ зависели от сезона года. Летом их устраивали на возвышенных, обдуваемых ветром участках, а зимой наоборот — в местах, защищенных от ветров. Стойбища кочевников часто переносились, а вот поселения тех ненцев, которые занимались, в основном, рыболовством, были более долговременными и могли насчитывать до 10 чумов. Чумы как у тех, так и у других групп ненцев располагались по одной линии или по едва заметному полукругу на расстоянии 10–12 метров друг от друга.

На протяжении всего года средством передвижения ненцам служили нарты, запряженные оленями. Запрягали оленей веером, и в зависимости от типа нарт и сезона в упряжке было от двух до пяти животных. Управляли оленями при помощи вожжи, которую каюр держит в правой руке, и хорея — длинного березового шеста — в левой. Посадка на нарты у ненцев была общесамодийской, слева, поэтому и передовым, специально обученным для этой роли оленем, был крайний левый.

По своему назначению ненецкие нарты делились на легковые и грузовые. Легковые в свою очередь подразделялись на мужские и женские. Легковые нарты предназначались для сезонных перекочевков, а мужчины, кроме того, выезжали на них на охоту и окарауливали свои стада.

Грузовые нарты отличались большей массивностью и прочностью и также подразделялись на два типа. На одних, похожих по конструкции на легковые, перевозили одежду, постели, циновки, разные домашние вещи. Другой тип грузовых нарт отличался меньшей высотой и отсутствием настила, но в то же время обладал большей грузоподъемностью. На них возили шесты чума, доски, дрова и продукты. Запрягали в грузовые нарты лишь двух оленей. Существовал и особый тип грузовых нарт с семью парами копыльев, предназначенный для перевозки семейных идолов и других священных предметов семьи.

Летом для преодоления водных преград — рек и озер, а также рыбной ловли ненцы использовали лодки. Традиционным типом лодок для ненцев были лодки-долбленки, которые выделывали из цельных стволов кедра или осины. Управляли ими при помощи двухлопастного весла. Бытовали и так называемые «лодки-шитики», т.е. лодки, сшитые из досок. На них гребли двумя веслами.

Лыжи использовались нечасто, лишь для проверки ловушек или осмотра сетей вблизи от жилища. Делали как лыжи-голицы, так и лыжи, оклеенные камусом. Лыжные палки енисейские ненцы не использовали.

Одежду ненцы изготавливали только из оленьих шкур. Качество шкуры зависело от возраста забитого оленя (шкуры телят или взрослых оленей) и от времени, когда происходил забой (летняя, зимняя, весенняя шкуры).

Мужская одежда представлена малицей, совиком, обувью, чулками и штанами. Малицу шили из оленьих шкур мехом внутрь. До появления покупных рубах, свитеров и костюмов носили малицу на голом теле. В некоторых случаях к ней пришивали капюшон и рукавицы. Поверх малицы для предохранения ее от грязи надевают так назы-

ваемую «навершницу», которую шьют из покупной ткани — сукна, вельвета или драпа.

Малица подпоясывалась поясом из сыромятной кожи, украшенным по внешней стороне медными или костяными пластинами. К поясу крепили нож в ножнах, брусок для заточки, кисет и трубку. Нож находился на поясе с левой стороны. Сзади на поясе висел клык медведя, долженствующий предохранять его носителя от различных бед и опасностей.

Выделка шкуры. 1926 г.

Верхней зимней одеждой был совик, надеваемый поверх малицы. Он представлял собою длинную до пят одежду с пришитым капюшоном, мехом наружу. Надевался он как правило только в дорогу. На пошив обуви шли шкуры с ног оленя (камус). Обувь шилась мехом наружу, а чулки — мехом внутрь. Обувь была равносторонней для обеих ног. Штаны, как мужские, так и женские, шили также из оленьих шкур или, реже, из выделанной кожи — ровдуги.

Женская верхняя одежда отличалась от мужской лишь тем, что была распашной, типа шубы. К шубе полагался пояс, который плели из бисера или шерстяных ниток. Пояса застегивались пряжками

круглой формы и имели довольно значительные размеры. Шапки енисейские ненцы шили в виде капоров, с опушкой из меха песца вокруг лица. Сзади к шапке подвешивались медные ажурные бляшки. Особенностью женского костюма было использование накосников; их вплетали в настоящие косы. Затылочная часть накосников украшалась вышивкой из бисера, а нижняя — медными бляхами.

Основной пищей ненцам служили мясо и рыба. Мясо, как правило оленину употребляли в основном зимой, а летом ели преимущественно рыбу. Мясо варили или ели в сыром виде, на зиму его коптили и вялили. Пили свежую оленью кровь, считавшуюся лакомством. Зимой, кроме оленины, в вареном виде ели мясо куропаток, зайцев, а летом основной пищей становилось мясо перелетных птиц — гусей, уток, гагар.

Свежепойманую рыбу употребляли в сыром виде — летом ее сагудали, т.е. нарезали маленькими кусочками и ели, обмакивая их в соленую воду, а зимой готовили строганину — свежую рыбу, тонко наструганную ножом. Консервировали рыбу в виде юколы, разрезая ее вдоль на две половины и высушивая на солнце. Вытапливали рыбий жир; его пили, макали в него куски рыбы или хлеб, варили в нем сушеную рыбу. Ели и икру, сырой или смешанной с жиром.

Мучные продукты — хлеб, сухари или лепешки, приготовленные из покупной муки, были довольно редкой пищей. С приходом русского населения большое распространение получило потребление чая и табакокурение. Чай заваривали очень крепким, а табак курили, нюхали и клали за нижнюю губу. Из ягод собирали морошку, голубику и бруснику.

Социальная организация

В начале XX века ненцы, проживавшие на территории современного Красноярского края, входили в три инородческие родовые управы: Обдорскую, Тазовскую и Береговую.

Помимо административной принадлежности ненецкое население традиционно делилось на роды. Наиболее крупными родами енисейских ненцев были роды Яр, Ябтонгэ, Аседа, Тэсяда, Саяндер, Лампай. Причем, в Тазовской и Береговой управах количественно преобладали оненечившиеся потомки энецких родов Аседа, Чор и Лампай.

В то же время уже к концу XIX века род не имел конкретной родовой территории, представители разных родов кочевали вперемешку. Зачастую на одном стойбище жили люди из нескольких родов.

За родом оставалось лишь брачно-регулирующее значение: вступать в брак можно было только за пределами своего рода и фратрии.

Все ненецкие роды входили в одну из двух фратрий (племен) — Харючи или Вануйта. Так, из енисейских ненцев во фратрию Харючи входили Ябтонгэ, Тэсяда, Ядня, Тогэ и другие, а во фратрию Вануйта — Яр, Саяндер, Пяся, Нгэвасяда и т.д.

Кроют чум нюками. 1926/7 гг.

Основной хозяйственной единицей ненецкого общества была отдельная семья, состоящая в среднем из пяти-шести человек и владеющая тремястами-четырьмястами домашних оленей. У подавляющей массы ненцев было по одной жене, но богатые оленеводы могли иметь и три жены. Каждая из них жила в отдельном чуме, но все они вместе вели общее хозяйство, распределяя обязанности на каждый день. Внутричумовое пространство делилось на мужскую и женскую половины. Женская располагалась от очага и до входа, а мужская — от очага и до задней стены. На мужской половине хранились семейные идолы и оружие, а на женской — готовили, шили, присматривали за детьми, кормили собак. Здесь же находились и личные вещи женщин.

Семейная обрядность

Экзогамные нормы ненцев запрещали им вступать в брак с людьми из своего рода и даже фратрии. Как правило брачный возраст наступал в 16–20 лет. Хотя бывали случаи выдачи замуж взрослой девушки за ребенка, так как в хозяйстве требовались лишние рабочие женские руки. Желанием девушки обычно не интересовались, хотя жених мог высказать свое мнение по поводу выбранной для него невесты.

Главная нагрузка при сватовстве ложилась на свата, отца или наиболее близкого родственника жениха, обладавшего хорошо поставленной речью и пользующегося всеобщим уважением. Сват решал с семьей невесты размеры калыма и приданого. В калым входили домашние олени, в зависимости от достатка семейства жениха их количество варьировалось от 10 до 200 голов; шкурки песцов (от 10 до 70), лисиц, бобра; отрезки сукна. Невеста же приносила в приданое чум или его половину, домашнюю утварь и упряжных оленей. Вне зависимости от качества и количества выкупа и приданного они по своей ценности должны были быть пропорциональны друг другу.

В день свадьбы жених и его родные приезжали к чуму невесты. Здесь проводился свадебный пир, причем, невеста в нем участия не принимала. На следующий день молодые переезжали в стойбище мужа, где угощение продолжалось. Проводились в этот момент и спортивные состязания среди молодежи.

С момента наступления половой зрелости и до старости женщина считалась нечистой. Поэтому на протяжении всего репродуктивного периода она должна была соблюдать определенные запреты и в повседневной, и в обрядовой жизни. Роды происходили в отдельном, специально построенном для этой цели, так называемом «нечистом» чуме. Рожали женщины-ненки или стоя на ногах, или на коленях. При этом, чтобы они не падали, их подвязывали ремнем подмышками к шестам чума. Если роды были трудны, то считалось, что виной этому супружеская неверность одного из супругов. Очищалась женщина от скверны после родов огнем (она должна была обнаженной переступить через огонь) и водой.

Каждый ненец на протяжении всей своей жизни имел несколько имен. Первое давалось ему при рождении и было связано с обстоятельствами рождения: родился ли он дома или в гостях, во время пурги или в период кочевания, слабым или сильным и т.д. Настоящим именем считалось второе, которое давалось в честь умершего предка, и произносить его, с точки зрения ненецкой этики, было предосудительно.

Ненецкая мать. 1927 г.

С момента рождения у человека первого ребенка его начинали называть по его имени, например, «отец такого-то». В старости появляется еще одно имя, как правило в виде прозвища. Кроме того, почти у каждого ненца имелось и русское имя. По имени обращались к человеку только посторонние лица, а близкие называли его по степени родства — отец, сын, младший брат, старший брат, дядя, зять, жена, муж и т.д.

Специальной погребальной одежды у ненцев не было. Умерших хоронили в повседневной одежде и уже на следующий день после смерти. Труп проталкивали через приподнятые нюки чума, головой

вперед. К месту погребения покойных везли на нартах, мужчин — на легковых мужских, а женщин — на женских санях. Имели ненцы и кладбища, которые устраивали на возвышенных местах по берегам рек. Количество погребенных на одном кладбище варьировалось от двух-трех человек до сотни и более. Погребения были наземными. Гроб, представлявший собой четырехугольный ящик, скрепленный вертикальными и горизонтальными планками, устанавливался на дневную поверхность или на невысокий настил. Иногда гроб делали из лодки, распиленной на две половинки. У енисейских ненцев иногда хоронили умерших на помосте или лабазе. Трупы младенцев привязывали к деревьям или же к воткнутым в землю кольям.

Вместе с покойным оставляли все те вещи, которыми он пользовался при жизни и которые могли ему пригодиться в жизни потусторонней: топор, нож, оружие, трубку, ложку с чашкой. Женщинам — скребки, швейные принадлежности, предметы хозяйственного обихода. Все вещи при этом портили: протыкали, ломали, резали.

Мир мертвых мог находиться как на земле, так и под землей. Души умерших людей продолжают вести там такую же жизнь, как и на земле, только многое делают наоборот.

Мировоззрение и культы

По традиционным представлениям ненцев, первичный мир был весь покрыт водой. Гагара по приказанию духа неба Нума достала со дна кусочек земли, из которого и выросла современная суша. Позже появляются горы, реки, животные и люди. Вселенная состоит из трех миров. Наш мир, мир, населенный людьми, является средним. Он представляет собой плоскую, слегка выступающую посередине, землю. Ниже расположено семь земель нижнего мира, а выше — семь небес верхнего мира.

Ненцы верили в существование духов-хозяев. Свои духи-хозяева были у рек, озер, гор и сопок, островов и мысов и т.д. От степени благоволения духов-хозяев к человеку зависят его жизненные удачи или невзгоды.

Доброе начало ненцы ассоциировали с небом (Нум). Ему приносили жертвы в виде белых оленей или посвящали оленей живых. К добрым духам относилась и пользовавшаяся значительным влиянием Я-Небя («мать-земля»), покровительница женщин.

Темное злое начало в ненецком пантеоне олицетворял дух болезни и смерти Нга, живший под землею, под семью слоями вечной мерзлоты. В мифопоэтическом творчестве ненцев немалое место занимает тема борьбы Нга с Нумом.

Хэбидя я у устья р. Лама. 1921 г.

На наиболее примечательных местах (мысах, сопках, камнях, у озер) ненцы устраивали святилища (хэбидя я) в виде огромных куч оленьих черепов и рогов. Зачастую на таких мольбищах устанавливались и деревянные антропоморфные изображения духов (сядэй). Проезжая мимо такого святилища каждый ненец был обязан принести жертву: убить домашнего оленя или преподнести духу пищу, водку, кусок материи и т.д. От того, как человек вел себя по отношению к духам, зависело и их отношение к людям. При нарушении каких-либо запретов или проявлении непочтения к духам они могли наслать на людей болезни, неудачу в промысле и даже смерть. Если же чело-

век не забывал приносить им жертвы и своим словами и поступками не вызывал недовольства этих духов, то в ответ он мог получить их благоволение, выражавшееся в приросте стада домашних оленей, удачном промысле, здоровье домочадцев и пр.

Особую роль в жизни ненцев играли домашние духи-покровители. Каждая семья имела целый набор подобных духов. На стойбищах они хранились у задней стены чума за очагом, на священном месте, а при перекочевках их везли на специальной семикопыльной священной нарте. Семейные духи-покровители следили за порядком в хозяйстве и за духовным климатом в семье. Время от времени их кормили смазывая рты кровью и жиром. Женщины имели и своих собственных духов-покровителей мяд пухуца (старушку чума), ту пухуца (старушку огня), нгытарму (кукла, олицетворяющая умершего предка).

Существовала у ненцев и специальная категория людей, умевших общаться с духами — шаманы (тадебя). Шаманский дар передавался по наследству, но только по мужской линии. Обучением начинающего шамана занимался старый опытный шаман. Он передавал новичку знания о духах, населяющих все миры, умение обращаться с ними, знакомил его с шаманскими сказаниями. Ненецкие шаманы делились на три категории в зависимости от духов-покровителей конкретного шамана. Одни из них были связаны с небесными духами, а другие с земными. Обе категории были призваны лечить больных, предсказывать будущее, разыскивать пропавших оленей или людей. Функцией третьей категории шаманов были проводы душ умерших людей в загробный мир.

Из специальных шаманских атрибутов у ненцев имелись бубен, колотушка, венец, наплечная одежда типа куртки, чересплечник и пояс. Но полный набор одежды имели только великие шаманы, а остальные камлали как правило в повседневной одежде. Камлания проводились только в чуме и при горящем костре, время суток (утро, день, вечер или ночь) не имело никакого значения.

Духовная культура

По жанрам ненецкий фольклор делится на мифы и космогонические сказания, сказки, эпические песни и песни лирические, индивидуальные песни, песни детские, детские сказки, шаманские песнопения, загадки и предания. Некоторые жанры исполняются пением, особенно это касается эпических песен, в которых воспевались подвиги богатырей, сражающихся с врагами. Такие произведения были довольно значительны по объему и исполнялись несколько вечеров

подряд. Среди сказок есть сказки о животных, волшебные сказки и сказки, заимствованные от русского населения.

Танцы не характерны для традиционной ненецкой культуры. Также у ненцев не отмечено и каких-либо особых общественных праздников. При некоторых событиях, например, свадьбе, молодежь мерила свои силы в различных спортивных состязаниях, таких как гонки на оленьих упряжках, метание аркана, прыжки через нарты.

Ранее ненцам были известны такие музыкальных инструментов, как смычковая лютня, натянутая жила, лук со стрелой; но к началу XX века практика их применения ушла в прошлое. Лишь в тех группах ненцев, где сохраняются шаманские представления, при камланиях используется бубен.

В декоративно-прикладном искусстве ненцы широко использовали резьбу по кости и дереву, инкрустацию оловом по дереву, орнаментацию из меха и сукна в технике мозаики при помощи трафаретов из бересты. В культовых целях изготавливали деревянную скульптуру. Инструментами служили практически одни ножи. Ненецкий орнамент носит геометрический характер, и различные его виды имеют свои названия, взятые из окружающей жизни.

Литература:

Долгих, Б. О. Ненцы / Б. О. Долгих // Народы Сибири. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956. С. 608–647.

Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих. М.: Издательство АН СССР, 1960. – 622 с.

Историко-этнографический атлас народов Сибири. М.; Л., 1961.

Хомич, Л. В. Ненцы / Л. В. Хомич. Л., 1966.

Васильев, В. И. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан / В. И. Васильев // Общественный строй народов Северной Сибири. М., 1970.

Васильев, В. И. Проблемы формирования енисейских ненцев / В. И. Васильев // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.

Хомич, Л. В. Религиозные культы у ненцев / Л. В. Хомич // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Сб. МАЭ, XXXIII, Л.: «Наука», 1977, С. 5–28.

Васильев, В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей / В. И. Васильев. М.: «Наука», 1979. – 243 с.

Васильев, В. И. Проблема этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) / В. И. Васильев // Этногенез народов Севера. М.: «Наука», 1980. С. 41–67.

Васильев, В. И. Ненцы и энцы / В. И. Васильев // Этническая история народов Севера. М.: «Наука», 1982, С. 48–81.

Васильев, В. И. Ненцы / В. И. Васильев // Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 249–253.

Головнев, А. В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. Екатеринбург, 1995.

Кривоногов, В. П. Народы Таймыра (современные этнические процессы) / В. П. Кривоногов. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 266 с.

Мурашко, О. А., Кренке, Н. А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX в. По археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ / О. А. Мурашко, Н.А. Кренке. М., 2001.

Лар, Л. А. Культовые памятники Ямала хэбидя я / Л. А. Лар. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003.

ДОЛГАНЫ

Общие сведения

Долганы проживают в Таймырском (Долгано-Ненецком) национальном округе Красноярского края, занимая в основном его центральные районы и крайний восток, на стыке тундры и лесотундры. Частично они заселяют и территории к востоку от границ Красноярского края, крайний северо-восток Якутской республики, бассейн нижнего течения реки Анабар. На севере соседями долган были нганасаны, на западе — ненцы и энцы, на юге — эвенки и якуты. Якуты соседствовали с долганами и на востоке их ареала.

Летние вещи, оставленные на зиму на лабазе. 1938 г.

По последней переписи 2002 г. долган насчитывалось 7000 человек, из них на территории Красноярского края проживало 5805 человек. Большая часть долган давно проживает в постоянных поселках, но на востоке Таймыра они продолжают сохранять традиции кочевой жизни.

Долганский язык входит в тюркскую группу алтайской языковой семьи. По мнению одних специалистов, язык долган является лишь диалектом якутского языка, другие же утверждают, что он настолько далеко отошел от якутского, что может считаться самостоятельным языком.

Этногенез и этническая история

Долганский этнос сформировался в результате сложных этногенетических процессов, в которые были вовлечены представители разных, совершенно неродственных друг другу народов. Близкий образ жизни, общая территория проживания, взаимные браки привели к формированию из этих различных этнических групп одного народа — долган.

В основе долганского этноса лежат тунгусские (эвенкийские и эвенские) роды Долган, Донгот, Эджен и Каранто, перешедшие на протяжении XVIII–XIX веков на якутскую речь.

Представители рода Долган проживали в XVII веке далеко к востоку от Таймыра. Русские письменные источники фиксируют их в то время в Якутском уезде, где они подразделялись на две территориальные группы. Одна из них проживала на побережье Охотского моря. Позднее эти Долганы вошли в состав современных эвенов, и расселились на севере Дальнего Востока и в центральной части Камчатки. Другая долганская группировка обитала в низовьях реки Лены. Именно этим Долганам суждено было сыграть наиболее важную роль в формировании современного долганского этноса.

Долганский род Эджен происходит от тунгусского рода Адян, проживавшего в XVII веке в бассейне реки Оленек. Другая часть этого рода заселяла в то время бассейн реки Май, притока Алдана. Позже алданские Адяны частично вошли в состав эвенов. Предки рода Каранто жили, видимо, по соседству с оленекскими Адянами. Тунгусский род Догочагир, ставший основой долганского рода Донгот, занимал в XVII веке восток так называемой «Илимпейской тундры», т.е. верховья рек Вилуй, Оленек и Тура.

На основании изложенной картины расселения основного ядра предков долганского народа в XVII веке видно, что исконные территории их обитания лежали к востоку и юго-востоку от Таймырского полуострова, вне пределов их современного расселения.

На это же время приходится и те события, которые в конечном итоге привели к передвижкам предков долган к местам их нынешнего проживания. Среди причин этого можно назвать почти постоян-

Долганин Михаил Капитонович Омон. Ок. 1905 г.

ные войны между олекско-ленскими тунгусами (предками долган), с одной стороны, и проживавшими к западу от них южнотаймырскими и есеевскими тунгусами (предками вадеевских нганасан) — с другой. В результате этих войн западные тунгусы постепенно отходили к северу. Установление власти Русского государства, сопровождавшееся военными столкновениями, и обложение коренного населения натуральной податью — ясаком — также толкало аборигенов на уход в дальние места, подальше от российской администрации. Значительную роль в миграциях предков долган сыграли эпидемии оспы и частые голодовки из-за изменения миграционных путей ди-

ких северных оленей на местах их прежнего проживания. Еще одной из причин движения на запад оленекско-анабарских тунгусов было начавшееся проникновение в их земли более многочисленного якутского населения.

Осваивая новые земли, пришельцы вступали в более тесные отношения как между собой, так и с другими этносами, заселявшими этот регион. Уже на новой родине у тунгусских предков долган установились многообразные контакты (территориальные, семейно-брачные, хозяйственные, языковые) с илимпийскими тунгусами, русскими и якутами. Процессы смешения разноплеменных групп усилились и получили новый импульс.

Уже на Южном Таймыре в состав долган вошли переселившиеся сюда из районов центральной и северной Якутии якутские роды Бети, Осогостох, Маймаго и другие, часть местных тунгусских родов Илимпийской тундры, такие как Иолигир, Хукачар, Баягир. Кроме того, русские промышленные люди, проживавшие по рекам Пясине, Хете, Хатанге и в станках по Хатангскому тракту (так называемые «затундренные» крестьяне), занимавшиеся рыболовством и охотой, постепенно сближались с окружавшим их долганским населением.

Совместное проживание, близкий образ жизни и взаимные браки, в конце концов, привели к слиянию всех этих групп в один долганский этнос. Основные традиции в хозяйстве и быте (оленоводство, охота, рыболовство) остались тунгусскими, а язык возобладали якутский (оформившийся в особый диалект). Впервые долган стали выделять среди окружающих народов как особый этнос уже в конце первой половины XIX века. А к 1920 году их самосознание уже приобрело устойчивый характер. Этот факт нашел свое отражение в создании в 1930 году Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа.

Хозяйство

Хозяйственная жизнь долган основывалась на трех направлениях: охота, оленеводство и рыболовство.

Из охотничьей добычи наиболее важную роль играл дикий северный олень, промысел которого велся круглый год. Поэтому почти весь цикл хозяйственной жизни долган был подчинен охоте на него. В определенные сезоны добывали также пушного зверя и птицу. Домашние олени использовались для транспортных нужд, а рыболовством занимались от случая к случаю.

Особенностью долганского оленеводства был синтез тунгусских и самодийских черт этого вида деятельности. Верховая езда на оле-

нях и использование их под вьюк достались долганам от их тунгусских предков, в то время как упряжное оленеводство являлось заимствованием от самодийских соседей, хотя способ запряжки оленей был иным. Тунгусским наследием было доение важенок, а использование при пастбе оленей пастушеских собак воспринято от нганасан и энцев.

Настораживание самострела. Первая треть XX века

Весной, с началом очередного хозяйственного года, долганы начинали передвижение с зимних пастбищ, расположенных в лесной полосе, на север, вначале к местам отела важенок, а затем на летние пастбища. Попутно в большом количестве добывали диких оленей, начинавших продвижение в северные тундры. В этот же период начинался промысел куропаток сетями, а с прилетом водоплавающей дичи добывали и ее как теми же сетями, так и огнестрельным оружием.

По летним пастбищам долганы передвигались не торопясь: стоянки были короткие, а перекочевки совершались через каждые два-три дня. За дневное время покрывали всего по 10–20 километров. Маршрут и скорость передвижения зависели от многих факторов, таких

как состояние погоды, наличие гнуса, обилие кормовой базы. С конца июля до начала августа били линяющих гусей. На это же время приходится и лов рыбы.

Целый месяц, с конца сентября до конца октября, промыслили дикого оленя, возвращающегося с приморских пастбищ в зону лесотундры и тайги. Особенно добычливой была охота на переправах оленя через реки — поколка. В хороший сезон такой охоты на плаву каждый охотник добывал до 200–300 оленей, а в неудачный год не более 10 голов.

В октябре происходил гон домашнего оленя. На это время стадо разбивали на несколько частей: в одной паслись кастрированные олени, в другой — подросшие телята, а в третьей — быки и важенки.

К зиме оленеводы достигали лесной зоны и размещались со своими стадами в залесенных долинах рек. В то же время некоторые группировки долган оставались в тундре и на зиму, тут оленям было легче добывать корм, чем в покрытых глубокими снегами лесах. На зимний же период, т.е. с конца октября и до середины апреля, приходилась и охота на песца. Основными способами его добычи были орудия пассивного лова — пасти и капканы. Осмотр пастей в зависимости от количества ловушек отнимал у охотника от двух до четырех недель, так как разбросаны они были на десятки и сотни километров.

Кроме промысла дикого оленя, на поколках использовали и другие способы его добычи: охотились на него скрадом, использовали домашнего оленя-манщика, стреляли в оленя из-за маскировочного щитка, ставили на него в специально построенных засеках самострелы или загоняли на нартах.

Куропаток, кроме сетей, добывали петлями, сделанными из сухожильных нитей, и дробовыми ружьями. Сетями же ловили и уток. Огромную роль в питании долган играл дикий гусь. Весной его добывали ружьями на перелетах и капканами в местах гнездовий. Летом линных гусей били из лука, загоняли их в сети или ямы. Добыча дичи могла исчисляться многими тысячами птиц. Так, в 1934 году только в Хатангском районе было добыто 19214 куропаток и 10225 гусей.

Охотились при помощи луков, причем, предпочитали приобретать луки соседних народов — кетов, якутов, эвенков. Также каждый охотник имел при себе ружье, дробовое или винтовку, которое хранил в меховом чехле, предохраняющем его от сырости. Охотничий пояс носился через плечо и на нем крепились роговая или деревянная пороховница, мешочки для пуль и дроби, пороховая мерка и костяной шомпол. Нож в ножнах крепился ремешками к правой ноге. На поколках использовали копье.

Рыбу долганы ловили ставными сетями (пушальнями), сплетенными из конопли или из конского волоса. Использовали для этой цели и распущенные волокна мешковин. Из других рыболовных снастей, знакомых долганам, следует назвать переметы.

Материальная культура

Сложный этнический состав долган отразился и в разнообразии типов их жилищ. Были жилища переносные (чум и балок) и были стационарные (избы-рубленки и голомо).

Основным жилищем кочевников-оленеводов являлся чум. По своим конструктивным особенностям он не слишком отличался от чумов других народов Севера. В зависимости от времени года и от размера семьи на чум приходилось от двадцати до пятидесяти тонких шестов. Диаметр пола в чуме был от пяти до восьми метров, а высота от очага до дымового отверстия составляла три-четыре метра. На установку чума уходило не более двух часов. В зимнее время чум покрывали меховыми покрывками, а в летнее — ровдужными. На зимний чум требовалось три покрывки, сшитые из двадцати оленьих шкур. В центре устраивался очаг (летом), а зимой — железная печка. Пространство у входа считалось женским. Здесь женщины хранили посуду, домашнюю утварь, личные вещи. Средняя часть была мужской, а место за очагом предназначалось для сна детям и гостям.

Голомо имело вид усеченной пирамиды или конуса, в основании которых лежал прямоугольник. К столбам в углах жилища прибывались стропила, куда укладывался настил из досок или жердей. Поверх настила клали куски дерна толщиной в двадцать-тридцать сантиметров. Вверху оставлялось отверстие для выхода дыма. Вдоль стен ставили низкие нары, а в центре делали очаг или устанавливали железную печь.

Еще один вид жилища — балок или «нартенный чум» — получил распространение у долган только в XIX веке. Попал он к ним от туханских купцов, которые в своих торговых поездках стремились к максимально возможному в тундровых условиях комфорту. Балок представлял собой прямоугольное жилище из деревянных реек, поставленное на низкую нарту. С наружной стороны его оббивали сначала тканью, затем оленьими покрывками, а потом покрывали полотном. С одной стороны делали прямоугольную дверь, а внутри устанавливали железную печку. В крупных балках делали даже нары, столики и лежанки. Перевозили балки в зависимости от их размеров от трех до восьми оленей.

Рубленые избы у долган были распространены в зоне лесотундры, в местах их зимних кочеваний, по трассе так называемого «Хатангского тракта» и далее на восток, вплоть до реки Оленек. Рубили их из плавника или лиственницы, на пол и потолок шли доски или колотые плахи. Крыш из-за сильных ветров как правило не возводили, просто на потолок насыпали землю или укладывали пласты дерна. Внутри избы устанавливали железную печь, а иногда даже возводили русскую печь, но не из кирпича, а из камня.

Дойка оленей. 1930 г.

Средством передвижения служил долганам домашний олень. При чем, ездили на нем как на нартах, так и верхом. Нарты подразделялись на ездовые и грузовые. К первому типу относились веревочные нарты (на них ездили женщины в снежное время года), летние нарты и зимние. На нартах было от трех до шести пар копыльев. На грузовых нартах перевозили дрова, семейный скарб, утварь. Была и специальная нарта для перевозки лодки. Садись на нарты не сразу, а сначала бежали рядом с ней, разгоняя оленей. И только затем на ходу человек заскакивал ногами на полоз и садился. Посадка на нарты была правосторонней, такая же, как и у эвенков.

Наследием эвенкийской культуры у долган была и верховая езда на оленях, и использование их под вьюк. Управляли верховым оленем при помощи недоуздка и посоха. Седла различались мужские и женские. На женских седлах также перевозили и различные грузы, упаковывая их во вьючные сумы. Так как спина у оленя слабая, то седла крепили не к ней, а к лопаткам. Садились на оленя так же, как и на нарты, с правой стороны, опираясь рукой на посох.

Лодки долганы сами не делали, а приобретали у русских и якутов так называемые «ветки-однодеревки», изготовленные из одного обрубка дерева.

Материалом для долганской одежды служили мех, выделанная кожа и сукно. Рубахи, штаны и платья были русского покроя, шились из покупных тканей. Вообще же, одежда подразделялась на повседневную и праздничную, зимнюю и летнюю. Основной одеждой у мужчин и женщин в любое время года были суконные кафтаны. В то же время в отличие от большинства других народов Северной Сибири мужская одежда была не похожа на женскую. В мужской одежде были сильны традиции одежды эвенов, а в женской — аянских эвенков.

Выходя из чума, мужчины надевали меховые чулки шерстью внутрь, на них — зимние бокари из оленьего камуса шерстью наружу. Поверх обуви надевали короткие штаны, зимой — меховые, а летом — ровдужные. Снизу штаны завязывались ремешками под коленом. На теле носили меховую парку; зимнюю — с пришитыми рукавами. Шапки были типа капора, их шили из меха олененка или лапок песца, лисы или волка. Зимой в дороге поверх парки надевали меховой сокуй с капюшоном.

Особенностью долганской одежды была богатая вышивка бисером праздничной одежды, как мужской, так и женской. Бисером расшивали в основном верхнюю одежду — кафтаны, парки, пояса. Головные уборы и обувь также очень часто украшались бисерными вышивками.

Основой питания долган были мясо и рыба. Сразу же после добычи оленя в сыром виде могли съесть нос, печень, почки, сердце, глаза, головной и костный мозг, суставные сумки, мелко порезанные легкие. Из замерзшего мяса делали строганину, нарезаая его тонкими пластинками. Жарения мяса долганы не знали, его только варили, а для длительного хранения вялили. Для питания использовали даже оленьи кости. Их дробили на камне и вываривали до получения жира. Из костей одного оленя получали до полукилограмма жира. Тушки диких гусей, добываемых сотнями в период их линьки, сохраняли, закапывая в землю.

Рыбу ели свежую, мороженую (строганину), вяленую, вареную, жареную, а также талую и прокисшую. Последняя получалась при длительном хранении в земляных ямах. Из внутренностей и голов рыб вытапливали рыбий жир. Из растительной пищи употребляли лишь корни некоторых растений, выкапывая их деревянными копалками.

Большое распространение в пищевом рационе долган получило употребление чая и муки. Причем, из муки не пекли ни хлеба, ни лепешек, а поджаривали ее на сковороде с жиром и добавляли в чай. Прикусой к чаю служили также вяленые кусочки мяса и размельченная вяленая рыба.

Социальная организация

Как уже было сказано выше, долганы сложились из нескольких этнических компонентов и делились на несколько родов. В XIX веке на базе этих родов были созданы царской администрацией так называемые административные «роды», во главе которых стояли назначаемые властями князьяцы. Таких «родов» было несколько: Долгано-Ессейская управа (родовое название Долган), Долгано-Тунгусская управа (Донгот), Жигано-Тунгусская управа (Эджен), Боганидско-Тунгусская управа (Каранто), Нижне-Затундринская якутская управа (якуты), Нижне-Затундринское крестьянское общество (русские) и тунгусы, выходцы из 2-й и 3-й Летних и Илимпейской управ (роды Тамбэгир, Малгачагир, Иолигир, Тыптагир и Якчар).

Долганские и тунгусские патриархальные роды были изначально экзогамны, браки внутри них были запрещены. Родовичи обязаны были поддерживать друг друга, делиться добычей. Родовые интересы диктовали и то, чтобы богатство рода оставалось в его рамках. Поэтому, если после смерти мужа вдова выходила замуж за человека из другого рода, ей выделяли лишь незначительную часть имущества умершего. Но если новым мужем вдовы стал член рода первого мужа, то все имущество оставалось при ней. Род старался устроить и судьбу своих сирот. На свадьбу в приданое или калым им снаряжали пять запряженных оленями нарт со всем нужным в хозяйстве имуществом.

Однако к началу XX века разложение родовой организации зашло слишком далеко. На смену родовой общине пришла соседская. Первоначальные роды сильно разрослись, и их члены широко расселились по всему южному Таймыру. Представители разных родов часто кочевали совместно, в рамках одного территориального объе-

динения. В среде долган усилилось имущественное расслоение, некоторые семьи владели тысячными стадами оленей, в то время как имелись малооленные и вовсе безоленные хозяйства, попадавшие в зависимость от богатых. Случаи браков между однофамильцами стали довольно обычным явлением. Но многие коллективистские обычаи и традиции, идущие от родовой солидарности, продолжали существовать. Среди них можно назвать совместный промысел диких оленей на водных переправах и линных гусей на озерах, равномерное распределение добычи на стойбище среди всех проживающих там семей и т.д.

Основной хозяйственной ячейкой долганского общества была се-

Женщины-долганки. 1930-е годы.

мья. Так как долганы были православными, то семьи были моногамными. Разводы очень редки. Ко второму браку после смерти одного из супругов общественное мнение относились неодобительно. На мужчине лежала обязанность обеспечивать семью пищей и ухаживать за оленями. Если семья голодает — это его вина. Женщина обязана вести все домашнее хозяйство — выделывать шкуры, шить, готовить, следить за детьми. О хозяйке судили по состоянию чума.

Семейная обрядность

Добрачные связи между молодыми людьми в среде долган не осуждались. Юноша через третьего человека просил у понравившейся ему девушки ее колечко. Если она передавала это кольцо, то он мог посещать ее ночами, после того, как все в чуме уснут. Родители как правило делали вид, что ничего не видят. В назначенный девушкой срок юноша должен был отдарить ее более ценным подарком, чем полученное им колечко. Такие отношения не обязывали молодых людей к вступлению в брак. К рождению ребенка от подобной связи общество относилось снисходительно и наличие детей не служило препятствием для замужества. Добрачные дети после выхода их матери замуж оставались в чуме ее отца.

При заключении брака родители не считались с желаниями своих детей, а выбирали супругов для них на основании достатка семьи избранников, трудолюбия и мастерства будущего жениха или невесты. Сватовство могло продолжаться несколько дней, и, когда сват получал согласие родителей невесты, начинался торг о калыме. В калым в зависимости от зажиточности семьи жениха входило от 50 до 120 оленей, волчьи, лисьи, росомашьи и песцовые шкуры, нарты с упряжью, меховые шубы, летние покрышки для чума, деньги. Свадьба проходила сразу же после уплаты калыма на стойбище у родителей невесты. Молодые подходили под их благословение, молились перед иконами, и после этого начинался свадебный пир, причем, жених и невеста сидели вместе с гостями. Молодежь устраивала на улице танцы.

Через день-два жених увозил невесту с приданным на стойбище своих родителей. С ними ехала и часть гостей со стороны невесты во главе с ее отцом и матерью. На новом месте повторно подходили под благословение, но теперь родителей невесты, и молились на иконы. Невеста одаривала родственников жениха. Шаман в обычной одежде призывал на новобрачных благоволение добрых духов и божеств. После пира осматривалось привезенное невестой приданое. В него входили олени (как правило, $\frac{3}{4}$ от количества оленей калыма), нарты с упряжью, балок, шкуры пушных зверей, шубы, полные комплекты женской одежды, украшения, домашняя утварь с самоваром и чайником и т.д. Оставшуюся часть дня, до вечера, гости проводили за едой, в играх и плясках, а затем разъезжались.

В период беременности на женщину налагался ряд запретов и ограничений, имевших целью, с одной стороны, не осквернить ее «нечистотой» домашних духов-покровителей, а с другой, предохранить ребенка от физических недостатков. В случае, если она съест

заячью голову — ребенок может родиться с выпученными глазами, если гагару — у него могут быть широкие ступни ног, если налива с кожей — лицо новорожденного станет рябым.

Кладбище около станка Летовье на р. Дудыпта. 1938 г.

Для родов устанавливали отдельный чум, куда посторонним, кроме роженицы, бабки-повитухи и женщины, поддерживающей огонь и готовящей пищу, вход был запрещен. Также приглашали и шамана, который своим камланием должен был облегчить роды. Рожали долганские женщины стоя, держась руками за горизонтальный шест, привязанный к жердям чума. На третий день роженица поднималась с постели, проходила обряд очищения и возвращалась в чум мужа. Приезжали гости, делалось угощение, на улице устраивались пляски. Присутствующие дарили ребенку оленей и другие вещи, которые с этого момента считались его личной собственностью.

Хотя долганы были православными, христианские имена не получили у них большого распространения. Гораздо чаще давались свои долганские имена, имевшие как правило охранительный по отношению к его носителю характер.

Отношение ко всем детям было очень ласковое. Дурное обращение с ними не допускалось. Дети почитали родителей и относились к ним с большим уважением. Уже с восьми-девяти лет детей считали взрослыми. Мальчики самостоятельно начинали охотиться на диких оленей и принимать участие в семейных обсуждениях с десяти-двенадцати лет. Девочки с этого же возраста готовили еду, шили одежду, помогали матерям вести хозяйство.

Влияние христианства привело к тому, что уже к XIX веку основным способом погребения становится захоронение в земле. Над могилой сооружали или холмик, или деревянный сруб, украшенный резьбой. Рядом с могилой оставляли предметы, необходимые покойному в потустороннем мире: одежду, оружие для мужчины, или домашние принадлежности — для женщины. Иногда ставили над могилой длинный шест с изображением летящей птицы на его верхнем конце. Однако некоторых шаманов продолжали хоронить воздушным способом погребения — на помосте или на деревьях.

Мировоззрение и культы

Официально долганы считались христианами. Они соблюдали церковные праздники, посещали церковь, когда это удавалось, крестились, венчались, хотя и со значительным опозданием из-за отсутствия в нужное время священников. В каждом чуме на видном месте находились иконы. В то же время следует отметить, что соблюдалась скорее внешняя обрядовая сторона православия. А в повседневной жизни продолжали господствовать традиционные представления.

Традиционные религиозные представления долган во многом схожи с такими же представлениями соседних народов, особенно эвенков и якутов. Долганы так же делили вселенную на три мира, населенные многочисленными духами. Верхний мир был обителью айыы — божеств, благожелательно настроенных к людям, покровительствовавших им. Люди должны были почитать их, приносить им подарки, не нарушать установленный ими порядок. В нижнем мире проживали абаасы — вредоносные духи, приносящие людям болезни и разные беды. С ними человек вынужден был вести борьбу — обманывать их, подкупать приношениями, запугивать и т.д. Средний мир — пристанище людей и духов-хозяев природы. Чтобы не вызвать гнев этих духов, в отношении их люди должны были соблюдать определенные правила поведения. Нижний и верхний миры делились, кроме того нижний, еще на несколько ярусов, до девяти.

Долганский божок. 1920-е годы

Значительную роль в жизни долган играли шаманы — охранители и защитники сородичей. Они выполняли роль посредников между людьми, божествами и духами. В функции шамана входили забота о здоровье и достатке вверенных его попечению родичей. Он лечил заболевших, испрашивал у божеств детей для людей и приплода домашним оленям, охранял их от нападений злых духов, искал потерявшихся оленей или заблудившегося человека.

Одним из значимых событий было проведение годового камлания, которое совершали весной, с появлением травы. Для этого сооружали специальный чум. На концах чумовых шестов укрепляли деревянные

изображения птиц. Действие этого обряда заключалось в том, что шаман вместе со своими птицами поднимался к божеству Юрюнг Айыы и выяснял у него, каким будет предстоящий год: будут ли болеть и умирать люди, каков будет приплод оленей. Он должен был привлечь удачу-счастье к своим сородичам.

Шаманский дар, как и у других народов Сибири, передавался у долган только по наследству. Шаманами могли быть и мужчины, и женщины. Долганские шаманы в зависимости от своих возможностей делились на три категории: 1) плохой (слабосильный) шаман — он мог лечить только легкие болезни, а во время камлания не поднимался выше четвертого яруса неба и не спускался ниже четвертого яруса земли; 2) средний шаман — излечивал болезни средней тяжести; 3) большой, великий шаман — вылечивал все болезни и был всеведущ, так как видел всё, что происходит на земле.

Духовная культура

Сложение долган из тунгусских, якутских и русских элементов отразилось и на их фольклоре, отличающимся жанровым разнообразием. Их устному народному творчеству известны былины, исторические предания и бытовые рассказы, волшебные сказки, загадки, песни.

Долганские былины выросли на основе олонхо — якутского героического эпоса, повествующего о подвигах древних богатырей. Но в отличие от якутских олонхо долганские эпические сказания были более просты и реалистичны. Сам рассказ в этих былинах велся повествовательной речью, а диалоги пелись. Профессиональные сказители, рассказывавшие эти былины, пользовались огромным уважением.

Распространены были у долган исторические предания и героические сказания о борьбе между собой хосунов, богатырей-охотников, мстящих за убитых родственников. Произведения этого жанра входили в цикл преданий так называемого «Оленекского хосунного эпоса», распространенного у многих народов приполярного Енисейско-Ленского междуречья — якутов-оленеводов, долган, эвенков, частично у нганасан.

От эвенков были заимствованы долганами рассказы о разбойниках-чангытах, от русских — сказки, героями которых выступали русский купец, бедный крестьянин, Иван-царевич и другие.

Из музыкальных инструментов долганы использовали варган и шаманский бубен. Долганская молодежь любила танцевать. Но из танцев получил распространение только хейро (хоровод), наследство их эвенкийских предков (ёхорье).

Как и эвенки, долганы широко использовали бисер в украшениях одежды, кожаных и меховых изделий. И праздничная, и будничная верхняя одежда долган расшивалась бисером по подолу, полам, вороту. Вышивались обувь, пояса, головные уборы. Орнамент геометрический, из цветных полос, треугольников, зигзагов, ромбов. Применялись аппликация из узких полосок цветной ткани, узорные вышивки оленьим волосом, крашение ровдуги охрой или ольховой корой в красный цвет, а графитом — в черный. Ряд орнаментальных мотивов имели сходство с эвенкийскими и якутскими узорами.

Вышивание бисером мужской парки. 1938 г.

Из других видов изобразительного искусства долганам была известна резьба по кости — орнаментировали нащечные пластины оленьей сбруи, изготовлявшиеся как правило из мамонтовых бивней и оленьей кости. Оловом инкрустировались рукоятки ножей, серебром и медью — различные железные изделия.

Умели долганы и художественно обрабатывать дерево. Для культовых целей они вырезали из него фигурки оленей, куропаток, рыб, антропоморфных духов, размерами до двадцати-двадцати пяти сан-

тиметров. Однако встречались изображения длиной и до полутора метров. Большинство этих скульптур вырезаны довольно грубо и схематично, в упрощенном виде. Но были среди них и отличающиеся большой выразительностью и художественными достоинствами.

Литература:

Васильев, В. И. Долганы / В. И. Васильев // Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 149–150.

Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих. М.: Издательство АН СССР, 1960. – 622 с.

Долгих, Б. О. Происхождение долган / Б. О. Долгих // Сибирский этнографический сборник. Т. V., ТИЭ. Т. 84. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 92–141.

Попов, А. А. Материалы по родовому строю долган / А. А. Попов // Советская этнография. 1934. № 6. С. 116–132.

Попов, А. А. Оленеводство у долган / А. А. Попов // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 184–205.

Попов, А. А. Долганский фольклор / А. А. Попов // Л., 1937.

Попов А. А. Долганы / А. А. Попов // Народы Сибири. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956. С. 742–759.

ЯКУТЫ

Общие сведения

Якуты — основное население Республики Саха (Якутия). Но в то же время отдельные периферийные группы якутов проживают и в сопредельных с Якутией административных образованиях: на северо-востоке Иркутской области, в Хабаровском крае и Магаданской области. На территории Красноярского края наиболее компактной зоной расселения якутов является крайний северо-восток Эвенкии, район, прилегающий к озеру Ессей. Кроме того, значительные группы якутов, в настоящее время практически полностью одолганившиеся, проживали и на юге Таймыра.

Ужин в чуме. Представители семей Ботулу и Осогостох. 1938 г.

Соседями якутов на северо-западе являются долганы, на западе, юге и юго-востоке — эвенки, на северо-востоке — эвены, юкагиры и чукчи. Ессейская группа якутов на севере соседствует с долганами, на востоке соприкасается с границей Республики Саха (Якутия),

а с остальных сторон ее окружают территории с эвенкийским населением.

По данным переписи 2002 года общая численность якутов Российской Федерации составляла 432000 человек, из них в Эвенкийском округе Красноярского края проживало 1400 человек.

Самоназвание якутов — саха. Якутский язык относится к тюркской группе алтайской языковой семьи, представляя его крайнюю северо-восточную периферию.

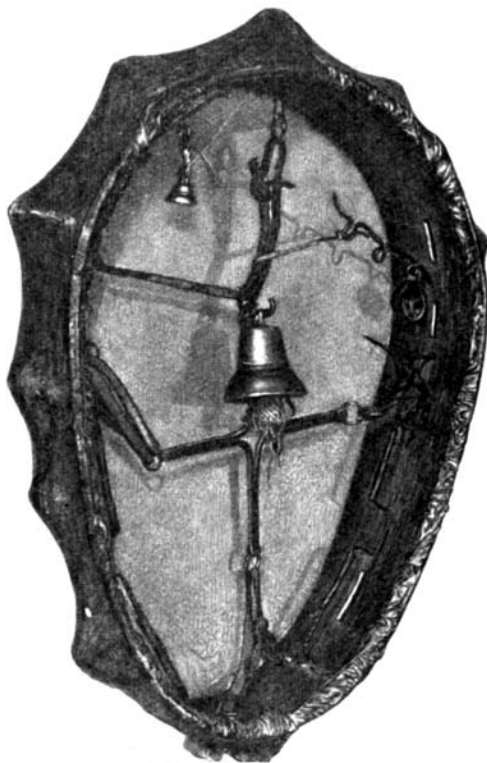
Этногенез и этническая история

Предыстория якутского этноса связана с Прибайкальем. Здесь во второй половине I тыс. н.э. существовал племенной союз тюркоязычных курыкан, выделившийся из объединения огузских (или токуз-огузских) племен Центральной Монголии. Курыканы занимались скотоводством, отчасти земледелием, охотой и рыболовством. Были довольно развиты металлургия железа и ювелирное искусство. На протяжении VI-XI веков курыканы то подпадали под власть центральноазиатских империй (Тюркских, Уйгурского, или Кыргызского каганатов), то в периоды их упадка проводили независимую политику.

С XI в. в Прибайкалье начинают проникать монгольские племена, ассимилируя и вытесняя местное тюркоязычное население. Часть курыкан и родственных им племен стала уходить вниз по Лене на север, где в Лено-Амгинском междуречье имелись благоприятные условия для занятий скотоводством. Здесь и началось формирование современного якутского этноса. Основой его стали тюркоязычные пришельцы. В то же время в состав якутского этноса вошли и некоторые группы местных народов, говорившие на юкагирских и тунгусских языках.

Традиционным занятием якутов было коневодство и разведение крупного рогатого скота. Летом скот выпасался на лугах, а зимой его держали в специальных помещениях — хотонах. На реках и озерах ловили рыбу, в тайге добывали диких животных. Были развиты кустарные промыслы — обработка дерева, бересты, кожи. Сохранялось производство гончарной посуды. Также якуты славились как кузнецы, чеканщики по серебру и меди.

К моменту прихода русских, к началу 1620-х гг., якуты заселяли центральную часть современной Якутии, зону реликтовой лесостепи. Отдельные их группы проникли в низовья Вилюя и на Яну. Общая численность якутского народа достигала 28 тыс. человек, деливших-

Шаманский бубен. Первая треть XX века.

ся на несколько племен. В их среде уже существовало имущественное и социальное неравенство: выделилась родовая знать — тойоны, появилось патриархальное рабство.

Включение якутов в состав Русского государства привело к прекращению кровавых межплеменных столкновений, установлению мирной жизни. Якуты познакомились со многими достижениями русской сельскохозяйственной культуры. Но с другой стороны, ясачные платежи, поборы воевод и служилых людей, гнет собственных тойонов, вынуждали многих якутов бросать насиженные места и переселяться на север, в глухую тайгу или тундру, подальше от власти имущих.

Суровый климат Заполярья не позволял переселенцам заниматься скотоводческим хозяйством. И на новой родине якуты восприняли традиционный хозяйственный уклад местных тунгусов — рыболовство, охотничий промысел и разведение домашних оленей. На протяжении XVIII–XIX вв. сформировалась особая группа якутского народа — якуты-оленоводы. Они частично вытеснили, а частично ассимилировали аборигенные тунгусоязычные племена и заселили

весь северо-запад современной Якутии, проникнув даже на территорию юга Таймыра и в район озера Ессей.

Впервые якуты в качестве постоянного населения Таймырского полуострова фиксируются в самом конце XVII века, точнее, в 1699 г., когда на реках Хатанге и Хете заплатило ясак 12 якутов (что соответствует 50 человекам всего населения). К 1926/27 гг. численность таймырских (или нижнезатундринских) якутов выросла до 1350 человек. Но к настоящему времени якуты Таймыра стали составной частью долганского народа, практически ничем не выделяясь в его среде.

По-иному сложилась судьба якутов, заселивших район озера Ессей. Появившись здесь в начале XVIII века, они с течением времени, стали основным населением этого региона, вытеснив или включив в свой состав местные группы эвенков. Бедных якутов, не обладавших, ни значительными стадами домашних оленей, ни развитыми веками навыками охотничьего промысла, район Ессея привлекал своими рыбными богатствами. Освоившись на новом месте, якуты обзавелись стадами домашних оленей, и с течением времени многие из них стали самыми богатыми оленеводами Илимпейской тундры. Принадлежали они к нескольким административным единицам — Бетунскому, Катыгынскому и Бетильскому наслегам. А по родовой принадлежности относились к родам Чорду, Ботулу, Осогостох, Оспех, Маймага, Маят. В настоящее время в районе оз. Ессей проживает около 900 якутов.

Хозяйство

Хозяйственная деятельность ессейских якутов, как и большинства других народов Севера, состояла из трех видов занятий — оленеводства, рыболовства и охоты. Именно от количества оленей в стаде зависел достаток семьи и ее место в социальной иерархии. Семья, в собственности которой находилось менее 20 оленей, считалась беднячкой, в то же время имелись домохозяйства, владевшие сотенными и тысячными стадами оленей.

Обеспеченность хозяйства достаточным для перекочевков поголовьем домашних оленей позволяла осваивать, с целью охотничьего промысла значительные территории. Кроме добычи большого количества пушнины и диких оленей, домашнее оленеводство давало основную массу шкур, использовавшихся для пошива одежды, обуви и покрышек к чумам. В случае неудачного промысла мясо домашних оленей обеспечивало семье регулярное питание. Богатые оленями

семьи имели возможность заниматься посреднической торговлей: зимой они ездили в Туруханск или Вилюйск, где продавали скупленную у своих сородичей пушнину и закупали товары, которые затем перепродавали по высоким ценам на Есее, еще более увеличивая тем самым свой достаток.

Стада домашних оленей требовали регулярных перекочевок с целью выпаса оленей на богатых ягелем и еще не потравленных пастбищах. Зимой оленеводы проводили недалеко от озера Есеей, в лесных и лесотундровых участках. Уход за стадом в этот период заключался лишь в наблюдении за тем, чтобы олени далеко не разбредались. На это же время приходилось наибольшее использование оленей как транспортных животных: на оленьих упряжках проверяли ловушки-пасти, перевозили купеческие и государственные грузы.

С наступлением весны оленеводы начинали передвигаться на летние пастбища, к гольцам. В пути в конце апреля и мае останавливались на две-три недели в богатых кормами местах для отела важенок. После отела стада перегоняли на гольцы; отдельные семьи уходили в тундру, к реке Хатанге. В летний период пастбища меняли очень часто, через два-три дня. Чтобы гнус меньше досаждал оленям, старались их пасти на прохладных участках, рядом с нарастающим снегом.

С окончанием лета, в конце августа, возвращались на зимние пастбища. Осенью наиболее важными событиями для оленеводов был гон оленей и их массовый забой на шкуры для одежды. На одного быка-производителя приходилось 15–20 важенок, поэтому лишних самцов холостили, раздавливая зубами его яички. Для запряжки в нарты использовали, в основном, именно холощенных оленей, так как они отличались большей силой и ростом.

Как уже было сказано выше, первоначально есеейский озерный район привлек внимание якутов именно благодаря своим рыбным богатствам. И позже рыбная ловля оставалась основным и даже единственным способом добычи пропитания для семей, не имеющих домашних оленей и вынужденных круглый год вести оседлый образ жизни. Рыболовство ассоциировалось у есеейских якутов с бедностью и отсутствием разнообразия в пище.

Рыбаки были нацелены на лов рыб ценных пород — пеляди, чира, сига, тайменя, нельмы, муксуна, осетра. Мелкую рыбу — окуня, карася, сельдь, налима — несмотря на то, что именно она являлась повседневной пищей, специально не ловили, а получали попутно при ловле белой рыбы. Занимались рыболовством круглый год, но наибольшие уловы приходились на летний период.

Из рыболовных снастей использовались неводы, небольшие заездки с мордами, удочки с железными самодельными крючками, но наибольшее распространение получила сеть-пушальня, так как ею ловили рыбу и летом по открытой воде, и зимой подо льдом. Плели сети из конского волоса, который доставляли купцы из Вилуйска. Поплавки были из скрученной бересты, а грузили из тальниковых колец с привязанной к ним галькой.

Ловля пеляди на озере Ессей. 1938 г.

Охотничий промысел ессейских якутов, как и всех народов Севера, имел два направления — мясное и пушное. Основной мясной добычей были дикие олени и лоси. Выделяется несколько способов добычи оленей. Осенью, в период гона их добывали при помощи оленья-манщика. В одном случае охотник подкрадывался к стаду, прячась за манщиком, а в другом, привязывал к его рогам специальную петлю и дикий олень, вступая в схватку с манщиком, запутывался своими рогами в ней. В зимнее время оленей добывали гоним на нартах. Убегая, олени делают большой круг, и охотнику оставалось лишь сократить расстояние между ними и собой, направив свою упряжку наперерез стаду. Весной по насту преследовали оленей на лыжах. Проваливаясь в снег, животные ранили ноги об наст, быстро изнемогали

и становились легкой добычей. Также охотились и на лосей. Распространенным способом добычи оленей в это время была и охота на них с маскировочным щитком, прячась за который, охотник подползал к животному на расстояние выстрела. Летом промышляли оленей в основном скрадом.

В летний период добывали и перелетных птиц — уток и гусей. Их стреляли из луков и ружей, линных били палками, травили собаками, ловили сетями. Зимой попутно били куропаток.

Основным объектом пушной охоты есеевских якутов был песец. Добывали его пастями. У каждого охотника был свой пастиковый путик (тропа), на котором устанавливали от нескольких десятков до нескольких сотен пастей. Длина некоторых путиков могла достигать сотен километров. Проверяли пасти за зиму лишь два-четыре раза, поэтому много пойманных зверьков портили птицы и хищники. Ловили пастями и лисиц.

Из других пушных зверей добывали горноста (черканами), волка и росомуху (ружьем и капканами).

Из охотничьего оружия самым распространенным был лук со стрелами. Лук делали из трех слоев древесины: внутренний и внешний слои были из лиственницы, а средний — из березы. Тетиву плели из оленьих сухожилий. Наконечники стрел были железными и различались своей формой, связанной с видом добычи. Так, стрелы с вильчатыми наконечниками применяли при охоте на птицу, а листовидные и долотовидные использовали при промысле крупного зверя. Оперение у стрел было двухлопастным. У каждого охотника был нож, который носили с правой стороны на бедре.

Материальная культура

Основным жилищем есеевских якутов-оленьеводов был чум. Размеры его зависели от количества проживавших в нем людей и колебались от трех до восьми метров в диаметре. Иногда в одном чуме жило сразу две-три семьи. Размеры чума влияли на количество шестов, необходимых для его установки: на небольшой чум было достаточно двадцати шестов, а на большой было мало и сорока. Высота такого жилища достигала трех-четырех метров. Для установки большого чума требовалось три-четыре человека. Зимой чум покрывали покрышками из оленьих шкур с подстриженной шерстью, а летом — ровдужными. Для того, чтобы покрышки были непромокаемыми, их предварительно продымляли над костром. В среднем на покрышку одного чума уходило до пятидесяти оленьих шкур. В зимнее время

для тепла часто использовали обе покрышки: зимнюю закрепляли шерстью внутрь, а поверх неё натягивали летнюю. Входом чум всегда был ориентирован на восток. В центре на железном листе или каменных плитах, а летом просто на земле, устраивался костер. С начала XX века распространение получили железные печки, которые использовали в зимнее время. Летом пищу готовили вне чума, на открытом воздухе.

Правая от входа часть чума считалась женской половиной. На ней у входа хранили продукты и посуду, принадлежности для рукоделия и дрова. Мужская половина располагалась с левой стороны. Наиболее почетным считалось место за костром, у задней стенки. Здесь стояли сундуки и коробки с праздничной одеждой и украшениями, размещались иконы и семейные идолы-охранители. Здесь же принимали уважаемых гостей.

Оседлые есеевские якуты-рыболовы в качестве жилищ использовали стационарные голомо. Остов голомо состоял из четырех толстых жердей, соединенных сверху. Между жердями, ниже места их соединения делался настил-потолок, к которому вертикально по всему его периметру плотно друг к другу приставляли другие жерди, образовывавшие стены голомо. Сверху все голомо обкладывали землей и дерном. Вдоль стен устраивали низкие нары-лежанки. Очаг располагался в середине жилища, над ним оставляли небольшое отверстие для выхода дыма.

Из хозяйственных построек есеевским якутам были известны лабазы. Одни из них были открытого типа, в виде помостов на столбах или козлах. Предназначались они для хранения мяса, в том числе и целых оленьих туш в зимнее время, рыбы, зимней одежды и обуви. Другой тип лабазов представлял собой помост с возведенной на нем двухскатной постройкой, крытой лиственничной корой. В таких лабазах укрывали основную массу законсервированного на зиму продовольствия — вяленого мяса и юколы.

Единственным транспортным животным у есеевских якутов был домашний олень. Запрягали оленей в нарты при помощи недоуздка, головных ремней, лямок, поясов и соединительных ремней — постромок. Различались нарты легковые (мужские и женские), грузовые и нарты для перевозки лодок. Легковыми нартами управляли при помощи вожжи и длинного шеста — хорей. Садись на нарты с правой стороны, так же, как и эвенки. Легковая мужская нарта имела три пары копыльев, а женская от четырех до шести. Запрягали в нарты обычно двух, редко трех оленей. Знакомо было есеевским якутам и вьючно-верховое оленеводство.

Летом для переправ через реки, добычи на воде переправляющихся диких оленей и линных птиц использовали долбленные лодки-ветки.

Одежда ессейских якутов подразделялась на повседневную и праздничную, зимнюю и летнюю. Шили ее из меха, выделанной кожи и материи (сукна, бумазеи, байки, ситца). В комплект мужской одежды входили рубаха, штаны, зимой — распашная дошка из меха или ровдуги и глухой сокуй, летом — суконный кафтан. Рубахи шились из покупных тканей, а штаны из оленьих шкур, ровдуги или материи. Дошки — из оленьих шкур мехом наружу. Летние кафтаны были су-

Установка пасти на песца Никоном Ботулу. 1938 г.

конными. В типах мужской одежды и ее покрое прослеживаются как якутские, так и эвенкийские черты.

Женщины носили длинные до колен матерчатые платья, штаны-натазники из ровдуги. Верхней плечевой одеждой у женщин, как и у мужчин, был суконный кафтан, зимой носили длинные шубы из оленьих шкур.

Головные уборы были капорообразные, края их оторачивали мехом песца или росамахи. Платки носили и мужчины (летом) и женщины.

Летнюю обувь шили из ровдуги. Зимнюю — из оленьих камусов мехом наружу. На подошву зимней обуви шли оленьи щетки — шку-

ра между копыт оленя. Под низ надевали меховые чулки. Известны были ессейским якутам и ноговицы, которые также шили из камусов.

Основой питания якутов Ессея были мясо и рыба. Оленеводы потребляли мясо диких животных почти круглый год, а мясо домашних оленей в основном в период массового осеннего забоя. Лишь летом и осенью они в большом количестве потребляли рыбные продукты. Для бедняков же рыба и продукты из нее являлись повседневным и практически единственным видом пищи. Мясо как правило ели в вареном виде, точнее, слегка обваренном, с кровью внутри. Потребляли в пищу также сырое и мороженое мясо. Летом мясо вялили на открытом воздухе или коптили над дымом. Сушеное и вяленое мясо разрезали на мелкие кусочки и, смешав с жиром, варили. Также его размельчали в порошок и добавляли в супы. Из дробленых костей вываривали костный жир; ели его с чаем и с мясом. Мясо птиц варили, вялили только тушки гусей. Второсортной пищей считалось мясо белок, зайцев и куропаток. Совершенно не употребляли в пищу мясо песцов, лисиц, волков и собак.

Рыбу ели в свежем виде, мороженой, жарили на рожнах, вялили. Но чаще ее просто варили. Основным способом консервации рыбы было ее вяление и копчение над огнем. Рыба, приготовленная таким способом, называлась юколой. Употребляли ее довольно часто вместе с чаем. Из юколы, измельченной до состояния порошка (пурса), варили густую кашу или, смешивая ее с заболонью (внутренней корой) лиственницы, готовили похлебку.

Еще одним способом длительного хранения рыбы было ее квашение. Для этого выкапывались большие ямы, в них складывалась рыба и оставлялась для окисления. Рыбий жир употребляли в соединении с другими продуктами и использовали для приготовления мучных лепешек.

В большом количестве ессейские якуты потребляли чай и табак. У купцов покупали муку и сахар. Из муки пекли пресные лепешки и оладьи, а пережаренную на сковороде добавляли в чай. Прикусой к чаю служили также вяленые кусочки мяса и размельченная вяленая рыба.

Семейная обрядность

Инициатива по заключению брака полностью была в компетенции родителей жениха. Возраст и жениха, и невесты при этом не играл никакой роли; они могли быть и несовершеннолетними. Выбрав достойную, по их мнению, кандидатуру невесты, засылали к ее роди-

телям опытного свата. Если родители невесты давали согласие на заключение брака, то следующим шагом было определение размера калыма, который зависел от достатка семьи жениха. Сама свадьба проходила как правило только через два-три года после сватовства. За это время собирался необходимый калым, а будущие новобрачные подрастали.

Настораживание черкана. 1938 г.

В назначенный срок родители жениха подкочевывали поближе к стойбищу невесты. В день так называемой «первой» свадьбы жених вместе с родственниками передавал будущему тестю половину калыма и подарки. После этого его и невесту усаживали за специальным пологом, где они должны были находиться все время свадебного торжества. Гости ели, пили, желали счастья молодым. Окончив пир, устраивали игры вне чума, которые проводились на протяжении трех дней. Гости боролись, прыгали на одной ноге или с разбега, бегали, плясали. Вечерами пир возобновлялся.

Почти весь калым (и оленей, и деньги) отец невесты раздавал своим родственникам и даже посторонним людям, приехавшим на свадьбу.

Себе он оставлял несколько самых плохих оленей, которые должны были пойти на мясо для угощения присутствующих. Отъезжающих гостей родственники невесты также наделяли подарками — оленьими, шкурками белок или горностаев, деньгами. Жених задерживался в стойбище своей невесты еще дня на три, а затем возвращался к своим родителям.

Вторая свадьба проводилась только через два-четыре года после первой. Невеста за это время не должна была заиметь детей, хотя запрета на сексуальные связи с будущим мужем не было. Вторую свадьбу проводили уже в стойбище родителей жениха. Те люди, которые на первой свадьбе получили подарки от отца невесты, должны были участвовать в сборе приданого — посуды, домашней утвари, оленьей сбруи, мехов, украшений, домашних оленей. Зачастую размер приданого превышал размер калыма. Приданого должно было хватить на три года жизни молодоженов. Сама вторая свадьба проходила по тому же сценарию, что и первая. Через несколько дней после ее окончания молодые супруги приезжали к родителям невесты и жили там два-три дня. Затем они вели самостоятельное хозяйство, но кочевали неподалеку от родителей мужа. Молодая жена три года не должна была видиться со своими родителями.

На период беременности, как и у других народов Севера, на женщину накладывались различные запреты в пищевом рационе и поведении в быту. Рожали в своем же чуме на отгороженном участке. Помощь роженице оказывала опытная повитуха, специально приглашенная на это время. Для облегчения родов применяли различные магические действия. После рождения ребенка устраивался праздник. Ели мясо, оладьи, кровяную похлебку. Бабушке-повитухе дарили подарки. Постель роженицы и ее одежду сворачивали в узел и помещали на дерево с развилкой.

В погребальном обряде якутов сильно влияние христианства. Хорошили через три-четыре дня. Умершего помещали в гроб из плах и доставляли к месту захоронения на нартах. Рядом с погребением оставляли одежду умершего, его постель, посуду, нарты, но предварительно приводили их в негодность. Убивали одного-двух оленей, мясо их частью съедали, частью раздавали соседям. Поминки устраивали на сороковой день после похорон. Через год над могилой ставили невысокий сруб с двускатной крышей и деревянный православный крест. Христианское влияние заметно и в том, что, по представлениям якутов, существовал не просто мир мертвых, а рай и ад. В прошлом у северных якутов был распространен воздушный обряд погребения — на помостах.

Мировоззрение и культы

Мифы северных якутов о создании вселенной, в общем, лежали в русле представлений соседних с ними народов. Также изначально была лишь вода, также в создании земли участвовала гагара, наблюдается и противостояние между двумя братьями, добрым младшим — Айыы-тойоном, и злым старшим — Аллараа-огонньором. Младший брат создал людей, полезных животных, рыб, растения и деревья. В противоположность ему старший брат сотворил все вредное и плохое, в том числе змей и комаров. В некоторых преданиях подчеркивается большая роль в создании полезных животных — оленя, лося, песка, собаки — Черному ворону (Хара Суору).

Айыы-тойон стал владыкой верхнего мира, а его старший брат — нижнего. Обитателями среднего мира были различные духи — хозяева природных объектов и видов животных.

Некоторые животные (олень, лось, медведь, волк, пушные звери) почитались якутами, в честь их поимки проводились специальные обряды, призванные возродить убитого зверя. Разделка таких животных и поедание их мяса проводилось с соблюдением определенных ритуалов и запретов. Кости и череп, а у пушных зверей сама тушка, погребались на помостах или деревьях.

Особым почитанием пользовался дух-повелитель животных, покровитель охоты и охотников Эбэкэнэ (дедушка), настоящим именем которого было Баай-Баянай. Но это настоящее священное имя проносилось только во время заклинаний. Многие охотники делали его изображение и хранили его на почетном месте в жилище. Перед охотой и после (если она проходила удачно) идола кормили жиром и подносили ему жертвы. Во время перекочевок Эбэкээнэ помещали в особый выючный ящик, который вез на себе специальный олень, предназначенный именно для этой цели.

В некоторых местах якуты устанавливали деревянные изображения идолов. Так, например, для обряда очищения вырубалась антропоморфная фигура высотой до двух метров, называвшаяся чычпыкааном. Рядом с ней ставили фигурки духов Сэмэкэя и Кэлтэгэя. У есеевских якутов в местах лова рыбы стояли изображения Балык Эбэкэнэ (духа рыбы), помогавшего в промысле рыбакам и охотникам.

Шаманизм северных якутов нес в себе черты как шаманизма якутов центральных районов Якутии, так и шаманизма эвенкийского. Первое можно рассматривать как наследие общих предков, а второе появилось в результате постоянного контакта пришлого якутского населения с местными эвенками и сложившегося в результате такого

Шаман. Рисунок А. П. Лекаренко.

контакта у якутов Ессея культурно-хозяйственного типа охотников, рыболовов и оленеводов.

Духовная культура

Жанры фольклора, известные ессейским якутам, представлены героическими сказаниями и историческими преданиями, сказками, рассказами и загадками, песнями. Особый интерес среди них вызывает так называемый «оленекский хосунный эпос», представляющий собой эпические сказания о богатырях-охотниках, именующихся в них

хосунами. Сюжетная линия таких сказаний повествует о борьбе между двумя хосунами из разных племен, в которой один из них убивает другого. Через много лет подросший сын убитого находит убийцу и в свою очередь убивает его. Несмотря на то, что основными носителями этого эпоса являются северные якуты, сложение его произошло задолго до их появления в этих местах. Судя по этноопределяющим признакам сказаний, в них повествуется о военных столкновениях между тундровыми жителями — юкагирами, во главе которых стоял Юнгкээбил, и обитателями лесов — тунгусами, возглавляемыми Юрэном. Но хосунный эпос стал родным для якутов и его героев они воспринимают как своих.

Деревянная лука от оленьего седла.

Известны якутам и другие предания о родовых и племенных войнах, в которых в реалистической форме рассказывается о других героях, живших в ту эпоху кровавых битв.

Сказки северных якутов подразделяются на волшебные, бытовые и сказки о животных. Во многих из них также заметны значительные заимствования и влияние сказок русских, эвенкийских и якутов цен-

тральной Якутии. Хотя многие имеют и самобытный характер и при-
сути только местным якутам.

Популярностью пользовались бытовые рассказы, повествующие
о событиях, действительно имевших место: необычных случаях, про-
исшедших на промысле, семейных событиях, путешествиях.

Песенный репертуар включает в себя в основном песни лирическо-
го содержания. В них воспевались природные объекты, прибывшие
гости, возлюбленные, и носили они импровизационный характер.

Литература:

Токарев С. А. Происхождение якутской народности. / С. А. Токарев
// «Краткие сообщения Института истории материальной культуры»,
1941, вып. 9.

Историко-этнографический атлас Сибири. М.–Л., 1961.

Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. /
И. С. Гуревич. М., 1966.

Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. / И. С. Гуревич
М., 1977.

Дьяченко В. И. Охотники высоких широт: долганы и северные яку-
ты / В. И. Дьяченко. СПб., 2005.

ЭВЕНКИ

Общие сведения

Эвенки являются одним из наиболее широко расселенных народов Сибири. Еще в XVII–XIX веках они распространялись от Енисея на западе до Охотского побережья на востоке, от Северного Ледовитого океана на севере до степей Монголии на юге. К настоящему времени эвенкийский ареал значительно сократился, но и сейчас эвенкийские группы занимают довольно значительные пространства Восточной Сибири и сопредельных территорий. По данным 2002 года, эвенки

Кузнецы за работой. 1932 г.

проживают на востоке, юге и юго-востоке Республики Саха (Якутия), на севере и востоке Иркутской области, на севере Республики Бурятия, Читинской и Амурской областей, Хабаровского края. На территории Красноярского края эвенки живут в Эвенкийском национальном округе, Туруханском и Енисейском районах и на юге Таймыра. Кроме

того, некоторые их группы обитают в Монголии и Северо-Восточном Китае.

На западе эвенки соседствуют с ненцами, селькупами и кетами. На севере — с долганами и якутами, на северо-востоке — с эвенками, на юге — с бурятами и народами Приамурья, но в основном с русским населением.

По переписи 2002 года, численность эвенков составляет в Российской Федерации около 30000 человек. Еще 20000 эвенков живут в Китае, по отрогам хребта Большой Хинган и 2000 эвенков-хамниганов, утерявших родной язык и говорящих только по-монгольски — в Монголии. На территории Красноярского края эвенков насчитывается 4632 человека.

Эвенкийский язык входит в тунгусо-маньчжурскую группу алтайской языковой семьи. До конца 1920-х годов наиболее употребляемым названием для эвенков было «тунгусы».

Этногенез и этническая история

Главную роль в сложении эвенкийского народа сыграли два этнических компонента — местный восточносибирский, родственный по языку, видимо, современным юкагирам, и пришлый — из Приамурья и Забайкалья, тунгусоязычный. Следует отметить, что существуют и другие теории по поводу расположения прародины как эвенков, так и других тунгусо-маньчжурских групп. Очагом их формирования называют и Саяны, и Прибайкалье, и даже бассейн реки Хуанхэ в Китае. Начало продвижения тунгусоязычных племен в Восточную Сибирь датируется второй половиной I тыс. н.э. На протяжении полутора тысяч лет эвенкийские племена постепенно распространились по всей территории Восточной Сибири, проникнув в начале II тыс. н.э. в бассейн р. Енисей. Пришельцы принесли с собой навыки домашнего оленеводства, не знакомые дотоле местным праюкагирам.

Распространение эвенков на огромной территории с различными природно-климатическими условиями привело к сложению в их среде разных хозяйственно-культурных типов. К западу от Байкала эвенкийское оленеводство играло транспортную подсобную роль охотничьему промыслу — главному занятию енисейских эвенков. В таежном Забайкалье и Приамурье именно оленеводство сформировалось как главная отрасль хозяйства местных эвенков-ороченов (олeneводoв). В степных пространствах Прибайкалья и Забайкалья эвенки освоили коневодство. В XVII веке «конные тунгусы» составляли половину численности всех эвенков. Известны были и так называемые «сидя-

чие» группы эвенков. Они не имели ни оленей, ни лошадей, а основой их хозяйства являлось рыболовство.

Зимнее стойбище в верховьях р. Мойеро. 1927 г.

В разных регионах своего расселения эвенкам приходилось контактировать с различными народами. В Прибайкалье, Забайкалье, на верхнем Амуре и Средней Лене многие эвенкийские роды находились в зависимости от соседних более сильных народов — бурят, монголов, дауров и якутов; другие же воевали с ними. В Нижнем Приангарье эвенки сами стремились подчинить себе енисейскоязычные родо-племенные группы. Военные конфликты происходили и между отдельными тунгусскими племенами. Так, верхнеленские шилагиры на протяжении многих лет враждовали с верхнеангарскими чильчагирами и киндигирами; есеейские ваяндыри воевали с оленекскими синигирами и адьянами.

Первая встреча эвенков с русскими произошла в 1606 г., когда отряды служилых людей вышли на Енисей. Здесь они столкнулись с противодействием их дальнейшему продвижению на восток со стороны приангарских тунгусов, военные вожди которых — Данул, Тасей и Иркиней — пытались организовать отпор пришельцам. Но

уже к середине XVII в. почти все эвенкийские группы были включены в состав ясачного населения Русского государства. Этому способствовали разобщенность малочисленных эвенкийских родов и племен, частая их враждебность друг к другу, более низкий уровень развития хозяйства и военного дела, а также те несомненные выгоды, которые несло с собой подчинение русской власти (усиление торговых связей, возможность приобретения лучших орудий труда и охотничьего оружия, прекращение межплеменных столкновений).

С течением времени культурные и хозяйственные связи между эвенкийским и русским населением все более усиливались. Отдельные эвенкийские группы, проживающие в более южных районах, всё более усваивали русский тип культуры, переходя к оседлости и хозяйственным занятиям, характерным для русских — земледелию и скотоводству. В результате ассимиляционных процессов и ухода некоторых эвенкийских групп подальше от русских поселений из эвенкийской ойкумены выпали территории Приангарья и Верхнего Приамурья.

В южном Забайкалье часть «конных тунгусов» слилась с бурятами, а многие эвенкийские роды на юге и западе Якутии подверглись ассимиляции со стороны якутов, воспринявших от эвенков оленеводство, но передавших им свой язык и самосознание.

Но и сами эвенки появляются на землях, не входивших ранее в их ареал расселения: на Сахалине, северо-востоке Китая, в бассейнах рек Таз, Сым и Обь.

Хозяйство

Несмотря на то, что практически все эвенкийские группы, проживавшие на территории современного Красноярского края, занимались домашним оленеводством и в разной степени рыболовством, основным видом их хозяйственной деятельности оставалась охота. Промысел зверя и птицы обеспечивал эвенков пищей, давал шкуры и сухожилия для шитья одежды и других необходимых предметов быта. Выделанные и невыделанные шкуры шли на изготовление обуви, одежды, покрышек для чумов, разного назначения сумок, ковриков, деталей оленьей упряжи и многого другого.

Главным объектом добычи были копытные животные, в особенности лось и дикий олень. Хотя охотились на них круглогодично, но наиболее интенсивный период их промысла приходился на конец зимы — начало весны и осень. Добывали их скрадом или гоном на

лыжах. Такая охота требовала большой выносливости, так как часто приходилось гнать зверя по нескольку дней подряд. Осенью при охоте гоном использовали собаку, которая, догнав лося, задерживала его до прихода охотника. Северным группам эвенков, проживавшим в Илимпейской тундре, была знакома охота на диких оленей при помощи домашнего оленя-манщика.

М. Л. Мукто и М. Ф. Чапогир в чуме после охоты. 1938 г.

Ради мяса добывали и медведя, как правило попутно. Охотились на него обычно зимой на берлоге. Вход в нее заваливали бревном и будили зверя, толкая его длинной палкой. Как только медведь начинал вылезать из берлоги, стреляли ему в голову. Самые удалые охотники выходили на медведя только с копьём или с пальмой и били его прямо в сердце.

Боровую и водоплавающую птицу добывали силками и луком, позже ружьем. Охотились на них весной и ранней осенью.

С XVII века значительную роль в жизни эвенков стала играть пушная охота. Пушниной выплачивали натуральный налог — ясак государству; в обмен на пушнину приобретали огнестрельное оружие, боеприпасы, некоторые продукты и промышленные товары.

Наиболее ценной добычей считался соболь. Охотились на него с собакой. Собака загоняла соболя на дерево, и охотнику оставалось только выстрелить в него. Но соболь довольно хитрый зверек и, прячась от человека, он скрывался в дуплах деревьев, норах и россыпях камней. В этих случаях добывали его при помощи обмета — сетки длиной 40–90 метров, которой оцепляли место отсидки зверька, и ждали, когда он, выскочив из своего убежища, запутается в ней. Хищнический промысел соболя привел к тому, что уже к концу XVII века его запасы существенно сократились, а к началу XIX века он почти повсеместно был выбит.

Первое место в пушном промысле перешло к добыче белки. По мелкому снегу охотились на нее с собакой, а когда снежный покров становился глубоким, охотник один, на лыжах, искал следы кормящейся белки. Стреляли ее из лука тупыми стрелами-томарами или из ружья. От русских эвенками была заимствована охота на белку плашками — специальными деревянными ловушками давящего типа.

Кроме соболя и белки из других пушных зверей добывали также лису, колонка, горностая, выдру, рысь, росомаху, иногда волка. При охоте на них использовали лук, ружье, пасти и кулемы, черканы, покупные капканы, начиненную ядом приманку.

Главным оружием охоты у эвенков почти до начала XX века был лук, склеенный из разных пород дерева, с тетивой из кожи или волокон крапивы и конопли. Наконечники стрел имели различную форму и изготавливались из железа или кости. Оперяли стрелы перьями дятла, орла, тетерева. Особую группу стрел составляли томары — стрелы с тупым деревянным или костяным наконечником, предназначенные для охоты на дичь и мелких пушных зверей.

Каждый охотник имел при себе копьё или пальму — своеобразное оружие в виде большого широкого ножа на длинной рукоятке, использовавшегося и как топор, и как копьё. Кроме того, у каждого охотника был и обычный нож.

Оленеводство енисейских эвенков имело подсобное транспортное значение. При таком типе оленеводства домашние стада были небольшими по размерам; оленей использовали под выюк; кочевали, имея в виду, в первую очередь, потребности охотничьего промысла. В среднем для перекочевки на семью требовалось до 25 домашних оленей, хотя изредка встречались и богатые хозяйства, владевшие стадами в сотни голов. Верхом на оленях ездили в весенне-летне-осенний период и зимой, пока снег не был слишком глубок. Упряжь верхового оленя состояла из недоуздка, верхового или вьючного седла и подпруги. Остальную часть зимы оленей запрягали в нарты. Сидели на нартах

с правой стороны. Вожжи держали в левой руке, а в правой — хорей. Распространено было доение важенок, кормящих оленят. Молоко выдаивали только из двух правых сосцов, а остальные оставляли телятам. В день от десяти-пятнадцати важенок надаивали около одного литра молока. Летом для защиты от гнуса оленям устраивали дымокуры.

Эвенкийское рыболовство также носило только подсобный характер. Пойманную рыбу использовали лишь для собственного пропитания. Ловили ее в основном летом, когда она занимала довольно значительное место в пищевом рационе эвенков. Некоторые группы эвенков практиковали и подледный лов рыбы. Из рыболовных снастей использовали ставные сети — пущальни, плетеные морды, остроги, крючки, лук со стрелами.

Традиционными занятиями эвенков были обработка бересты и шкур и изготовление из них различных предметов, необходимых в быту. Развито было кузнечное дело. Эвенкийские кузнецы сами плавил железную руду и изготавливали из него оружие — ножи, пальмы и копья, орудия труда — скребки для выделки шкур, топоры, инструменты для обработки дерева и железа, а также украшения и шаманские подвески.

Материальная культура

Эвенкийский чум мало чем отличался от подобных жилищ соседних с ними народов. Количество шестов основы варьировалось в нем от двадцати пяти до тридцати пяти штук. При перекочевках шесты как правило оставляли на месте, так как в таежной зоне не было нехватки в сырье для них. Летние покрышки делали из проваренной бересты, а зимние — из выделанных оленьих или лосиных шкур.

Пространство внутри чума по сторонам от входа считалось местом хозяйки жилища. Здесь складировались продукты, бытовая утварь, посуда и т.д. Далее шли места остальных членов семьи — налево от входа спали глава семьи и его жена, направо — их дети. Место за очагом напротив входа было сакральным: там принимали почетных гостей и хранили изображения семейных духов-охранителей.

Зимним жилищем у части эвенков были стационарные голомо, представлявшие собой несколько углубленную в землю постройку с коническим остовом из толстых плах. Сверху это сооружение покрывали корой, обкладывали дерном и снегом. Из хозяйственных построек известны амбары и лабазы, которые ставили на высокие сваи.

Эвенкийские седла по своему назначению подразделялись на верховые (мужские и женские) и выючные. Но в то же время были

эвенкийские группы, не знакомые с некоторыми типами седел. Например, в междуречье Нижней и Подкаменной Тунгусок верховые седла не использовали, а ездили на вьючных. К северу от Нижней Тунгуски не были известны женские седла.

Для вьюков использовали переметные сумы. Одни из них были на твердой основе — берестяные коробки, обклеенные камусом; другие — мягкие, камусные или меховые.

В берестянках на Нижней Тунгуске у устья р. Учамы. 1927 г.

Эвенкийские нарты подразделялись на ездовые и грузовые, но внешне они ничем не отличались друг от друга. Обычно нарты имели три пары копыльев, к передку нарт прикреплялась горизонтальная дуга — баран, предохраняющая их от ударов об деревья. Упряжка состояла из двух оленей. Садились на нарты с правой стороны. Хорей употребляли только лесотундровые группы эвенков, таежные пользовались лишь вожжами.

Для переправ через реки и охоты с воды эвенки использовали берестяные лодки, так называемые «берестянки». Их остов, состоящий из продольных планок, кривых ребер и двух ободов, обтягивался отдельными берестяными полотнищами, швы между которыми засмаливались. Управляли ими длинными двухлопастными веслами.

В зимний период эвенки использовали лыжи, подшитые камусом, а ранней весной по насту ходили на лыжах-голицах. Для торможения и управления при спуске с возвышенностей употребляли лыжный посох с кольцом на его нижнем конце и железным крючком — на верхнем. Этим крючком цеплялись за деревья при подъеме на горы.

Традиционная эвенкийская одежда выделяется среди одеяний других народов Сибири своей красочностью и элегантностью. Мужская и женская одежда практически не отличались друг от друга. Обычной верхней одеждой были так называемые «кафтаны». Шились они из одной целой шкуры, полы их не сходились. Сзади подол выкраивался мысом и был длиннее, чем перед. Полы кафтана связывались ремешками, а грудь и живот прикрывались нагрудником, защищавшим их от холода. Мужской нагрудник был более узкий, чем женский и заканчивался внизу острым мысом, в то время, как у женского низ был прямой. Такие кафтаны украшались меховой мозаикой, бисером, окрашенными ровдужными полосами и тканью. По швам пришивали длинную козью шерсть, по которой скатывалась дождевая вода.

Кроме описанного типа кафтана с несходящимися полами, существовали и запашные, с широким подолом, удобные при езде на оленях. Зимой носили меховую парку из шкуры оленя, убитого в эту пору, а при дальних поездках поверх парки надевали сокуй — меховую одежду глухого покроя.

Эвенкийская обувь (унты) была двух типов: со сборами от подошвы к носку и пятке и с отдельно выкроенной подошвой, пришитой внутренним швом к головке обуви. Шились унты в зависимости от сезона из ровдуги, сукна, кожи, камусов. Голенища бывали как короткие, так и длинные; первые часто носили вместе с суконными или ровдужными ноговицами.

Самым распространенным головным убором у эвенков был капор. Женский капор отличался от мужского лишь большей красочностью. Шили его из шкуры с головы оленя. Отверстия от глаз и рогов зашивали и украшали бисером, хотя иногда на такой шапке оставлялись маленькие рожки. Еще один тип головных уборов представлял собой венец из кожаного или матерчатого обода и двух перекрещивающихся на макушке полосок.

Волосы эвенки носили распущенными, а если они были ниже плеч, то связывали их пучком, обматывая полоской ровдуги или тесьмой. У многих эвенкийских групп практиковалось нанесение татуировки на лицо и руки при помощи сухожильной нитки, пропитанной разведенной сажей и вдетой в иглу, которой прошивали кожу. Такие группы в русских источниках XVII в. называли «шитолицыми».

В пищевом рационе эвенков главное место занимало мясо копытных — лося, оленя, при случае медведя. Добывали водоплавающую и боровую дичь. Летом использовали ягоды и оленьё молоко. Как правило мясо варили. Производили и его консервацию: вялили на солнце, а затем мелко растирали в порошок. Употребляли в пищу кровь, свежую и жареную, а из вареных кишок изготавливали своеобразную «колбасу». В сыром виде ели костный мозг, сердце и печень.

Рыбу ели в сыром, вареном и жареном виде. Соления рыбы эвенки не знали, а впрок ее заготавливали в виде юколы, т.е. вяленой на солнце. Из просушенной на костре рыбы делали порсу, для чего рыбу растирали и смешивали с жиром. Из ягод собирали голубику, чернику, малину и бруснику. Заготавливали дикий лук и чеснок.

С приходом русского населения значительную роль в питании эвенков стал играть хлеб, который пекли из кислого теста в золе, а также чай с добавлением оленьего молока. Широкое распространение получило табакокурение.

Социальная организация

В социальной жизни эвенков огромную роль играл род. Члены рода считались кровными родственниками и вели происхождение от одного предка. Роды были патриархальными, счет родства велся по мужской линии. Браки внутри рода были категорически запрещены. Члены одного рода обязаны были поддерживать друг друга: оказывать помощь в житейских делах, защищать от недругов, осуществлять кровную месть и т.д.

Весь эвенкийский этнос делился на множество родов, объединявшихся в некоторых случаях в племенные группировки. По материалам XVII века, на территории современного Красноярского края было известно несколько таких «племен». В бассейне Котуя это были ваяндыры, на Нижней Тунгуске — баягиры и нюрумняли, по Подкаменной Тунгуске — чапагиры и чемдаль, в Приангарье — топорки и ичериль. В каждое из этих объединений входило несколько экзогамных родов. Так, баягиры состояли из родов Баягир, Догочагир, Горагир и Елигир с подразделениями Сентеи и Чипчагир.

Племена эти довольно часто враждовали между собой. Известны войны илимпийских ваяндыров и баягиров с оленекскими адянами и синигирами, верхнеленских и нижнетунгусских шилигиров с вилюйскими нюрмаганами и верхнеангарскими чильчагирами и киндигирами. Бывали вооруженные конфликты и внутри «племен» между отдельными родами. Так в 1694 году Горагиры из племени баягир по-

терпели поражение от рода Елигир того же племени. А в 1701 году роды Момогир, Мучугир, Тугочаль и часть рода Маугир из племени шилягир напали на другую часть рода Маугир, но были разбиты и бежали «в дальние места».

Изначально каждый род владел определенной территорией, включавшей охотничьи угодья, оленьи пастбища, места для рыбной ловли, культовые места. Наиболее значимые хозяйственные и общественные дела, касающиеся всего рода, както: вопросы войны и мира, коллективной охоты, судебные тяжбы — решались на родовых собраниях, в которых участвовали взрослые мужчины — главы домохозяйств.

Летнее эвенкийское стойбище. 1931 г.

Именно такие домохозяйства, являвшиеся, по сути, отдельными семьями, и были низшими ячейками эвенкийского общества. Семьи были как неразделенные, так и индивидуальные. Неразделенные семьи называют еще братскими, так как состояли они из родных и (или) двоюродных братьев с их детьми и внуками. А индивидуальная или малая семья представляла собой только семейную пару с детьми. Братская семья могла вести обособленное хозяйство круглый год, объединяясь с другими семьями лишь на короткий срок в определен-

ные периоды, связанные или с конкретными религиозными действиями (молениями), носившими общественный характер, или с проведением больших охот, или с военной угрозой.

А малой семье для проведения работ, требующих коллективных усилий (совместного выпаса оленей, лова рыбы во время ее массового хода, проведения поколов), время от времени приходилось объединяться с другими такими же семьями. После окончания совместных работ такие семейные объединения распадались и каждая семья вновь вела обособленное хозяйство. Таким образом, и малая семья большую часть года была самодостаточным хозяйственным организмом.

Ослабление родовых связей и большая самостоятельность отдельных семей, а также прекращение кровавых междоусобиц в процессе укрепления власти Русского государства в Сибири, привели к значительным миграциям эвенкийского населения, разрушению родовых коллективов и образованию соседских общин, состоящих из представителей различных родов. Теперь уже не члены какого-либо одного рода, а члены соседской общины совместно владели охотничьими угодьями, пастбищами и рыболовными местами на территории общего проживания.

Так, например, по данным 1926–1927 годов в Комовскую территориальную группу (бассейн реки Комо, притока Подкаменной Тунгуски) входили члены кровных родов Лопоколь, Бульдагир, Кироктоль, Тонкуль, Топороколь, Тукаль, Чемдаль и Ятояль. Представители одного и того же рода стали кочевать на значительном удалении друг от друга. Например, члены рода Момоль (Момогиры XVII века) проживали в бассейне Подкаменной Тунгуски в Полигузовской, Байкитской, Бахтинско-Учамской и Чунско-Таймурской территориальных группировках. Кроме того, часть этого рода обитала далеко за пределами территории современного Красноярского края — по рекам Маме и Чуе, в междуречье Лены и Нижнего Витима.

Семейная обрядность

В традиционном эвенкийском обществе добрачные половые отношения не осуждались. Молодые люди могли встречаться, практически не скрываясь от глаз окружающих. Даже добрачная беременность не являлась препятствием для последующего выхода замуж.

Исследователи отмечают у эвенков несколько способов вступления в брак. Судя по преданиям, в древности жен захватывали на войнах, специально ведшихся с этой целью. Очень распространен был брак путем обмена девушками между двумя семьями. При таком браке не

требовалось ни калыма, ни приданого. Поэтому он пользовался большой популярностью в среде бедных эвенков. Чаще же всего при заключении брака семья жениха должна была выплатить калым семье невесты, а та в свою очередь снабдить приданым дочь. Калым выплачивался оленями и должен был превышать стоимость приданого иногда в два раза. Невеста же получала от родителей в приданое караван оленей и всё необходимое для самостоятельной жизни молодой семьи — одежду, посуду, постели и т.д.

На летних стойбищах у р. Собы притоке Подкаменная Тунгуска. 1937 г.

Инициатива сватовства исходила от родителей жениха. Как правило молодой человек еще до этого момента встречался с девушкой и уже договорился с ней. Но бывали случаи, когда родители выдавали дочь замуж против ее воли. Сватовство могло длиться довольно продолжительный срок; отец невесты должен был за это время переговорить со своей женой и другими родственниками, посоветоваться с ними. После согласия на брак стороны договаривались о размерах калыма и приданого. Иногда выплата калыма затягивалась на несколько лет. И калым, и приданое собирали все родичи жениха и невесты. Калым затем делили между всеми родственными семьями невесты.

В прошлом жених после свадьбы должен был определенный срок (до трех лет) прожить в семье тестя. Этим он как бы отработывал

часть калыма. Разводы были чрезвычайно редки. Хотя в семье господствовал муж, но положение женщины было достаточно высоким. Между супругами царили сердечные, добрые отношения.

Основным смыслом создания семьи было рождение детей. Бездетность считалась большим несчастьем. В период беременности на женщину накладывалось много ограничений, призванных уберечь и ее, и будущего ребенка, и окружающих от негативных последствий. Так, беременной запрещалось есть мясо с головы медведя — роды будут тяжелыми, мясо с шеи — во время родов случатся шейные судороги, мясо старого оленя — роды станут затяжными. Запреты касались не только питания, но и поведения. В период беременности женщина не могла трогать подвесной крюк для котла — ребенок станет дураком, наступать на нож или топор — будут рези в животе во время родов, перешагивать через веревки — ребенок запутается в пуповине и т.д. Неправильное поведение могло вызвать неудачи в промысле отца семейства либо какое-то уродство или изъяны у новорожденного.

Роды проходили не в жилом чуме, а в специально построенных для этой цели чуме, палатке или пологе. Рожали стоя на коленях, опираясь подмышками на перекладину. Помогала роженице пожилая опытная женщина — повитуха. После родов молодая мать оставалась в родильном шалаше еще несколько дней. После окончания затворничества вещи и одежду роженицы оставляли в глухих местах тайги, на лабазе.

Дети пользовались абсолютной любовью со стороны своих родителей, хотя внешне те старались ее никак не проявлять. Разговаривали с детьми в ровном, спокойном тоне. Бить детей считалось недопустимым. Уже с трех-четырёх лет дети начинали помогать по хозяйству. Мальчики начинали осваивать охотничий промысел с шести-семи лет, а в одиннадцать-двенадцать лет получали первое ружье. Девочки начинали шить и вышивать лет с семи.

Эвенки считали, что болезни и смерть человека происходили от происков злых духов. Поэтому в погребальном обряде активную роль играл шаман — защитник рода. Сразу после смерти родственники умершего ставили новый чум, оставляя покойного в старом. Одежду, в которую обряжали труп, надрезали в нескольких местах. Большую часть сопроводительного инвентаря, охотничьи принадлежности — для мужчин и предметы рукоделия — для женщин, также портили. Умерших зашивали в оленьи шкуры и подвешивали к сучьям деревьев или укладывали на помост. В некоторых случаях труп предварительно помещали в выдолбленную колоду. Рядом с захоронением, на соседнем дереве, помещали

личные вещи умершего — одежду, лук со стрелами, пальму, топор, котел и т.д.

У места погребения убивали верхового оленя, на котором ездил покойный, и оставляли его у могилы. Позднее мясо этого оленя стали съедать, а голову его вешать на дерево. После похорон возвращались в стойбище, ступая след в след и не оборачиваясь назад. Чум, в котором находился умерший, сжигали, а стойбище переносили на новое место.

У некоторых эвенкийских групп после похорон проводился обряд проводов души покойного, который мог продолжаться несколько дней. Главную роль в этом обряде играл шаман. Камлая, он должен был доставить душу умершего человека в нижний мир, в царство мертвых, и оставить ее там.

С принятием христианства у всех эвенков распространился обычай погребения в земле, а старый обряд воздушного захоронения продолжал сохраняться лишь при погребении шаманов. И то лишь в том случае, если они сами высказали такое пожелание перед смертью. На могиле шамана оставляли его культовое облачение и шаманские принадлежности.

Мировоззрение и культы

Представления эвенков о вселенной в общих чертах были довольно близки представлениям о ней у соседних народов. Они также делили вселенную на три мира — верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный). Также населяли верхний мир благожелательными к людям духами и богами, а нижний — злыми силами и располагали там мир мертвых. Так же, как и у некоторых других народов Средней Сибири, у эвенков наряду с представлением о вертикальном членении вселенной имелось видение и горизонтальной его структуры. Что верхний мир находится на юге — юго-востоке — юго-западе, т.е. в южной стороне, а нижний — на севере — северо-западе — северо-востоке, соответственно в северной стороне, и соединяются они между собой мифической рекой Энгдекит. Входом в верхний мир считалась Полярная звезда, а в нижний — расщелины, пещеры, водовороты на реках.

Но в мировоззрении эвенков были и значительные отличия от представлений их соседей. Так, река Энгдекит имела много притоков, каждый из которых являлся собственной рекой шаманов конкретного эвенкийского рода. Истоками их были водовороты. По этим рекам шаманы проникали в нижний мир во время камланий, а также достав-

ляли по ним души умерших сородичей в миры мертвых своего рода, которые располагались на Энгдеките ниже устья каждой шаманской реки. Интересно также представление о мире душ нерожденных людей, находящемся у подножия верхнего мира, и о находящемся чуть ниже него в виде большого ягельного пастбища мире душ нерожденных оленей. Творец посылал их на землю, где они попадали в тело женщин и давали жизнь новому человеку.

Представления эвенков о сотворении земли также имели аналогии в мифологиях угорских, самодийских и енисейскоязычных народов. Творцом земли представлялась гагара, посланная с этой целью на дно океана духом-хозяином верхнего мира. Из кусочка земли, который ей удалось достать со дна, и выросла наша земля.

Владыками верхнего и нижнего миров являются два брата: верхнего — младший, добрый (Сэвэки или Маин), и нижнего — старший, злой (Харги). В среднем мире они создали разных животных, причем, младший брат создавал полезных для человека, а старший — вредных. Человек также является созданием младшего брата. Средний мир населяли еще и духи-хозяева явлений природы, животных, гор, рек, тайги и т.д.

Некоторые животные и птицы пользовались почитанием со стороны эвенков. Особенно это касалось медведя, считавшегося братом человека. Также особое отношение существовало к ворону (помощнику творца), к волку (посреднику между творцом и людьми), к журавлю и тайменю (одним из главных помощников шамана).

Все живые существа имели душу оми (жизнь-душу), а способные двигаться явления природы (ветер, дождь, тучи, реки и т.д.) — мусун (силу движения). После смерти человека шаман доставлял его душу-тело в мир душ умерших людей, а оми уходила в мир нерожденных душ людей.

Сохранялись у эвенков и пережитки многих других культов, характерных для ранних стадий развития человеческого общества. Среди них следует назвать культ огня, культ хозяев природы, культ промысловых животных, особенно почитание медведя, оленя и лося, и связанные с этим почитанием обряды, направленные на воскрешение убитого зверя.

Главной обязанностью эвенкийских шаманов была охрана душ своих сородичей от злых духов или духов-помощников шаманов чужих родов. Потеря человеком своей души приводила к его болезни и последующей смерти. Чтобы этого не случилось, шаман проводил сеанс лечения, который заключался в поисках потерянной души и ее водворении в тело заболевшего человека. Такие камлания могли

Шаман Хоролькон

продолжаться по несколько дней. Сначала шаман при помощи своих духов-помощников должен был узнать, где находится пропавшая душа и как ее можно вернуть из рук похитившего ее злого духа. Затем он отправлялся к злому духу похитителю и пытался договориться с ним о выкупе души больного, при этом он старался обмануть противника. В некоторых случаях, если злой дух оказывался несговорчивым, шаману приходилось даже вступать с ним в битву. Вернувшись, шаман проводил обряд очищения больного, духа болезни закрывал в недоступном месте и водворял возвращенную душу в человека.

Еще одной важной обязанностью шаманов была доставка душ умерших родовичей в мир мертвых. При этом он должен был предотвращать попытки похищения душой покойного душ живых его родственников. Занимались шаманы также гаданиями и предсказаниями.

Эвенкийскому шаманизму было известно строительство специальных сооружений для проведения некоторых обрядов. Наиболее известным среди них является так называемый «шаманский чум». При его устройстве, кроме самого чума, строились по сторонам от него еще две галереи из бревен, вырезанных в виде оленей и рыб. Вокруг чума и галерей устанавливались шесты с насаженными на их верхушки изображениями различных птиц — аистов, кобчиков, чаек, а также антропоморфные изображения стражей чума и предков шамана. Различными изображениями наполнялась также и внутренняя часть шаманского чума.

Скульптурные фигуры изготавливались и при проведении обряда икэнипкэ, призванного обеспечить рост необходимых для эвенков жизненных ресурсов — поголовья оленей. Большая часть изображений олицетворяла духов-помощников шамана и представляла собой человекообразные фигуры, а также скульптурки птиц, рыб и животных.

Все шаманские камлания сопровождалось кровавыми жертвами. Жертвы добрым духам приносились в качестве благодарности, а от злых старались ими откупиться.

Духовная культура

Среди жанров эвенкийского фольклора выделяются мифы, объясняющие происхождение вселенной, земли, человека, отдельных объектов природы, сказки, героические сказания, родовые предания, легенды. Широкое распространение имели песни-импровизации, сочинявшиеся по любому поводу, загадки и поговорки. Особый жанр представляли шаманские песни и мифы, описывающие потусторонние миры и их обитателей, рассказывающие о первых шаманах, о борьбе между собой шаманов из разных родов. Наибольшей популярностью пользовались героические сказания. Рассказывали их или старики, хранители родовой памяти, или шаманы. Прямая речь героев сказаний не проговаривалась, а пелась, причем каждый из них имел свои слова запева и свою мелодию.

Одним из любимых развлечений эвенков были танцы. Они устраивались везде, где собиралось достаточное количество людей. Танцы как правило были коллективными, особенной популярностью поль-

зовался хоровод ёхорье, в котором танцоры подражали движениям оленя. Танцевали его все от подростков до стариков, причем продолжительность ёхорье могла достигать шести и более часов. Танец проходил под ритм слов песни запевалы, которые подхватывали все танцующие.

Из музыкальных инструментов эвенкам были известны шаманский бубен, деревянный и металлический варганы. Некоторые группы эвенков играли еще на высушенном птичьим горлышке, дую в него, и на луке с туго натянутой тетивой.

Танец ёхорье. Фактория Ванавара. 1932 г.

По сравнению с одеждой других народов Сибири, эвенкийская по праву считается одной из самых красочных по элегантности и степени отделки. Кафтаны, нагрудники, головные уборы, обувь, ноговицы, рукавицы богато расшивались разноцветным бисером, украшались ровдужной и меховой бахромой, оловянными подвесками, швами с подложенным под него белым подшейным оленьим волосом, придававшим им жесткость. Использовали эвенкийские мастерицы и окраску всей одежды или ее деталей отваром ольховой коры (для придания ей красного цвета).

Бисером, крупными бусинами (корольками), ровдужными жгутами, вставками из полос белого и темного меха украшались также переметные сумы (потакуи), кисеты, женские коробки, сумки и сумочки, кожаную оленью упряжь, футляры для наперстков и иголок и многое другое. Берестяные изделия орнаментировали тиснением, украшали накладками трафарета, красили.

Мужчины занимались резьбой по кости, рогу и дереву, выделявали деревянные фигуры как правило культового характера, занимались литьем поделок из олова и свинца, выковывали железные подвески для шаманских костюмов.

Из костяных поделок украшали пистонницы, мерки для пороха, луки оленьих седел, нащечные и налобные пластины оленьей сбруи и т.д. Из олова и свинца лили украшения, нашиваемые на нагрудники и подол женского кафтана. Некоторые эвенкийские кузнецы умели инкрустировать медными сплавами рукоятки ножей, наконечники копий и палм, курительные трубки, железные подвески к шаманским костюмам и бубнам.

Литература:

Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих. М.: Издательство АН СССР, 1960. – 622 с.

Василевич, Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) / Г. М. Василевич. Л.: «Наука», 1969. – 304 с.

Туголуков, В. А. Эвенки и эвены / В. А. Туголуков // Семейная общность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: «Наука», 1980. С. 54–56; 165–166.

Туголуков, В. А. Эвенки / В. А. Туголуков // Этническая история народов Севера. М.: «Наука», 1982. С. 129–154.

Туров, М. Г. К проблеме реконструкции модели хозяйства групп эвенков таежной зоны Средней Сибири (XVII – начало XX вв.) / М. Г. Туров // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск, 1982. С. 133–139.

Туголуков, В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков. М., 1985. – 284 с.

Туров, М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX вв. / М. Г. Туров. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. – 174 с.

Эвенки бассейна Енисея. Новосибирск, 1992.

Горохов, С. Н. Эвенки / С. Н. Горохов // Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 416–419.

Кривоногов, В. П. Западные эвенки на рубеже тысячелетий /
В. П. Кривоногов. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 107 с.

СЕЛЬКУПЫ

Общие сведения

Территориально и историко-этнографически селькупский этнос разделяется на две обособленные группы: нарымских, проживающих на Средней Оби и по ее притокам Тыму, Кети, Чулыму, Васюгану, Парабели, Чае и Шегарке на территории Томской области, и тазовско-туруханских, расселенных в бассейне верхнего и среднего течения реки Таз, на юго-востоке Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области и в бассейне реки Турухан на территории Туруханского района Красноярского края. К настоящему времени селькупское население полностью исчезло на Чулыме, Васюгане, Чае и Шегарке, будучи поглощенным окружающим русским или тюркским этносами.

На западе соседями селькупов были ханты и лесные ненцы, на севере — тундровые ненцы и энцы, на востоке — кеты и эвенки. На юге в прошлом соседями селькупов были различные тюркоязычные группы — томские и сибирские татары, чулымские турки, а сейчас в основном русскоговорящее население.

Перепись 2002 года зафиксировала 4249 человек, назвавших себя селькупам, в то время как за двенадцать лет до того, в 1989 году, насчитывалось только 3612 селькупов. Такой значительный рост селькупского народа связан не с естественным его приростом, а с экономическим положением. Существование различных социальных льгот для малочисленных народов Севера вынуждает родителей в смешанных семьях менять национальность своих детей, невзирая на то, что и их дети, и они сами давно утратили всякую связь с языком и культурой своих предков. К примеру, на территории Томской области из селькупов лишь люди старше шестидесяти лет знают свой родной язык. К настоящему времени в Томской области проживает более 1700 селькупов, в Ямало-Ненецком автономном округе около 2000. В Туруханском районе Красноярского края селькупы компактно живут в поселке Фарково, где их численность превышает 400 человек.

Селькупский язык относится к южной ветви самодийской группы уральской языковой семьи. В прошлом в эту же ветвь входили языки Саянских самодийцев — камасинцев, карагасов, моторов, койбалов и некоторых других, полностью исчезнувших к середине XX века. В диалектном отношении селькупский язык подразделяется на

шесть диалектов, довольно существенно различающихся между собой. Это северный (Таз и Турухан), тымский, нарымский, кетский, обский и чулымский диалекты.

Ужин. Верхняя Кеть. Рисунок А. Г. Варгина.

С наличием диалектного разнообразия связано и отсутствие практически до последнего времени общего самоназвания у селькупов. Так, обитатели Тыма называли себя чумьлькуп, население с реки Кеть — сюссекум, жители Оби выше Нарыма — шешкум, васюганские — массун-кула, чулымские — тьюкум. Самоназвание в форме селькуп («таежные люди») было характерно только для населения с Таза и Турухана. В таком разнообразии самоназваний отражается разделение в прошлом селькупов на отдельные самостоятельные племена. В дореволюционной литературе и в повседневном быту русское население именovalo всех селькупов остяками (нарымских) или остяко-самоедами (северных). Существовали и такие термины, как остяко-самоеды баишенские, тымско-караконские, остяки натско-пумпокольские. Термин «селькуп» для всех селькупоговорящих групп был введен в научную литературу и повседневное обще-

ние только в 1930-е годы. Однако нарымские селькупы не признавали его почти до середины 1980-х годов.

Этногенез и этническая история

Сложение селькупской этнической общности происходило за пределами современных границ Красноярского края. По мнению большинства специалистов-археологов, формирование селькупского этноса началось на территории Среднего Приобья в рамках кулайской этнокультурной общности (V в. до н.э. – V в. н.э.). Население кулайской культуры распространилось очень широко, от Нижнего Приобья на севере до предгорьев Алтая на юге. В таежной зоне основными занятиями кулайского населения были рыболовство и мясная охота, а в лесостепной полосе — разведение крупного рогатого скота и лошадей. Высокого мастерства достигло у кулайцев бронзолитейное производство и изготовление гончарных изделий.

На основе кулайской культуры в раннее средневековье сложилась рёлкинская культура (VI–IX вв. н.э.). Рёлкинцы более широко, чем кулайцы, освоили производящие формы хозяйства: разведение крупного рогатого скота и коневодство. Возможно, им было известно и мотыжное земледелие. Сохранялось бронзолитейное производство, но наибольшее развитие получила металлургия железа. Именно на время существования рёлкинской культуры и приходится складывание древнеселькупской общности.

Памятники XIV–XVII веков в Томском Приобье уже ничем не отличаются от известных нам позднее селькупских материалов. Таким образом, можно говорить, что селькупская культура в своих основных чертах полностью сформировалась к XIV веку.

В эпоху позднего средневековья селькупы испытывали давление со стороны своих западных и южных соседей — хантов и татар. Это вынуждало их объединяться, создавая свои «княжества», способные дать отпор агрессивным устремлениям хантыйских «князьцов» и татарских ханов. Первые казачьи отряды, проникшие в Среднее Приобье, застали там крупное по сибирским масштабам военно-потестарное объединение, т.е. общество, власть в котором принадлежала военной верхушке. В русских письменных источниках оно стало известно под названием «Пегая орда». Во главе этого объединения стоял князец Воня, активно сопротивлявшийся продвижению русских отрядов на восток. Но в 1598 году Воня был разгромлен, а Пегая орда включена в состав Русского государства и разделена на отдельные ясачные волости.

По данным 1620-х годов общая численность селькупов, проживавших на территории 29 ясачных волостей, входивших в состав четырех западносибирских уездов (Сургутский, Нарымский, Кетский и Томский), достигала 2700 человек.

На стойбище баишенских селькупов. 1920-е гг.

Тяжесть налогового гнета, эпидемии, злоупотребления служилых людей и оскудение пушных запасов в Среднем Приобье приводили к бегству ясачного населения за пределы своей этнической территории. Так, с 1630-х годов часть селькупов Тымской и Караконской волостей Сургутского уезда стала селиться в Мангазейском (Туруханском) уезде, в верховьях Таза и на Турухане. Это привело к военным столкновениям селькупов с коренными насельниками этих мест, энцами. На протяжении XVII–XVIII веков энцы были вытеснены на север, а большую часть их земель заняли селькупы и кеты.

Освоение селькупам северной тайги и лесотундровых районов, непохожих по климатическим и экологическим параметрам на прежние места их проживания, привело к некоторой переориентации хозяйства северных селькупов. Более значимую роль стала играть добыча копытного зверя и водоплавающей дичи. Но самым главным новшеством стало заимствование селькупам от энцев и ненцев домашнего оленеводства.

В XIX веке фактическое проживание селькупов на территории Туруханского края Енисейской губернии было закреплено и юридически. Созданы три административных рода или волости: Тымско-Караконский (верховья Таза), Баишенский (притоки Турухана) и Карасинский (правобережье Енисея между Туруханском и Карасинским станком). Последний род позднее полностью слился с кетами.

Еще одним направлением миграций селькупов было освоение ими верховьев реки Кеть. Проживавшее здесь до них местное население относилось к народам енисейской языковой семьи и было близко современным кетам. Административно оно образовывало Натско-Пумпокольскую ясачную волость.

Во второй половине XVIII века селькупы полностью сменили на этой территории своих предшественников. Часть их селькупы ассимилировали, а часть отошла на север, в бассейн реки Сым. За новым населением было сохранено старое название ясачной волости, и верхнекетских селькупов стали именовать натско-пумпокольскими осятками. Так как природные условия Верхней Кети практически не отличались от таковых на прежней территории проживания нового населения, то оно, в отличие от северных селькупов, в основном сохранило традиционный образ жизни своих предков.

В результате переделов административных границ Енисейской губернии в 1930-х годах на территории современного Красноярского края осталось лишь две группировки селькупского этноса — баишенская и верхнекетская. Поэтому при дальнейшем нашем изложении мы будем опираться лишь на описание традиционной культуры именно этих селькупских группировок.

Судя по материалам переписи 1897 г., баишенских селькупов насчитывалось 254 человека, сколько в это время было селькупов на Верхней Кети, неизвестно. Приполярная перепись 1926–1927 гг. выявила значительный рост численности баишенских осятков. Их было зарегистрировано 440 человек, принадлежащих к трем фамилиям или родовым группам Лимбыль-тамдыр (Кусамины), Казыль-тамдыр и Сэнгкыль-тамдыр (Тетерины). На Верхней Кети в пределах Енисейского уезда проживало 70 селькупов: Сутаревы (род Сэнгкыль-тамдыр), Мунгаловы (Казыль-тамдыр) и Белозеровы (Путчуль-тамдыр). Как было сказано выше, по переписи 2002 г. на севере Туруханского района обитает около 400 селькупов, а вот верхнекетская группировка селькупов Красноярского края к настоящему времени практически полностью исчезла, растворившись среди окружающего русского населения.

Хозяйство

Хозяйственный облик селькупской культуры определялся окружающей их природной средой — таежной зоной с разветвленной озерно-речной системой. Поэтому в основе хозяйства селькупов лежали рыболовство, охота и собирательство.

Баишенские селькупы добывали рыбу в основном ценных сигающих пород (сиг, муксун, чир) круглый год. Наиболее распространенным способом ее добычи в традиционной селькупской культуре был лов при помощи запоров. Для этой цели перегораживали небольшую речку, старицу или протоку забором из кольев, переплетенных кедровым корнем. В отверстия, оставленные в этом заборе, устанавливали специальные ловушки — морды. Известен был селькупам и котцовый способ добычи рыбы. Котцы в отличие от запоров представляли собой переносную решетку из тонких узких дощечек. Перегораживая котцами речку, в одном месте их выгибали в виде мешка. Рыбу, попавшую в эту ловушку, оставалось только вычерпывать саком. Уловы с таких ловушек могли достигать нескольких тонн за сезон. Использовали запоры и котцы как летом, так и зимой.

Неводно-сетевой лов рыбы вначале уступал по распространенности лову ловушками, но теперь является преобладающим. Добычу рыбы сетями, ставными и наплавными, начинали сразу же после окончания ледохода. Плели их из волокон крапивы, поплавок делали из сухой древесины хвойных пород, а грузилами служили камни, привязанные к кольцам из гибких ветвей. Ставные сети устанавливали на одном месте, привязав их концы к кольям, воткнутым в дно водоема. А наплавные сети пускали по течению реки, прикрепив один их конец к большому деревянному поплавку, а другой — к лодке.

Где-то с середины XIX века с развитием товарного рыбопромысла у селькупов появляются невода, заимствованные ими от русского населения. Но в отличие от русских неводов, достигавших 200–300 метров в длину, невода селькупов редко превышали по длине 40 метров. Лов неводами начинали после спада половодья, когда обнажались прибрежные пески.

В августе-сентябре, с наступлением темных осенних ночей, крупную рыбу добывали лучением. Для этого на носу лодки закрепляли берестяной факел и плыли на ней вдоль берега. Высветленную факелом рыбу били двух- или трехзубой острогой, насаженной на длинное древко. За один выход можно было набить целую лодку рыбы.

Рыболовство верхнекетских селькупов не имело принципиальных отличий от рыболовства баишенских, за исключением того факта,

что, вместо сиговых, они добывали в основном так называемую «сорную рыбу» — ельца, окуня, щуку, чебака и т.д.

Основными объектами мясной охоты селькупов были лось на юге и дикий северный олень на севере. Кроме того, время от времени добывали медведя. Весной, во время перелетов промышляли гусей и уток, а осенью — боровую дичь: глухарей, рябчиков, тетеревов. Наиболее интенсивное время охоты на копытных приходилось на конец зимы и весну. Животных гнали по насту, бывало, на протяжении нескольких дней и, загнав, убивали. Ставили на них луки-самострелы и петли, рыли ловчие ямы.

Медведя зимой добывали на берлоге, а в остальное время били его пальмой. Боровую дичь ловили преимущественно при помощи различных ловушек опадного типа (слопцов, кулемок) и петель.

Охота на пушных зверей имеет давние традиции в селькупском обществе. Еще с начала II тыс. н.э. регион расселения селькупов становится одним из основных поставщиков пушнины на рынки Средней Азии. Поэтому к приходу русских они имели давно устоявшиеся способы и график промысла пушных зверей. На свои охотничьи угодья, расположенные по какой-нибудь глухой таежной речке, охотники вместе со своими семьями выдвигались поздней осенью еще по открытой воде. Там обустривались, готовили охотничье снаряжение, подправляли ловушки. Промысел начинали только после окончания осенней линьки животных и продолжали до наступления весны.

До конца XVII века главным объектом охоты на пушных был соболь. Промысел его велся при помощи различных ловушек: кляпцов, кулемок, плашек, обметных сетей и с собакой. Так как ясачное обложение селькупов было чрезвычайно высоким (до 9–11 собольих шкурок с человека), то к началу XVIII века в результате перепромысла соболь почти повсеместно был выбит. Селькупы были вынуждены перейти к охоте на белку. Добывали ее при помощи ловушек — плашек, с собакой по мелкому снегу или по следам — по глубокому.

Попутно промышляли лисицу, выдру, росомуху, песца. На севере в зимнее время ловили петлями зайцев. Их мясо шло в пищу, а шкурками утепляли одежду и шили из них теплые одеяла для охотников и маленьких детей.

Главным оружием промысла, кроме разнообразных ловушек, был лук, который, несмотря на довольно широкое распространение огнестрельного оружия, не терял своей значимости вплоть до середины XX века. Селькупские луки, благодаря своим техническим данным, получили широкое распространение на всем енисейском Севере. Со-

стояли они из двух склеенных между собой деревянных пластин. На внешнюю пластину шла древесина кедра, а на внутреннюю — березы; концы лука делали из черемухи. Тетиву сплетали из крапивного волокна, предварительно просмоленного, или из оленьих сухожилий. Предохраняя запястье от ударов тетивы при стрельбе, укрепляли на нем костяную или кожаную выгнутую накладку.

Сборы в путь. 1930-е гг.

Селькупские стрелы по виду своих наконечников подразделялись на несколько типов, в зависимости от их назначения. Были стрелы для охоты на боровую и водоплавающую дичь, для промысла пушных зверей, для добычи копытных и медведя. Одни стрелы должны были оглушить жертву, другие — сломать ей кость, третьи — перерезать сухожилия.

На промысле охотник, кроме оружия, имел при себе понягу — заплечную прямоугольную деревянную рамку, к которой крепился мешок с припасами, котелок и топор. На поясе висел нож.

Оленеводство получило распространение у баишенских селькупов с XVII века, с момента освоения ими территорий их современного проживания. Верхнекетские селькупы оленеводством не занимались,

хотя по соседству с ними жили оленеводы эвенки. Северные селькупы восприняли домашнее оленеводство, скорее всего, от своих предшественников — энцев. Вступая в военные столкновения с ними, они в числе другой добычи захватывали и домашних оленей своих противников. Поэтому селькупское оленеводство несет на себе отчетливые следы оленеводства именно самодийского типа, хотя заметно и влияние эвенкийской оленеводческой традиции.

Домашние олени в хозяйстве северных селькупов играли роль, подчиненную основным сферам их деятельности — рыболовству и охоте. Поэтому уход за ними был минимален. Так, в середине лета, в «месяце комара», селькупы устраивали для защиты оленей от гнуса загоны с дымокурами, а на остальное время, вплоть до осени, вообще отпускали их в тайгу на вольный выпас, посвящая все свободное время ловле рыбы.

Из ягод селькупы, точнее селькупки (так как мужчины пренебрегали этим занятием) собирали бруснику, клюкву, смородину, малину. Бруснику и клюкву замораживали, а смородину и черемуху сушили. Из других видов собирательской деятельности можно отметить сбор корней сараны и кедрового ореха, который собирался, кроме личного потребления, и для продажи или обменных операций.

Материальная культура

Жилища и северных, и южных селькупов в зависимости от сезона года подразделялись на переносные и стационарные. Для баишенской группировки селькупов в качестве основного жилища служил переносной чум. Каркас чума образовывали длинные тонкие шесты общим количеством не более тридцати штук. Сверху его покрывали берестяными нюками летом и оленьими шкурами зимой. Верхнекетские селькупы использовали чум в качестве жилища только летом, поэтому покрывка из шкур была им неизвестна.

В качестве временного жилища, буквально на несколько дней селькупы устанавливали кумар — жилище полуцилиндрической формы в виде каркаса из тальниковых ветвей, покрытое берестяными нюками.

Стационарные селькупские жилища представляли собой полуземлянки, углубленные в землю на 30–40 сантиметров. Над ямой устанавливали каркас усеченно-пирамидальной или каркасно-срубной формы, покрывали его берестой и засыпали грунтом толщиной до 35 сантиметров.

Северные селькупы, в том числе и баишенские, летний сезон хозяйственного года (май-октябрь) проводили на летних стойбищах,

а зимой (октябрь-март) обосновывались на стационарах, в постоянных жилищах или в тех же чумах, только зимних. Количество жилищ на таких стойбищах не превышало пяти.

В отличие от них селькупы с верховьев реки Кеть на протяжении всего года имели постоянные поселения — так называемые «юрты». Известны юрты Налимкины, Половинкины, Марковы, Ивашкины, Глазковы; в некоторых из них проживало более десятка семей. Кроме них, местные селькупы в силу хозяйственных надобностей в определенные сезоны года (зимой во время охоты или в весенне-осенний период ловли рыбы) основывали и временные поселения-стойбища на Вешнем и Безымянном Ярах, на речке Березовой и т.д.

Каркас временного жилья. Село Маковское. 1914 г.

Очаг в виде костра располагался в центре чума. В срубных жилищах устраивали чувал — открытую печь-камин из жердей, обмазанных глиной. Располагался он в левом или правом углу от входа.

Наиболее распространенным транспортным средством селькупов, особенно южных их групп, были деревянные лодки-долбенки (обласок на Кети и ветка на Турухане). Для таких лодок предпочитали использовать древесину осины, кедра или сосны. И нос, и корма

у них были заострены, киль отсутствовал. Весла однолопастные, с заостренным нижним краем. Известны и двухлопастные весла.

В зимний период средством передвижения служили лыжи. У селькупов бытовали и лыжи-голицы, и лыжи, подбитые камусом. На голицах ходили на недалекие расстояния, а камусные лыжи использовали охотники на промыслах. Делали лыжи из кедра или ели, камусы были лосиные и оленьи. У каждого лыжника был при себе лыжный посох с костяной лопаткой-крюком на верхнем конце.

Селькупы с верховьев Кети на охотничьем промысле для перевозки грузов применяли ручную нарту. Она была гораздо уже и ниже оленьих нарт и стояла на более широких полозьях. Человек тащил ее на себе, впрягаясь в лямку. Иногда в такую нарту подпрягали собаку.

Северные селькупы, заимствовав домашних оленей у своих тундровых и лесотундровых соседей, переняли от них и основные оленеводческие традиции. Селькупские нарты по своим характеристикам и назначению делились на легковые мужские, женские и грузовые. Последние предназначались для перевозки разных видов груза — продуктов, домашней утвари и одежды, шестов чума, лодок, и по внешнему виду и конструктивным особенностям отличались друг от друга. Управление упряжкой осуществлялось при помощи хорее (держится в левой руке) и вожжи (в правой руке). Посадка в нарты производится с левой стороны. При перекочевках первой в аргише обычно шла нарта хозяйки чума.

Одежду шили из оленьих шкур, заячьего и беличьего меха. У оленьих шкур, идущих на одежду, подстригали ворс, также выделявали из них ровдугу — тонкую кожу. С появлением русских у селькупов стала распространяться одежда из тканей и шерсти.

Верхней плечевой одеждой была распашная парка из оленьей шкуры мехом наружу. При зимних переездах поверх парки надевали одежду глухого покроя — совик или малицу. О плечевой нижней одежде селькупов в прошлом практически ничего не известно. Со второй половины XIX века в их среде получает широкое распространение русская одежда: рубахи, штаны, куртки у мужчин; платья, юбки и кофты у женщин.

На ногах селькупы носили кожаные чирки, состоящие из головки с пришитым к ней голенищем из кожи, камусов или сукна. Северным селькупам обувью служили унты из оленьей шкуры с длинными голенищами. Такая обувь была ими заимствована у соседей.

Головной убор был типа капора. Изготавливали его из меха оленя, белки или песца. Использовали для этой цели и птичьи шкурки. Но

к XX веку под влиянием русского населения повседневным головным убором селькупов, и мужчин, и женщин, стал обычный платок.

Женщины любили украшать себя кольцами, серьгами, бусами. Существовали накосники, расшитые бисером, с металлическими подвесками в виде колец и пронизок.

Основу пищевого рациона селькупов на протяжении всего года составляла рыба. Сырой ее ели сразу во время лова, затем варили, жарили на рожнах-прутьях. Впрок, на зиму, сушили и вялили. Сушеную рыбу толкли в порошок, который затем варили или ели вприкуску с чаем. От русских селькупы восприняли соленье рыбы. Зимой ели мороженую рыбу, особенно любили нарезанную тонкими пластиками стерлядь. Употребляли в пищу рыбы печень, икру и молоки. Из потрохов вываривали рыбий жир. В прошлом часть рыбы квасили. Для этого ее укладывали в земляные ямы, пересыпали клюквой, брусникой или морошкой, а сверху засыпали грунтом.

С осени значительное место в питании у селькупов занимало мясо боровой дичи и лося. Птичье мясо варили и заготавливали впрок в слегка подсоленном виде.

Лосятину варили, а зимой потребляли, кроме того, в сыром подмороженном виде. Лосиное мясо и вялили (отмачивали в рассоле и подвешивали на перекладины). Употребляли в пищу также мясо зайцев и белок; северные селькупы мясо лося заменяли олениной.

Собранную ягоду — клюкву, бруснику, морошку, шиповник, чернику — в сушеном виде добавляли в чай.

От русских были заимствованы такие продукты, как хлеб, чай, соль и табак.

Социальная организация

До включения селькупов в состав Русского государства важную роль в их социальной организации играли родовые отношения. Каждое из известных в то время селькупских племен состояло из нескольких родов, находившихся между собой в брачных отношениях и занимавших определенную территорию. На протяжении XVII–XIX веков в результате миграций южных селькупов в бассейн реки Таз и на соседние земли сформировались северные селькупы. В их сложение определенный вклад внесли также кеты, ханты и энцы, усвоившие со временем селькупский язык и полностью вошедшие в селькупскую социальную структуру.

По данным 1926 года, баишенские селькупы состояли из родов Лимбыль-тамдыр («орла народ»), Казыль-тамдыр («кедровки народ»)

Баишенские селькупки. 1927 г.

и Сэнгкыль-тамдыр («глухаря народ»). Верхнекетская группировка селькупов включала в свой состав роды Сенгкыль-тамдыр, Казыль-тамдыр и Путчуль-тамдыр («бобра народ»). В каждый род входило несколько фамилий, названия которых происходили от имен их основателей.

Однако уже в XVIII веке на смену родовым отношениям пришли территориально-соседские, основой общества стала семейная община. Вначале это была братская семья, состоящая из родных и двоюродных братьев с их женами и детьми. Возглавляли такую общину старшие мужчины. Определенного главы в ней не было. Руководство

каким-либо промыслом возглавлял тот из братьев, который считался лучшим специалистом в данной области. Имущество такой семьи, средства производства и орудия труда находились в общей собственности. Заготовка продуктов и их потребление проводились сообща. Численность братской семьи могла достигать 20–30 человек, что позволяло ей быть самостоятельной хозяйственной единицей, легко решать экономические проблемы.

Во второй половине XIX века на смену братской семье пришли малые семьи, состоящие только из семейной пары и их детей. Количество членов такой семьи редко превышало пять-шесть человек. Решать хозяйственные задачи таким малым числом рабочих рук в тех условиях было нереально, поэтому несколько малых семей были вынуждены объединяться. Такие объединения происходили как на родственной основе, например, семьи родных и двоюродных братьев, так и из неродственных семей, волей случая оказавшихся соседями.

В возникших таким образом соседских общинах основная производственная деятельность осуществлялась силами всего коллектива. Вместе строили зимние землянки, причем, в одной землянке могли жить сразу несколько семей. Вместе ловили рыбу и сообща потребляли ее. Вместе передвигались на места зимнего промысла, объединяя для этой цели личных оленей каждой семьи в один аргиш. Совместных усилий сразу нескольких семей требовал также выпас оленей в летнее время, когда основная масса людей была занята ловом рыбы и охотой на линную водоплавающую птицу.

В то же время каждая семья в соседской общине вела и индивидуальное хозяйство: самостоятельно вела промысел пушных зверей, шкурки которых шли в уплату ясака и обменивались на необходимые товары у купцов; заготавливала рыбные продукты на зиму — порсу и юколу; единолично потребляла покупные продукты и отдельно питалась. В семейной собственности находились домашние олени и переносные жилища — чумы.

Семейная обрядность

В добрачной жизни селькупские девушки пользовались относительной свободой, но до известных пределов. Им разрешалось общаться с людьми противоположного пола, шутить с ними, заигрывать, гулять вечерами. Но потеря девственности до свадьбы или внебрачная беременность считались большим позором и для девушки, и для всей ее семьи.

Мальчик, стреляющий из лука стрелой томар. Фарково. 1927 г.

К моменту вступления в брак, то есть к 16–17 годам, девушка должна была уметь выделывать шкуры, шить одежду, собирать ягоду, нянчить детей, заготавливать рыбу и т.д. От юноши требовалось умение добыть пропитание для семьи и мастерство в изготовлении орудий промысла и домашней утвари. При выборе невесты отец жениха советовался только со своей женой, мнения сына родители не спрашивали.

Сваты относили в жилище родителей невесты медный котел, наполненный подарками. Если подарки не устраивали отца невесты (а принимать их с первого раза считалось неприличным), то их отно-

сили назад. Жених дополнял котел и его вновь относили назад. Такое сватовство могло продолжаться несколько дней. После того, как котел был принят, договаривались о размере калыма, который не должен был превышать возможности семьи жениха. Калым как правило намного превышал размер приданого.

В начале свадебное торжество проводилось в жилище родителей невесты. Туда приезжали родственники жениха с ним самим и гости. Молодых усаживали на самом почетном месте, у задней стенки, за очагом. Гости насыщались пищей, пили спиртные напитки, пели песни и играли на музыкальных инструментах. Молодежь веселилась в танцах и играх возле чума.

После окончания торжества жених увозил невесту на стойбище своих родителей. Там вновь устраивалось угощение и все повторялось: еда, питье, песни, игры, танцы. Свадьба могла продолжаться до семи дней.

Рожали селькупские женщины в специально поставленном для них чуме. Роды принимала повивальная бабка. Она же готовила и еду во время проживания там роженицы. Молодая мать только на пятый день возвращалась в семейное жилище, где над ней проводили обряд очищения.

Первые три-четыре месяца новорожденного держали в берестяной колыбели, а затем в лежащей деревянной. Когда ребенок начинал сидеть, его помещали в сидячую колыбель, но на ночь укладывали в лежачую.

Подрастая, мальчики копировали производственную деятельность отца, а девочки — матери. Так незаметно, в процессе игры происходила социализация нового поколения.

Умерший человек два-три дня оставался в жилище. Во время приема пищи членами семьи перед ним также ставили еду, угощая его табаком или водкой, бросали их в огонь очага. Гроб выдалбливали из кедровой колоды, иногда для этой цели использовали распиленную поперек лодку-долбленку.

У селькупов существовало несколько способов захоронений: воздушный — на дереве или на помосте, и в земле. При воздушном способе тело заворачивали в шкуру и на ремнях подвешивали на дереве. Спустя несколько лет остатки тела умершего и его личные вещи сжигали в неглубокой яме. Северные селькупы своих шаманов хоронили на помосте, оставляя рядом с ним шаманский костюм и бубен. На деревьях, на помостах, в дуплах деревьев или в пнях хоронили детей, не достигших годовалого возраста. У южных селькупов умерших шаманов помещали в могиле в сидячем положении и опутанными ремнями.

При захоронении в земле копали глубокую могилу, в углы которой устанавливали столбы, соединенные по верхним торцам плахами. Гроб с телом и вещи покойного помещали в могилу. Все вещи перед этим портили: одежду надрезали, железные предметы ломали. Считалось, что в потустороннем мире они станут целыми. Затем могильную яму перекрывали поперечными плахами и засыпали землей. Поверху могильного холма сколачивали деревянную покрывку, так называемый «домик мертвых».

Поминки проводили и на кладбище, и вернувшись домой. Чум переносили на новое место. Могилу старались посещать как можно реже.

Мировоззрение и культы

Традиционные представления селькупов о сотворении мира в разных их территориальных группах при сохранении общей канвы отличаются отдельными деталями. Так, одни полагали, что вначале была только вода, другие первоосновой считали глину, третьи — лед. Творение современной земли («новой земли») началось с того, что бог послал на «старую землю» кусочек мха, или же с того, что гагара достала комочек ила со дна моря. В первом случае под «старой землей» понимались лед или глина, а во втором — вода. «Новая земля» стала расти и постепенно покрыла собою «старую землю», создав тот мир, который нас окружает ныне.

Вселенную северные селькупы, в том числе и баишенские, представляли состоящей из трех сфер: верхней (небесной), земной и нижней (подземной). В этом можно видеть влияние их северных соседей ненцев и энцев, для которых такие представления были характерны. Верхняя сфера была разделена на семь ярусов, каждый из которых населен божествами и сверхъестественными существами. Главенствовал там верховный бог селькупов Нум. В большинстве случаев Нум покровительствовал людям, охранял их от злых духов, даровал им жизненные блага. Но своими неправильными действиями человек мог легко вызвать гнев Нума.

Обитателями верхнего мира также считались Ылынта Кота («Жизненная старуха») — подательница жизни (в некоторых мифах она живет в нижнем мире), небесный олень, мудрые небесные кузнецы, а также светлые небесные птицы — орел, журавль, кукушка.

Нижний мир также делился на семь ярусов («семь слоев льда»). Он являлся обиталищем сил зла и был населен злыми духами-лозами и чудовищами. В нем же находился и город мертвых, на-

Шаман баишенских селькупов. 1926 г.

селенный умершими людьми или их душами. Ночью, после захода солнца, злые духи проникали в средний мир через дупла деревьев. Предводителем лозов был злой Кызы.

Средний мир, мир живых людей, тоже населяли духи. Это были духи-хозяева лесов во главе с самым сильным лесным духом и духи-хозяева воды, у которых также имелся самый главный водяной. Кроме них, были и многочисленные хозяева отдельных озер, речек, урочищ, мысов, холмов и т.д. Их отношение к людям зависело от поведения самих людей. Если человек соблюдал этические установ-

ки, приносил им жертвы, то духи-хозяева покровительствовали ему, давали удачу в промыслах на своей территории.

Южные селькупы, в том числе и верхнекетские, также в устройстве вселенной выделяли небесный и земной миры, но тема подземного мира была в их мифологии разработана слабо. По их мнению, землю поддерживают мамонты и огромная рыба. Более детально они представляли горизонтальное устройство мироздания. По этим представлениям связующим звеном между мирами является река. Устьем она впадает в мир злых духов и мертвецов, а истоки ее — в мире благодетельных божеств. Место, где обитают живые люди, считалось средним миром. В этом видении вселенной прослеживается связь мировоззрения селькупов с местами их проживания — по рекам.

Большим почитанием у селькупов пользовалась мать огня — Тюн Амба. Было строжайше запрещено осквернять огонь, обижать его даже словами. Огонь берегли, угощали его лучшей пищей. За непочтительное отношение мать огня могла жестоко наказать обидчиков.

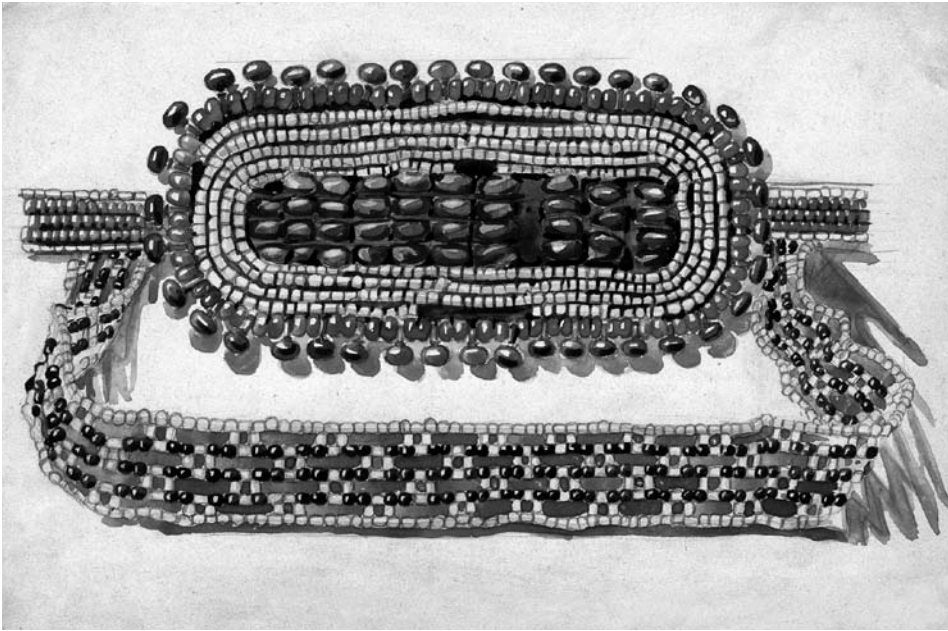
По традиционным селькупским представлениям у человека имеется семь душ, с каждой из которых связаны особые представления. Например, одна душа соотносится с дыханием. Другая олицетворяет жизнь; если она хотя бы случайно надолго покинет тело человека, то он умрет. Именно эту душу стараются украсть злые лозы. После смерти человека судьба этих душ различна: одна улетает на небо, к богу, другая остается в могиле, третья уходит под землю, в мир мертвых и т.д.

Функции селькупских шаманов мало чем отличались от таковых у других народов севера Красноярского края. Это также были защитники рода от злых духов и чужеродных шаманов, лекари, предсказатели. Шаманский дар тоже передавался только по наследству. Шаманами могли быть и мужчины, и женщины, но великих шаманов среди женщин не бывало. Обучением начинающего шамана занимался старый шаман. Но такое обучение занимало не более нескольких недель. Камлания проводились только в чуме в темное время суток. Различались камлания в «светлом» чуме, т.е. при свете костра и в «темном». Шаманский костюм надевали только при камлании в «светлом» чуме.

В костюме селькупских шаманов отражался образ и зверя, и птицы. В комплект входили парка, нагрудник, корона, обувь, бубен и колотушка. Все эти атрибуты шаман получал последовательно, по мере роста его шаманской силы. И костюм, и бубен обильно украшались антропоморфными, зооморфными и трубчатыми подвесками, колокольчиками и бахромой.

Духовная культура

Селькупский фольклор начал собираться довольно поздно, когда фольклорная традиция уже была значительно утрачена. Но и на том материале, который известен к настоящему времени, можно выделить несколько жанров. Это героические сказания о подвигах богатырей и войнах, волшебные сказки, сказки бытовые, детские сказки, сказки о плуте Иче, бытовые рассказы и рассказы шаманские.

Женский накосник. Верхняя Кеть.

Из песен селькупам были знакомы песни-импровизации, сочиняющиеся по случаю, песни-молитвы, «личные» лирические песни.

Среди общественных праздников селькупов наиболее значимы праздники, освящающие хозяйственную деятельность и смену календарных сезонов. Так, весной проводился праздник, посвященный прилету водоплавающих птиц, т.е. началу летнего периода года. «Праздник Лося», отмечавшийся в августе, символизировал Новый год. Начало промыслового сезона олицетворяли ритуальные гадания о результатах предстоящей охоты. Известен был селькупам и так называемый «медвежий» праздник, посвященный добыче медведя. Как и кеты, селькупы видели в медведе одного из своих умерших соро-

дичей, пришедшего к ним в «гости». В честь такого «гостя» устраивали пиршество, а затем с почетом помещали его кости на помосте в лесу.

Из музыкальных инструментов селькупам были известны семиструнные щипковые — «лебедей» и пыныр, смычковый кага («селькупская скрипка»). Варганы делали из кости и дерева, имеются сведения и о существовании железных варганов. Из данных фольклора следует, что в прошлом селькупы знали и духовые инструменты. Были и другие музыкальные инструменты, которые ныне полностью забыты.

Орнамент наносился в основном лишь на берестяную посуду, как правило в технике выскабливания. Изредка применялись штампованный и прорезной орнамент. Орнаментировали как стенки, так и крышки берестяных коробок. Узоры состояли в основном из криволинейных композиций. Одежда украшалась селькупам довольно слабо. Использовали нашивки одноцветной ткани, которыми окаймлялись обшлага, проймы рукавов, ворот, край правой полы и подол. Особо ценилась меховая одежда, сшитая из миниатюрных кусочков меха: из камусов белки, соболя, лисы. Шили меховые полотнища и из птичьего меха.

Литература:

Прокофьева, Е. Д. Селькупы / Е. Д. Прокофьева // Народы Сибири. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956. С. 665–686.

Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих. М.: Издательство АН СССР, 1960. – 622 с.

Пелих, Г. И. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов / Г. И. Пелих // Труды Томского гос. ун-та. Сер. ист. Т. 165. Томск, 1963.

Пелих, Г. И. Происхождение селькупов / Г. И. Пелих. Томск, 1972.

Соколова, З. П. Селькупы / З. П. Соколова // Вопросы истории. 1973. № 3.

Прокофьева, Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов / Е. Д. Прокофьева // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л.: «Наука», 1977. С. 66–79.

Пелих, Г. И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории / Г. И. Пелих. Новосибирск, 1981.

Лебедев, В. В. Селькупы / В. В. Лебедев, З. П. Соколова // Этническая история народов Севера. М.: «Наука», 1982. С. 118–129.

Лебедев, В. В. Формирование и этнокультурная история северных селькупов / В. В. Лебедев. М., 1988.

Васильев, В. И. Селькупы / В. И. Васильев // Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 312–314

КЕТЫ

Общие сведения

Коренной территорией расселения кетов являются Туруханский район Красноярского края и Байkitский район Эвенкийского автономного округа. Кеты — обитатели долины Енисея и его левых притоков Пакулихи, Мангутихи, Артюгиной, Елогуя и низовий правобережных енисейских притоков — Подкаменной Тунгуски и Бахты. На западе кеты соседствуют с селькупам, на севере — с ненцами и энцами, на востоке — с эвенками. К югу от кетов в прошлом проживали юги, близкородственный им народ, относимый ранее даже к самим кетам. Но к концу XX века юги полностью исчезли, слившись с окружающим русским населением.

В лодке долбленке на р. Енисей. 1925 г.

По данным переписи 1979 года насчитывалось 1072 кета, а в перепись 2002 года кетами назвали себя 1375 человека и еще 119 человек отнесли себя к югам. Такой значительный рост кетского этноса вызван, однако, не реальным увеличением численности народа, а при-

числением к нему значительной массы метисного населения, ранее отождествлявшего себя с русскими. Кеты в местах своего традиционного проживания составляют незначительный процент населения от общего его количества и постепенно русифицируются.

Кетский язык входит в так называемую енисейскую языковую семью, носители языков которой еще в XVII веке занимали огромную территорию от гор Восточного Саяна на юге до реки Елогуй на севере. Семья эта включала в себя языки пумпоколов (на верхней Кети), коттов (Канская лесостепь), ассанов (Нижнее Приангарье), аринов (Красноярская лесостепь) и некоторые другие. Но к середине XIX века все эти языки исчезли. Таким образом, к настоящему времени живым языком енисейской языковой семьи остается только кетский.

До конца 1920-х годов кетов называли «остяки», «енисейские остяки», «енисейцы». Затем административно было введено в качестве этнонима слово «кет», что означает «человек».

Этногенез и этническая история

Процессы формирования и развития кетского этноса до сих пор вызывают больше вопросов, чем дают ответов. На основе языковых данных можно с большей или меньшей долей уверенности утверждать, что примерно на рубеже эр предки кетов по языку занимали горно-таежные районы от верховий Иртыша до верховий реки Томь. Именно отсюда они начали продвижение на северо-запад и на какое-то время осели в междуречье Иртыша и Васюгана, в основном, в бассейне реки Тара.

Многие ученые придерживаются мнения о присутствии кетских этнических групп в составе кулайской археологической культуры, существовавшей в Приобье в V в. до н.э. – V в. н.э. Возможно, именно с той поры наблюдается значительное культурное единство кетов с селькупам и хантами, предки которых также присутствовали среди населения кулайской культуры.

Экспансия тюркоязычных народов сначала в лесостепную, а затем и в таежные зоны, вынуждала кетоязычные группы уходить как можно дальше от них. Через Васюган, Обь и Тым они проникли в верховья Сыма и Елогуя и вышли на Енисей. Еще одним из возможных путей проникновения части предков кетов из мест их раннего расселения, районов Саяно-Алтая, на места их нынешнего проживания, был путь по долине Енисея. На территории современного Туруханского района предки кетов появляются только около IX–XIII

веков. И уже именно здесь складывается та этническая общность, известная нам теперь под именем кетов.

В сложении этой общности можно, и даже нужно, предполагать и участие местного аборигенного, докетского, населения, заселявшего берега Енисея до прихода сюда языковых предков кетов. Таким образом, с большей или меньшей долей уверенности можно утверждать, что кеты сложились в результате синтеза пришлого кетоязычного и местного аборигенного (прауральского или праюкагирского) населения.

Группа кетов с этнографом В. Анучиным. 1925 г.

В начале XVII века на берега Енисея вышли мангазейские, а затем и кетские служилые люди. Кеты в это время состояли из трех группировок — земшаков, живших в низовьях Подкаменной Тунгуски, богденцев, осваивавших бассейн реки Бахта и инбаков, заселявших бассейн реки Елогуй. Все они стали известны русским под общим названием енисейских остяков. Включение кетов в состав ясачных плательщиков прошло довольно легко, никаких крупных столкновений русских отрядов с местным населением в письменных источниках не зафиксировано.

Уже в рамках Русского государства кеты в союзе с селькупамы продолжили продвижение на север. Это приводило к столкновениям с лесными энцами, постепенно, под натиском кетов и селькупов отступавшими вниз по Енисею. В результате этого продвижения кеты на протяжении XVII–XIX веков заняли оба берега Енисея от реки Артюгиной до устья реки Курейка и вверх по ее течению вплоть до озера Мундуйского.

В миграциях участвовали все родовые группировки кетов — инбаки, богденцы и земшаки. Представители этих группировок на новых местах селились чересполосно, образуя смешанные по своему составу территориальные группы, основой которых было не родовое единство, а соседские связи. К концу XVIII века существовало восемь таких групп — шайхинская, бахтинская, елогуйская, кангатовская, пиганская, ниже-инбатская, черноостровская и «остяки сургутской породы». В последней был значителен селькупский элемент, что и нашло отражение в ее названии (сургутами называли выходцев из Сургутского уезда, как правило селькупов). В начале XIX века на основе этих территориальных группировок были созданы Подкаменнотунгусская, Верхнеинбатская, Нижнеинбатская волости или управы. Часть кетов входила в состав Карасинской управы, основное население которой составляли селькупы.

Хозяйство

Традиционное хозяйство кетов в силу особенностей мест их проживания было ориентировано на рыболовный и охотничий промыслы. Объектами охоты служили медведь, дикие копытные — лось, олень, боровая и водоплавающая дичь. Рыбу ловили как для ежедневного потребления, так и для создания запасов на зиму. Собирательство в хозяйстве кетов играло подсобную роль.

В то же время надо заметить, что хозяйство кетов к тому времени, когда их культурой стали заниматься профессиональные этнографы, претерпело значительные изменения. Вхождение кетов в состав Русского государства привело к тому, что кеты были включены в тягловое сословие, обязанное выплачивать государству натуральную подать мехами — ясак. Это в большой мере переориентировало кетское хозяйство с мясной охоты и рыболовства на добычу пушного зверя, в основном, белки.

Расселение кетов на огромном пространстве привело к возникновению локальных отличий в хозяйстве у отдаленных друг от друга замкнутых групп. Так, подкаменнотунгусские кеты на всем протяжении

своей истории оставались пешими охотниками и рыбаками. У енисейских и елогуйских кетов в качестве подсобного занятия получило распространение транспортное оленеводство. Курейская группировка отличалась среди других кетов наибольшим количеством домашних оленей.

Существовало несколько способов добычи крупных копытных животных. Наиболее распространенным среди них была охота гоном, проводившаяся зимой, по снегу. Охотники по следу бежали за оленем или лосем и, настигая его, закалывали копьем или били из лука. При этом они старались направить убегающего зверя в сторону стойбища, чтобы не пришлось переносить мясо добытого зверя издалека. Такое преследование могло продолжаться несколько дней, и охотники были вынуждены ночевать в снежных ямах.

Из других способов охоты на копытных у кетов были распространены добыча их при помощи ям-ловушек, устроенных на постоянных тропах, охота скрадом (при помощи защитного щитка) и коллективная охота на речных переправах, что было характерно для подкаменнотунгусских кетов.

Ловушки-ямы устраивали и на медведя, но наиболее распространенным способом охоты на него был промысел заснувшего зверя на берлоге. Участвовали в такой охоте сразу несколько мужчин, а сам процесс добычи медведя обставлялся целым комплексом обрядов, призванных обеспечить благоволение убитого медведя к его добытчикам и возрождение животного после смерти.

Боровую дичь — глухаря, тетерева, рябчика и куропатку — промышляли круглый год, в основном, попутно. Били ее на весенних токах, там же выкапывали ямы-ловушки, стреляли птицу из ружья и лука, ставили на нее силки и пасти. Линую птицу (уток, гусей) добывали на озерах при помощи сетей или собак, или специальных загоронок — котцов. Перелетную птицу били луками из скрадов, подманивая их манками.

Но все-таки основной целью охотничьего промысла к XIX веку была добыча пушного зверя — белки, соболя, колонка, горностая. Пушной кеты уплачивали ясак, на пушнину приобретали у купцов и в хлебозапасных магазинах муку, табак, мануфактуру, боеприпасы, т.е. те товары, без которых к этому времени они уже не могли обходиться.

К концу XVII – началу XVIII веков соболь, наиболее ценный пушной зверек Сибири, был практически полностью выбит на всей территории своего ареала. На смену собольему промыслу пришли добыча песка в тундровых и лесотундровых районах и белки в тайге. На территории Средней Сибири кеты считались лучшими бельчатниками, в среднем каждый кетский охотник добывал за сезон до тысячи белок.

Охота на белку продолжалась с середины октября и до конца марта. С собакой промышляли белку по осени, пока снег был не глубокий, и весной по таянию. Зимой охотник сам находил беличьи гнезда по следам кормящегося зверька. До распространения огнестрельного оружия белку стреляли из лука стрелами томар (с тупым наконечником) или ловили черканом.

Попутно добывали зайца (ружьём, пастями, капканами), росوماху, лисицу. Охота на песца была распространена только у самых северных кетских групп — туруханских и курейских.

Выпечка хлеба. 1925 г.

В снаряжение охотника входили лук со стрелами, причем, наконечники стрел были нескольких типов — вильчатые (для охоты на дичь и крупного копытного зверя), ланцетовидные, листовидные и ромбовидные — на копытных; особыми стрелами били рыбу и пушного зверя.

Кетские луки по своим технологическим особенностям славились на всем енисейском севере. Их приобретали нганасаны, долганы, ненцы и энцы, пренебрегая при этом луками собственного производства.

Для добычи крупных копытных и медведя использовали пальму — большой нож с широким лезвием, насаженным на длинную деревянную рукоять. Охотились кеты на этих животных и при помощи копья.

Кетский нож привязывался к поясу двумя ремешками с правой стороны так, чтобы он висел горизонтально, рукоятью назад. Рукоятка более чем на половину своей длины уходила в ножны; клинок прямоспинный, с односторонней заточкой. Кетские топоры по размерам рабочей части были немного меньше, чем русские.

В стойбище на берегу Енисея. 1925 г.

Из орудий пассивного лова использовали ямы, силки из сухожильных нитей, пасти, клепцы, черканы.

Рыбу ловили по открытой воде и подо льдом, пока он не стал слишком толстым (до конца декабря). Из сорной рыбы ловили щуку, налима, окуня, язя, ельца. Из белой рыбы вели промысел нельмы, чира, пеляди, муксуна, тайменя, тугуна, сельди, а из красной — осетра и стерляди. Из рыболовных снастей кеты широко использовали ставные сети, плетеные из прутьев морды, удочки, остроги, устраивали загородки — котцы. От русских кеты заимствовали переметы, самоловы, невода.

Излюбленными местами лова были небольшие речки, особенно в их приустьевой части, старицы, протоки, озера. Наибольшие уловы, позволявшие заготавливать рыбу впрок, давал котцовый способ добычи рыбы. Котцы представляли собой переплетенные кедровым корнем тонкие двухметровые жердочки, установленные вертикально в виде стенки. Ею перегораживали речку от берега до берега, оставляя в середине узкий проход в отгороженную полукругом ловушку. Рыба набивалась в ловушку, и ее оставалось только вынимать оттуда специальным плетеным черпаком.

Сети вязали из сушеных и промятых волокон крапивы, скрученных в нити, из купленной у русских конопли и ниток из старых распущенных мешков.

Собирательская деятельность кетов была ориентирована, во-первых, на сбор ягод — брусники, клюквы, морошки, черемухи, голубики, черники, рябины. Заготавливали кедровый орех, хотя и в ограниченном количестве, корни сараны, черемшу. В летнее время собирали дикие формы лука, чеснока, щавеля. Как заменитель чая использовали сушеные листья брусники, черники, смородины, корень шиповника. Производили кеты и заготовки заболони ели и кедра.

Оленеводство кетов имело подсобный характер и было ориентировано только на транспортные нужды, в основном, в период зимней охоты на пушных зверей. Большинство кетов вообще не имело оленей. Так, по данным 1915 года из восьмидесяти трех хозяйств Верхне- и Нижнеинбатских инородческих управ только у девятнадцати имелись домашние олени. В среднем на одно оленнее хозяйство приходилось около десяти оленей. Такого количества оленей не хватало даже для перекочевки, и поэтому женщины и подростки вынуждены были переходить со стойбища на стойбище пешком и при этом тянуть на себе нарты-волокуши.

Маршруты перекочевок ориентировались не на потребности оленей в кормовой базе, их выпас, отел и гон, а на потребности пушной охоты. Олени были призваны следовать за охотником, ведущим промысел белки. На лето оленей вообще отпускали в тайгу на вольный выпас и собирали их только осенью, по первому снегу. За это время олени могли уйти на сто или более километров от стойбищ своих хозяев. Без присмотра много оленей погибало, иногда даже весь приплод и часть взрослого стада.

Ездили на оленях в нартах, хотя сохранилось воспоминание и о том, что в прошлом кетам было знакомо и верховое оленеводство.

Началом года кеты считали раннюю весну, с момента появления на снегу наста. В это время охотники заканчивали промысловый се-

зон и начинали выход из тайги к местам зимних стойбищ. Период с прибытия на стойбища и до вскрытия рек был самым голодным временем — зимние запасы кончались, а рыхлый снег не позволял далеко уходить на охоту. Мужчины делали заготовки для лыж, весел, лодок-долбленок. Все стойбище поочередно изготовляло илимки для каждой семьи. Женщины собирали на проталинах прошлогоднюю бруснику и клюкву.

После ледохода начинался рыболовный сезон и добыча пролетных птиц — гусей и уток. В мае отдельные семьи стойбища разделялись и переезжали на свои рыболовные угодья для котцового лова рыбы. Для женщин это была пора сбора березового сока, черемши и корней сараны.

В конце мая — начале июня кеты на илимках выплывали с притоков на Енисей на ежегодные ярмарки, проводившиеся в русских селениях. Здесь они уплачивали ясак, закупали продукты и боеприпасы у купцов и в хлебозапасных магазинах. После окончания ярмарок часть кетских семей возвращалась на притоки для котцового лова рыбы, а другие оставались рыбачить на Енисее. Летом били птицу, как линую, так и уже вставшую на перо, продолжали ловить рыбу.

В сентябре заканчивался лов рыбы котцами на притоках и неводами на Енисее, и переходили к использованию ставных сетей пушачен и лучению рыбы острогой. Начиналась подготовка к зимнему промысловому сезону. В октябре с Енисея на илимках передвигались на места постоянных зимовий и там строили землянки.

С ноября начиналась охота на белку рядом со стойбищами, так называемая, «малая ходьба». Охотились совместно три-четыре человека, а их семьи оставались в землянках. Женщины шили зимнюю одежду. Период самых коротких дней, вторую половину декабря — первую половину января охотники проводили в стойбище, часть их отправлялась в русские поселки за мукой.

На вторую половину января — март приходилась «большая ходьба». Охотники вместе с семьями отправлялись на свои родовые угодья, иногда за сотни километров от зимних стойбищ. Добывали белку, оленя, лося, соболя. Женщины ставили черканы на горностая и колонка. С началом весны выдвигались на места зимних стойбищ, где все это время жили старики, часть детей и женщин.

Материальная культура

Жилища кетов имели сезонный характер. Летом жили в чумах, а зимой — в землянках. Кочевой образ жизни на протяжении большей части года, несмотря на то, что зимние и летние стоянки кеты из

года в год устраивали на одних и тех же местах, диктовал отсутствие постоянных поселений.

Летом кеты жили в коническом чуме в четыре-пять метров диаметром в основании. Высота чума достигала около двух с половиной — трех метров. Шесты делали из тонких длинных еловых шестов, скре-

Кетские илимки у села Подкаменная Тунгуска. 1920-е годы.

пленных деревянным обручем из тальника или черемухи. Сверху чум покрывался тисками — вываренными полосами бересты длиной до трех метров и шириной один метр. Использовался чум и в зимнее время, во время «большой ходьбы». Тогда для его покрытия применяли ровдужную покрышку или оленьи шкуры. Курейские кеты в качестве покрышек применяли еловую кору. Входом чум ориентировали на запад или в сторону реки, если устанавливали его на берегу. Простой внешний вид чума в какой-то мере разнообразился резными узорами, нанесенными на берестяную дверь.

В центре чума располагался очаг. Справа от него, если смотреть от входа, были места супругов, причем место женщины было ближе к входу, а слева — их детей. Если же в одном чуме жило две семьи, что случалось не так уж и редко, то каждая из них распола-

галась напротив друг друга, по разные стороны очага. Место за очагом, против входа, считалось чистой, священной частью чума. Здесь размещали оружие, боеприпасы, фигурки домашних покровителей и другие культовые предметы, также это было место для самых старых членов семьи и наиболее уважаемых гостей. У входа, с обеих его сторон, располагалась хозяйственная часть жилища. В ней складывали посуду, хранили продукты, привязывали собак.

Кетское стойбище около села Сумарокого. 1905 г.

Кетская землянка представляла собой каркасное полуподземное жилище, углубленное в грунт на глубину до 50–70 см. Высота жилища достигала двух метров. Строили землянки в лесу, на высоком месте, поблизости от воды. Постройка занимала несколько дней. Основой землянки была конструкция из наклонных бревен, опирающихся на четыре центральных опорных стропила. Поверх укладывали расколотые бревна или тонкие еловые стволы, оставляя отверстие для трубы и поступления света. Затем каркас обкладывали сухой травой или дерном и засыпали землей и песком. В середине жилища располагался очаг, однако его тепла не хватало для обогрева всего жилища.

и потому кеты устраивали еще и чувал — стенка и труба из прутьев и жердочек, обмазанных глиной.

Из других жилищ, как правило временных, можно отметить существование у кетов сводчатых шалашей из прутьев,пологов, получумов. В летний период жилищем служили крытые лодки-илимки, распространенные у всех групп кетов, кроме самых северных — курейских и туруханских.

Оленеводство кеты заимствовали у своих соседей самодийцев, поэтому конструктивно их нарты и упряжь не отличались от таковых у энцев, ненцев и селькупов. Разница была небольшой и диктовалась лишь природными условиями: кеты в отличие от тундровиков самодийцев проживали в тайге, где снежный покров был гораздо глубже. Поэтому кетские нарты были немного ниже, более узкими и не такими массивными, как тундровые. На мужских нартах было три копыла, а на женских — четыре.

Основным средством передвижения для кетов зимой оставались лыжи. Лыжи делали как камусные для скольжения по глубокому рыхлому снегу, так и голицы, на которых передвигались ранней весной, с образованием твердого наста. При ходьбе на лыжах охотник использовал одну лыжную палку — посох с железным или костяным крюком на верхнем конце и тальниковым кольцом на нижнем.

Груз перевозили на ручных нартах, которые подразделялись на мужские и женские. Женские нарты были более массивными, а на обратной стороне их спинки имелось резное и раскрашенное изображение вселенной. Для перевозки грузов использовались и волокуши из шкуры лося. Поклажа укладывалась на шкуру, которая затем заворачивалась и стягивалась ремнями. Перетаскивали ее при помощи берестяной или кожаной лямки.

Характерным лишь для кетов средством передвижения и жилья были лодки-илимки. Весной на них выплывали с притоков на Енисей и жили все лето вплоть до момента возвращения на зимние стойбища. Илимки были длиной до пятнадцати метров и имели крытые берестой каюты, в задней части которых хранились хозяйственные предметы, а в передней располагались люди. К концу мачты крепился железный флюгер с изображениями птиц. Ходили на илимке на веслах, на шестах и под парусом, против течения часто приходилось тащить ее бечевой по берегу. В этих случаях впрягали и собак. Известны были кетам и лодки-долбенки, сделанные из стволов осины. Управляли ими при помощи двухлопастных весел.

В комплекс одежды кетов входили распашной халат, одинаковый для мужчин и для женщин, мужские и женские штаны, парка глухого покроя, обувь с камусной головкой и суконными голенищами, рас-

пашной котлям из сукна и простеганный бэсям. В начале XX века в обиход стала входить покупная одежда русского типа.

Халаты и штаны шили из ровдуги, парки из оленьих шкур. На обувь шли камусы, а на подошву — щетки (шкура между копыт оленя, отличающаяся наиболее твердым ворсом). Голенища обуви подвязывали выше колен специальными орнаментированными подвязками с кисточками на концах завязок. Котлям шили из сукна и украшали цветными полосками по полам и на плечах. Бэсям имел стеганный матерчатый верх и подклад из заячьих шкурок. Носили его в основном дети, старики и женщины. На голове кеты, и мужчины, и женщины, носили покупные ситцевые платки.

Дети носили волосы распущенными. С наступлением зрелости и юноши, и девушки заплетали волосы в одну косу, украшенную ко-соплеткой. Замужние женщины носили две косы, в которые вплетались накосники.

В пищевом рационе кетов значительное место занимали рыбные продукты. Рыбу ели в сыром виде, вареном, жарили на рожнах у костра, готовили из нее порсу, юколу, рыбий жир. Порсу делали из мелкой рыбы. Ее поджаривали на рожнах, коптили и мелко измельчали. Готовый продукт помещали в мешки из рыбьих шкур. Из порсы готовили густое варево и добавляли ее в муку. Юкола представляла собой сушеную распластанную рыбу — щуку, язя, леща. Особым лакомством считалась варка, приготовляемая из жирной рыбы, которую варили в небольшом количестве воды вплоть до ее полного испарения. Затем рыбу размельчали и, залив жиром, помещали в берестяные туески. Рыбий жир добавляли в порсу и уху, смешивали с толчеными морошкой и черемухой.

Из мясной пищи употребляли медвежатину, оленину и лосятину. Также ели мясо зайца, белки, бурундука и колонка, боровой и водоплавающей дичи. В пищу шло сырое, вареное и сушеное мясо, свежие кровь, печень и почки, желудок глухаря и сырой костный мозг копытных зверей. Сушеное мясо размельчали и варили, добавляя в него муку и луковицы сараны.

Из муки делали большие лепешки, которые пекли в сводчатых глинобитных печах. Много употребляли чая и табака.

Социальная организация

Наиболее характерными чертами кетского общества были четкое осознание своей родовой принадлежности и дуальная экзогамная организация. Уже данные XVII века фиксируют деление кетов на

два родовых объединения (фратрии) — инбаков, живших в бассейне реки Елогуй (родовое самоназвание (Кэнтан) и земшаков (низовья реки Подкаменной Тунгуски) с богденцами (бассейн реки Бахты) (родовое самоназвание Бокдеденг). Родовое единство проявлялось в идеологии, хозяйственной и семейной жизни. Браки с представителями своей фратрии были категорически запрещены. Счет родства велся по отцовской линии. Членов фратрий объединяли общая территория проживания, мифы, прославляющие своих героев, места общеродовых святилищ. Для рода были характерны чувство солидарности, осознание общности происхождения и истории.

Кеты у чума. Село Подкаменная Тунгуска. 1925 г.

Но к XVIII веку в связи со значительными перемещениями кетского населения как внутри кетской территории, так и вне ее, при сохранении дуально-экзогамной организации, установилась территориальная организация общества. На одной и той же территории стали проживать представители и фратрии Кэнтан, и фратрии Бокдеденг. Как уже указывалось выше, это были шайхинская, бахтинская, елогуйская, кангатовская, пиганская, нижеинбатская и черноостровская локальные группы и так называемые «остяки сургутской породы». На

основе этих территориальных объединений русской администрацией в XIX веке были созданы инородческие волости или управы — Подкаменнотунгусская, Верхнеинбаткая и Нижнеинбатская.

Основной хозяйственной единицей кетского общества была семья. На протяжении последних нескольких сотен лет состав семьи количественный состав семьи, видимо, значительно менялся в сторону превалирования так называемой «малой» семьи, т.е. семьи, состоящей только из родителей и их детей. Но еще даже в середине XX века у кетов встречались семьи, состоявшие из родителей, их женатых сыновей со своими детьми и семей братьев главы такого объединенного семейства. Известны случаи, когда количество членов таких семейств достигало тридцати — сорока человек.

Главой семьи считался самый старший мужчина. Если таковых не было, то самая старшая женщина, но только до тех пор, пока не подрастут ее сыновья. В собственность семьи входили рыболовные угодья, промысловые участки, жилище (как чум, так и полуземлянка), крупные орудия лова (невода, сети, пасти) и средства передвижения (лодки, грузовые нарты). После смерти отца основную часть имущества наследовал совершеннолетний младший сын. При выделении из семьи старших братьев или выходе замуж сестер он обязан был разделить их частью общего имущества. На его попечении оставались мать, больные, нетрудоспособные и малолетние члены семьи.

В случае отсутствия у умершего детей право наследования получал его ближайший мужской родственник. Женщины не могли наследовать ни родителям, ни братьям. Кроме семейного существовало и личное имущество — одежда, оружие, упряжь, нарты, лыжи и т.д. Оно не подлежало наследованию, а поврежденным оставлялось у могилы. Личных оленей умершего отпускали в тайгу.

В зимний период отдельная семья, если в ней было достаточно членов, могла жить отдельно от других семей, но в определенные периоды — при проведении коллективной охоты на копытных зверей или котцового лова рыбы — на одном стойбище объединялось от трех до десяти семей. Ярмарки, проводившиеся для уплаты ясака и закупки необходимых товаров, устраивавшиеся осенью и весной, собирали на одном месте на срок более десяти дней по несколько сот человек.

Семейная обрядность

Брачным возрастом у кетов для мужчины считалось достижение им шестнадцати-восемнадцати лет, а для женщины — пятнадцати-шестнадцати. Хотя известны случаи, когда девочка уже с десяти-

двенадцати лет жила в семье своего будущего мужа. Это было связано, в основном, с нехваткой женских рабочих рук в семье.

Добрачные связи в кетском обществе строго осуждались. Девушка, родившая до замужества, рисковала на всю жизнь остаться одинокой. Вдова и вдовец могли вступить в брак и во второй раз, но третий брак также подвергался осуждению.

На стойбище. 1925 г.

Сватали невесту старшие мужчины и женщины семьи жениха. Вначале старшие женщины приносили к жилищу невесты медный котел, наполненный одеждой и шкурками белок. Если котел не переворачивали, то сватовство считалось принятым. Тогда на следующий день старшие родичи жениха наносили визит отцу невесты и просили ее руки. По нормам кетского этикета полагалось до трех раз отказывать сватам, лишь после этого давалось согласие. Затем устанавливался размер выкупа, и семья жениха приступала к его сбору. Иногда с момента сватовства и до свадьбы проходило два-три года. Помощь в сборе выкупа жениху оказывали все его родственники. Выкуп, как правило, состоял из шкурок белки, их количество могло варьироваться от ста пятидесяти до семисот пятидесяти штук. Большую часть

полученного выкупа отец невесты оставлял себе, а остальное делил между родственниками, но половину своей доли он должен был дать в приданое дочери.

В день свадьбы жениху и невесте мыли волосы, расчесывали их и заплетали в косы. Невесте заплетали две косы, как замужней женщине. Затем ей покрывали голову и лицо платком и вели к жениху. При этом девушка должна была изображать сопротивление. Молодых усаживали рядом, а гости располагались кругом вокруг них. Шаман благословлял новобрачных. После этого невесту уводили в жилище жениха, а его — в жилище невесты. После праздничного пира устраивались танцы, состязания в стрельбе из лука и т.д.

Семья кета Хуттена. 1905 г.

После пира молодая жена еще три дня жила со своими родителями, не встречаясь с мужем, и только затем переезжала в новую семью. В случае, если девушка оказывалась не девственной, то ее отец должен был вернуть семье своего зятя треть полученного им выкупа.

Женщина почти всю свою жизнь, с момента появления месячных и до их окончания, считалась «нечистой», что накладывало на

нее довольно много ограничений, особенно серьезных в период ее беременности. Так, беременным запрещалось есть жирное, мясо и рыбу ей давали в ограниченном количестве, предпочтение отдавалось растительной пище. Роды происходили в своем жилище, но перед входом. Рожали кетские женщины стоя на коленях, держась за привязанный к шестам повод. До отпадения пуповины в жилище постоянно поддерживали огонь и проводили обряды очищения. Когда же пуповина отпадала, устраивали праздник для всех обитателей стойбища. Кормление ребенка грудью продолжалось до шестивосьми лет, хотя уже в год-полтора он ел практически ту же пищу, что и взрослые.

Дети у кетов были очень спокойного нрава, редко плакали и капризничали. Старшие дети присматривали за младшими и занимали их. Уже с пяти-шести лет они начинали участвовать в хозяйственной жизни семьи, выполняя посильные им работы. С двенадцати лет мальчик начинал вести самостоятельный промысел белки, лося, оленя, в четырнадцать мог стать признанным охотником. Отношения в семье строились на взаимном уважении, почитании старших и любви к детям.

Смерть по представлениям кетов была связана с потерей души человеком или с ее кражей злыми духами. Пропажа души вызывала болезнь человека и его последующую смерть, если душу не удавалось вовремя вернуть. После смерти человека обмывали, одевали в лучшую одежду и укладывали головой к порогу. На одежде делали разрезы, пуговицы спарывали, а лицо закрывали распущенными волосами. Хоронили на третий день.

Для конца XIX – начала XX вв. у кетов зафиксировано два типа погребений — в земле и воздушный способ. В первом случае выкапывалась яма глубиной до полутора метров, в ней устанавливался ящик из несбитых досок и плах, в который помещался покойник. Сверху ящик обертывался берестой.

Воздушный способ погребения имел две разновидности: в пне срубленного дерева и на помосте. К началу XX века в пнях хоронили только детей, хотя за пятьдесят лет до этого так хоронили и взрослых. Для такого погребения в пне вырубали нишу, помещали туда труп, закладывали отверстие вырубленной частью пня и обвязывали его ольховыми прутьями. На помостах хоронили только шаманов.

Рядом с могилой на деревьях развешивали одежду покойного, оставляли его личные вещи — оружие, котел и т.д. Все вещи предварительно подвергали порче — в сосудах делали отверстия, оружие ломали, рубили копылья нарт и т.д.

Возвратившись в стойбище, устраивали угощение для присутствующих, а через несколько дней перекочевывали на новое место. Специально места погребений не посещали, но если приходилось проходить мимо, то оставляли угощение.

Мировоззрение и культы

Традиционные представления кетов о мире во многом были тождественны таким же у других народов Севера. Земля выступала в виде плоского диска, покоившегося на семи морях. Над ней располагался верхний мир, разделенный на семь ярусов и населенный «небесными людьми» (духами и богами) и нижний мир, также имеющий семь ярусов. Обитателями нижнего мира были злые духи и души умерших людей. Кетам было присуще представление о том, что рано или поздно землю накроет потоп, но потом она вновь возродится уже обновленной.

Главным существом кетского пантеона считался Есь, олицетворявший собою небо. Предполагается, что образ Еся возник под влиянием христианской религии, уже после включения предков кетов в Русское государство.

Другими значимыми фигурами в кетской мифологии были Хоседам — дух-хозяйка мира мертвых, насылающая на людей болезни и причиняющая им смерть, олицетворение злого начала, владычица нижнего мира, и Томам — хозяйка южной стороны, носительница света и тепла, воплощение жизни и добра. Есь ассоциировался с восточной стороной, Хоседам — с севером и западом, а Томам — с югом.

Населяя весь окружающий человека средний мир сверхъестественными существами, кеты разделяли их по их отношению к людям. Часть этих существ («каменные», «небесные», «земные» люди) вела свой собственный образ жизни, будучи совершенно равнодушна к делам человека. Но несоблюдением определенных правил можно было навлечь на себя их гнев. От хозяев промысловых животных, рыб и угодий зависели охотничья и рыбацкая удача. Наиболее важны среди них были хозяин зверей Кайгусь и хозяин рыбных богатств Ульгусь. Их требовалось почитать и умиловать разными дарами.

В третью категорию входили духи, изначально, по самой своей природе враждебные человеку. Среди них можно назвать Литысь, Кэлбэсэм, Колебылемысь, Дотэт и Дотэм.

Кроме того, кеты одухотворяли и всю природу. Не только существа животного мира, но и дерево, камень, река, горный хребет имели

своего духа-хозяина, были живы. Поэтому, добывая зверя или птицу и даже срубая дерево, люди просили у них прощения за содеянное и благодарили за то, что они позволили им это сделать.

Существовали рассказы о людях, которые могли слышать разговор деревьев, и жизнь их была чрезвычайно тяжела, потому что они не могли даже нарубить дров для костра из-за криков и стонов срубаемого дерева и умирали по этой причине от голода.

Холай кетов на р. Сургутиха. 1902 г.

К категории семейных и родовых духов-покровителей относились огонь, Холай, алэлы и дангольсы. Огонь был покровителем и защитником семьи, его оберегали от осквернения и стремились не нанести ему никакого оскорбления. В огонь запрещалось бросать мусор, тыкать в него железными предметами, гасить водой или каким-нибудь другим способом. Огонь кормили наиболее вкусными продуктами.

Холай символизировала единство рода, была его защитницей и охранительницей. Ежегодно в день летнего солнцестояния все члены рода, на земле которого находилось мольбище Холай, собирались на нем и приносили ей жертвы и подарки. Обращались к ней с просьбами о защите от злых духов и об удаче в рыболовном промысле.

Алэлы имелись в каждой семье. В их функции входили надзор за благополучием всех ее членов, помощь женщинам при родах и в воспитании детей. По представлениям кетов ночами алэлы занимались уборкой в жилище. При помощи алэлов производили гадания о результатах промысла или местонахождении потерянных вещей. Сходной с алэлами была и сфера деятельности дангольсов, но они, кроме того, влияли и на промысловую деятельность: про хорошего охотника говорили, что впереди него бежит дангольс.

По кетским представлениям человек имел семь душ. Шесть из них он получал от матери вместе со съеденной ею растительной и животной пищей, а седьмая, главная душа попадала в него незадолго до рождения. Про заболевшего человека говорили, что его душа попала к Хоседам, и если шаману не удавалось ее вернуть, то наступала смерть. После смерти человеческие души могли войти в растения или животных, а через несколько лет приходили к людям в образе медведя. Поэтому у кетов существовало гадание над убитым медведем с целью узнать, кто из родственников пришел к ним «в гости».

Шаманский дар у кетов, как и у других народов Севера, передавался по наследству. Но были и некоторые отличия. Так, имеются указания, что после смерти шамана его дар переходил к его дочери, затем к внуку, затем к правнучке, то есть, происходило чередование по половому признаку. Шаманы по степени своего могущества делились на категории. Наиболее сильными считались так называемые «большие» шаманы, обладавшие полным комплектом шаманского облачения. Этот комплект включал в себя колотушку, нагрудник, обувь, рукавицы, бубен, посох, парку и железную корону.

Становление шамана занимало двадцать один год. Через каждые три года проводился специальный обряд, шаману вручали новый бубен с увеличивающимся количеством и качеством наполнявших его внутреннюю часть подвесок. У большого шамана к концу периода его становления кожаные и железные перекладины на бубне заменялись сделанными из меди.

Шаманы лечили больных, отыскивая потерянную душу, боролись со злыми духами, гадали, камлали перед началом и после окончания промысловых сезонов.

Кроме шаманов у кетов бывали и колдуны бангос. В их функции входили лечение больных при помощи заговоров и амулетов, предсказывание будущего путем интерпретации снов, гадания. Часто шаманы и бангос враждовали друг с другом.

Духовная культура

Жанры кетского фольклора чрезвычайно разнообразны. Среди них встречаются тексты мифологического характера, легенды, героические и исторические предания, бытовые рассказы, сказки с фантастическим и бытовым содержанием.

В мифах повествуется о потопе, о создании земли и небесных светил, о сотворении человека, животных и птиц. Отдельный цикл составляют рассказы о легендарном шамане Дохе, его путешествиях и гибели. Значительное количество текстов представлено сказаниями о взаимоотношениях охотника с хозяином (или хозяйкой) лесных зверей Кайгусем.

Чаепитие. Село Подкаменная Тунгуска. 1925 г.

Героями кетских героических сказаний были богатырь Альба, сражавшийся со злой Хоседам; братья Бальна, Тогыт и Белегын, боровшиеся с соседними враждебными народами. В роли врагов выступали как правило эвенки и ненцы, хотя под последними понимаются, видимо, энцы. После смерти многие герои превращались в природные

объекты. Так, Ольгыт стал горным хребтом на правом берегу Енисея, его семья превратилась в Мельничный порог на Подкаменной Тунгуске. С убитым Сюоксом отождествляют так называемый Красный мыс у Осиновского порога на Енисее.

Популярностью пользовались также сказания о Каськете, с одной стороны, плуте и обманщике, а с другой, восстановителе разрозненных миров вселенной.

Самым зрелищным праздником у кетов был так называемый «медвежий» праздник, где игровые моменты очень тесно переплетались с обрядовыми действиями. Проводился он после добычи медведя с целью возродить к жизни добытого зверя и заручиться покровительством умерших сородичей. В медведе видели одного из своих покойных родственников, который, пожалев голодающих людей, приходит к ним «в гости», отдавая свое мясо. «Гостя» принимали, как самого уважаемого человека: кусок шкуры с носом и губами (олицетворение медведя) помещали на почетное место, ставили перед ним столик с наиболее лакомой пищей, дарили подарки — осетровый клей, спички, медные украшения. Во время праздника проводили театрализованные действия, пели песни, играли на варгане. Через три дня гостя-медведя провожали, относили в лес его кости и просили приходить «в гости» и в следующий раз. Через него передавали приглашение и другим родственникам-медведям.

Из музыкальных инструментов кеты использовали струнно-смычковый кат, варган из бивня мамонта или дерева и жужжалки. Песни не имели широкого распространения. Сюжетно они делятся на три группы: «свои» песни, т.е. личные песни созданные самим исполнителем, «женские» — их пели матери детям, и «шаманские».

Кеты рисовали охрой, сажей, смешанной с рыбьим клеем, смоченным порошком, углем. Рисовали на дереве, коже, бересте. Делали резьбу на кости и дереве, вышивали подшейным волосом, наносили аппликацию из узких цветных полос ткани, инкрустировали железо и дерево свинцом, оловом и медью.

Украшались одежда, охотничье снаряжение — пороховницы, мерки для пороха, ножны, дверь чума, берестяная посуда, кожаные и меховые изделия. Особенностью кетских узоров было широкое применение вильчатого орнамента в сочетании развилок и вертикальных линий.

Литература:

Анучин, В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков / В. И. Анучин // Сб. Музея антропологии и этнографии при Императорской

Академии наук. Т. 2. Вып. II. СПб.: Типография Императорской АН, 1914. – 90 с.

Долгих, Б. О. Кеты / Б. О. Долгих. Иркутск, 1934.

Долгих, Б. О. Родоплеменной состав и расселение кетов / Б. О. Долгих // Доклады и сообщения историко-филологического факультета МГУ. № 9. М., 1950. С. 87–96.

Попов, А. А. Кеты. / А. А. Попов // Народы Сибири. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956. С. 687–700.

Алексеевко, Е. А. Культ медведя у кетов / Е. А. Алексеевко // Советская этнография. 1960. № 4. С.90–104.

Дульзон, А. П. Былое расселение кетов по данным топонимики / А. П. Дульзон // Географические названия. Вопросы географии. 58. М., 1962. С. 50–84.

Алексеевко, Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки / Е. А. Алексеевко. Л., 1967.

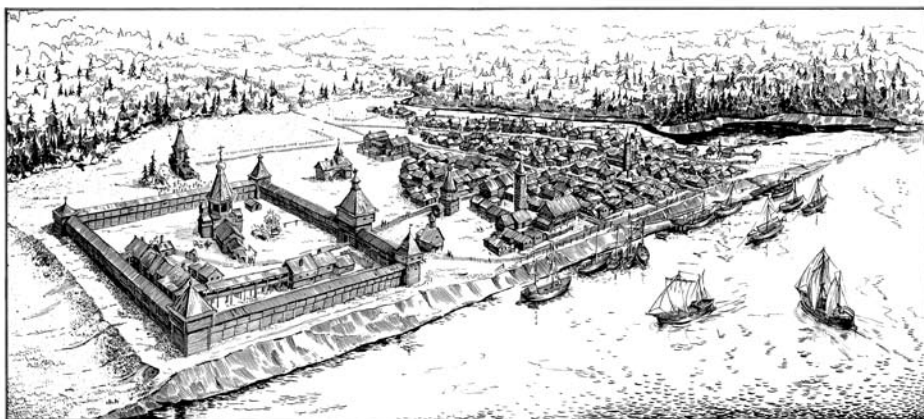
Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты / М.: «Наука», 1969. – 291 с.

Алексеевко, Е. А. Народные знания кетов / Е. А. Алексеевко // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 218–230.

Алексеевко, Е. А. Кеты / Е. А. Алексеевко // Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 189–190.

МАНГАЗЕЯ

В освоении Севера Приенисейского края огромное значение сыграла Мангазея, ставшая форпостом в продвижении русских на Енисей. Свое название Мангазея получила по имени одного из самодийских племен, обитавших по р. Таз. Еще в XVII веке род Мангазея платил ясак в пользу Московского государства, что многократно отмечалось в документах того времени.

Реконструкция г. Мангазея.

Первые сведения о мангазейцах-самодийцах были известны еще новгородцам в средние века и упоминаются в сказании XV в. «О человецах незнаемых в восточной стране». В этом источнике смешаны и реалистичные сообщения, и любопытные, но явно фантастические сведения. Сказание сообщает: «На восточной стране за Югорискою землею над морем живут люди Самоед, зовомы Могонзы; а яд их мясо оленье, да рыба, да межи собою друг друга ядят, и гость к ним откуда придеть и они дети свои закалывают на гостей, да тем кормят, а который гость у них умрет, и они того съедают, и в земле не хоронят, а в своих также. Сия же люди не велики возрастом, плосковиты, носы малы, но резвы вельми и стрельцы скоры и горазды, а яздить на оленях и на собаках. А платие носят соболие и оленье, а товар их соболи».

Достоверное же освоение русскими Мангазейской территории относится к XVI–XVII вв. Письменные источники указывают на основание Мангазейского острога в 1601 году. В то же время археологические

раскопки и дендрохронологические исследования по годовым кольцам деревьев из строений Мангазеи показали, что первые постройки русского населения относятся еще к 1572 г. Опережая официальные правительственные экспедиции, русские охотники за пушниной еще за несколько десятилетий до первых мангазейских воевод основали городок поморских мореходов на р. Таз. Укрепленный острог возник позднее уже на обжитом русском поселении.

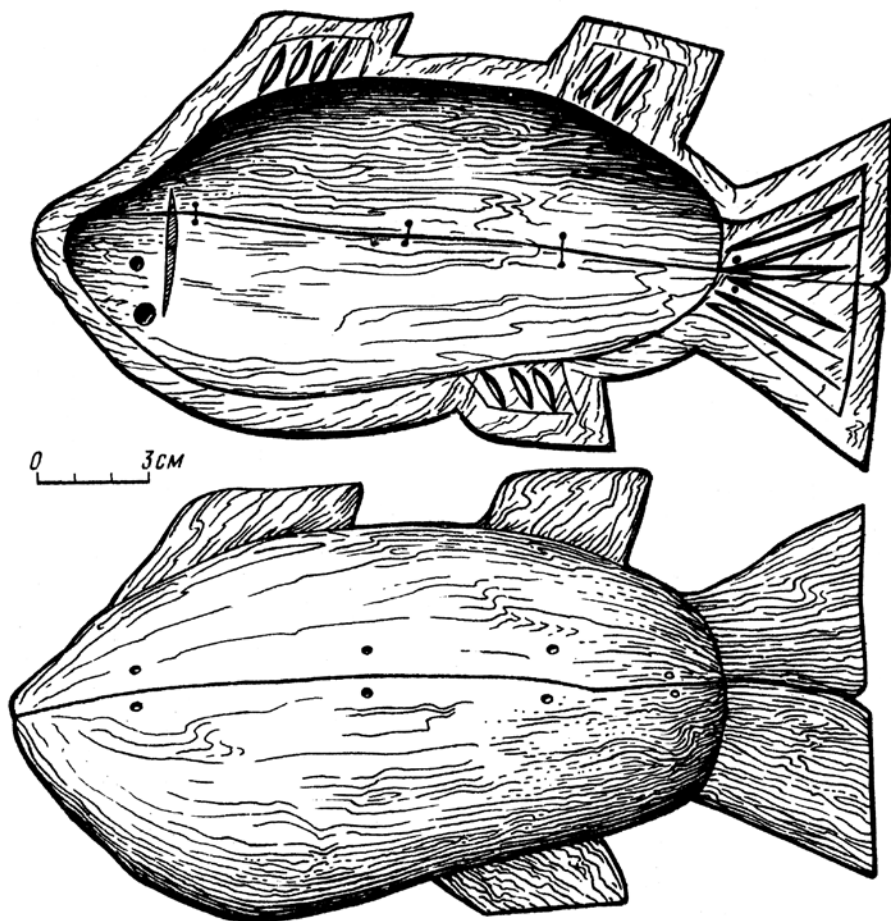
Сохранившиеся документы упоминают о неудачной попытке в 1600 г. первых мангазейских воевод Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова пройти в Устье р. Таз. Кочи, на которых шли 50 казаков из г. Березова, попали в бурю и были разбиты. Кроме того, нападение ненцев заставило отступить казаков и отложить строительство острога. Год спустя новый отряд во главе с князем Василием Мосальским и Савлуком Пушкиным дошли до места и заложили первые строения острога. Постоянная угроза нападения заставила мангазейцев строить новые укрепления. Письменные источники свидетельствуют: «Во 115 зарублен город Мангазея на Тазу реке, а зарубил тот город Давыд Жеребцов». Ученые установили, что Мангазейская крепость была срублена из стволов елей, лиственниц и кедров, спиленных уже осенью 1606 г.

Хотя Мангазея меньше таких крупных сибирских центров, как Тобольск и Тюмень, она оказалась больше города Томска и равной городу Березову, бывшим долгое время главными сибирскими опорными пунктами в продвижении русских на восток.

Правительство возложило на мангазейцев обязанность взимания ясака с аборигенных племен в пользу царской казны. С этой целью казаки вскоре вышли на Енисей и основали в 1607 г. Туруханское зимовье. Путь сборщиков ясака шел вверх по р. Таз, затем волоком на р. Турухан и далее по течению до Енисея.

Мангазея быстро превратилась в крупный торгово-промышленный город с населением более 700 человек. Гарнизон его состоял из стрельцов, присылаемых первоначально по 50 человек из Тобольска и Березова. В формировании населения Мангазеи большую роль играл сезонный наплыв людей, занимающихся пушным промыслом и торговлей. Так, только в 1628–1629 гг. через мангазейскую таможню прошло 1524 человека.

Главной статьей государственных доходов в Мангазее была соборная пошлина. По московским ценам пушнина, собранная в Мангазее приносила ежегодный доход от 17 до 30 тысяч рублей. Не случайно Мангазею называли златокипящей, подчеркивая ее особую роль в сборе мягкого золота, как уже тогда называли пушнину.

Деревянная форма в виде рыбы для печения.

Город процветал, разрастался. За крепостными стенами возник посад, застроенный домами ремесленников. В ходе археологических раскопок были обнаружены развалы десяти плавильных печей, для обслуживания которых необходимо было от 20 до 30 человек. Анализ металлических изделий показал, что русские уже тогда использовали руду Норильского месторождения, вторично открыв его после древних металлургов.

Археологами найдены многочисленные деревянные изделия, широко используемые в быту: чашки, миски, блюда, ведра, бочонки. Среди находок деревянная форма для печенья в виде рыбок, а также разнообразные шахматные фигуры. Видимо, игра в шахматы была уже тогда популярной, и каждый игрок изготавливал свой индиви-

Шахматные фигурки найденные при раскопках Мангазеи.

дуальный набор. Это позволяло отличать свои фигуры от шахмат соперника.

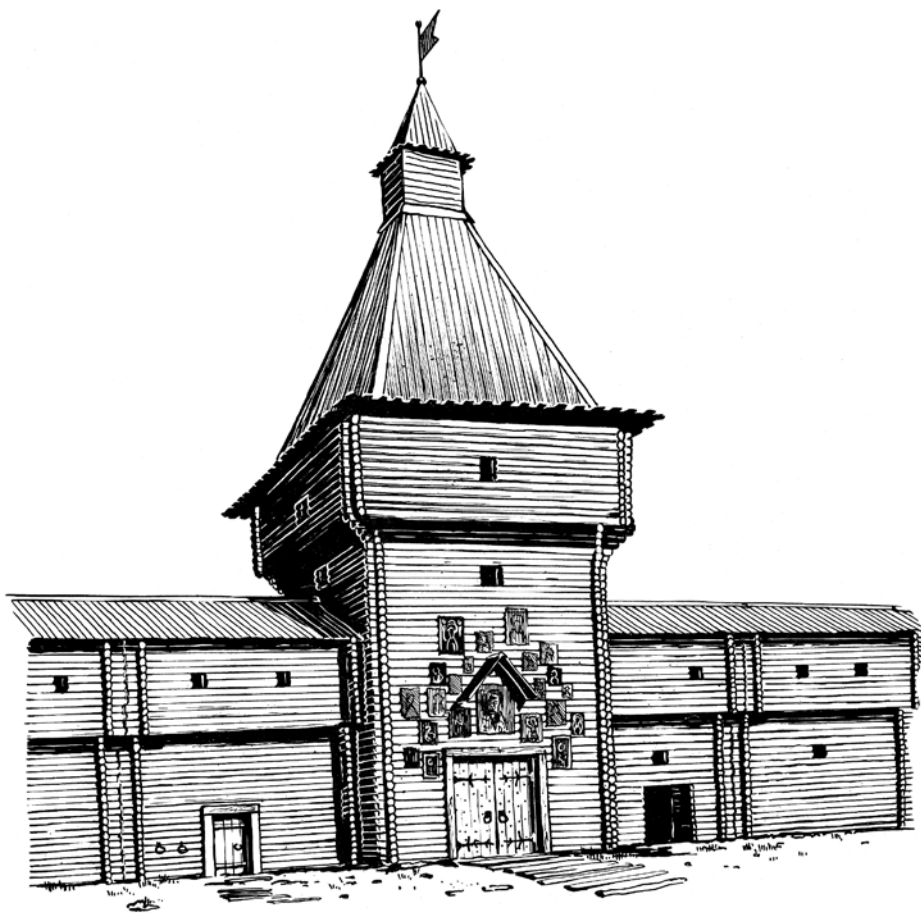
Оказалось, что мангазейцы делали мощные улицы. Один из настилов соединял два общественных здания — гостиный двор и таможеню. Сам город имел четкую планировку с параллельными улицами и пересекающими их переулками. Внутри кремля была построена соборная церковь, а на пустыре за стенами города расположились храмы Успения, а также Михаила Малеина и Макария Желтоводского.

Но процветание Мангазеи было недолгим. В 1619 году правительство, опасаясь проникновения иностранных кораблей на Тазовскую

Город старая Мангазея на чертеже XVII в.

губу и в устье Енисея, запрещает Мангазейский морской ход. Город постепенно приходит в упадок. Центром освоения региона на долгие годы становится основанный в 1619 году город Енисейск. Участвовавшие нападения на Мангазею ненецких племен заставили правительство принять решение о переселении жителей города в Туруханское зимовье. Согласно списку переселенцев в 1669–1672 г. из Мангазеи в Туруханск перебралось 446 человек.

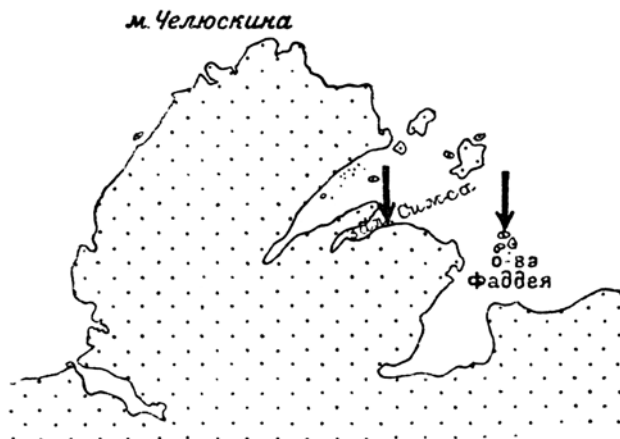
Спасская проезная башня острога Мангазея.

РУССКИЕ ПОЛЯРНЫЕ МОРЕХОДЫ

Вслед за основанием Мангазеи русское население активно участвует и в освоении Енисейского Севера. При этом впереди государевых людей — стрельцов и казаков — шли вольные торговые и промышленные люди. Уже в начале XVII века первые русские землепроходцы пришли на Енисей. От Мангазеи они поднимались вверх по р. Таз, а затем волоком переходили на р. Турухан и спускались далее вниз по течению до Енисея. Здесь в 1607 году и было построено укрепленное Туруханское зимовье. При этом цепочка зимовий русских промышленников к этому времени уже тянулась до места постройки будущего Енисейска. Манили своими богатствами инициативных торговцев и территории Крайнего Севера у побережья Северно-Ледовитого океана.

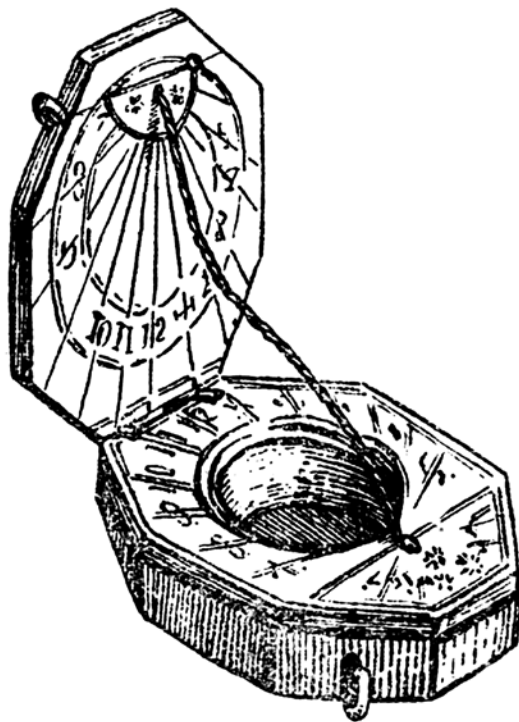
Около 1610 г. началось путешествие торгового человека, двинянина К. Куркина, из Мангазеи по Турухану и далее на кочах по Енисею до западного побережья Таймыра и устья Пясины. Уже тогда предприимчивый купец отмечал большие возможности для полярного мореходства.

Примерно к тому же времени относится краткое известие Исаака Массы об экспедиции под начальством малоизвестного Луки, которая нашла «много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей — все это далеко за Енисеем».

Особой страницей в освоении Таймырского Заполярья стала русская мореходная экспедиция второго десятилетия XVII века, достигшая уже восточных берегов Таймыра. Почти четыре столетия назад русским полярным мореходам удалось обогнуть мыс Челюскин —

самый северный в Азии, и пройти еще около 100 км до острова Фаддея и залива Симса. Насколько велико это достижение для того времени, говорит фраза знаменитого шведского мореплавателя Норденшельда. Дойдя в 1878 году до мыса Челюскина, он отметил: «Мы достигли великой цели, к которой стремились в продолжении столетий!»

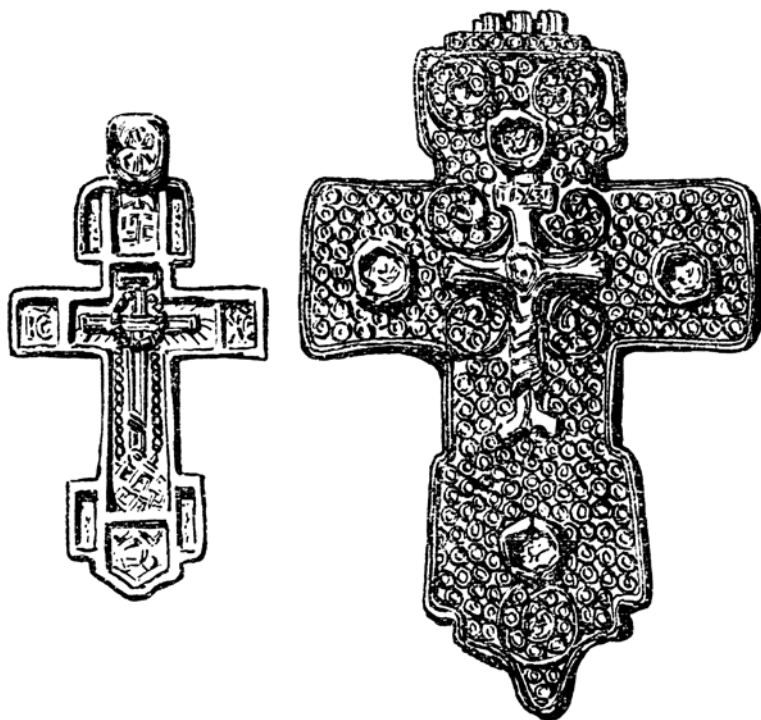
Компасные солнечные часы с о. Фаддея.

Впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого Света!» Но великий мореплаватель ошибся. За два с половиной века до Норденшельда здесь уже прошло судно русских полярных мореходов.

Свидетельства столь рискованного для начала XVII века путешествия были обнаружены в 1940 году моряками гидрографического судна «Норд». На небольшом острове Фаддея в море Лаптевых юго-восточнее мыса Челюскина ими были найдены многочисленные предметы участников торгово-промышленной экспедиции. Год спустя на берегу залива Симса, расположенного в 60 километрах от острова Фаддея, гидрографы обнаружили остатки избушки.

Найденные в процессе раскопок предметы осенью 1941 года были доставлены в музей Арктики, эвакуированный из-за начавшейся войны в Красноярск. Здесь с ними ознакомился научный сотрудник Краевого краеведческого музея (в здании которого расположился переехавший музей Арктики) Б. О. Долгих, который и ввел найденные материалы в научный оборот.

В 1945 году на место находок была организована новая поисковая экспедиция Арктического института под руководством А. П. Окладникова.

Нательные кресты с о. Фаддея и залива Симса.

Оба ученых пришли к однозначному выводу, что в заливе Симса и на острове Фаддея гидрографы обнаружили свидетельства одной и той же экспедиции. При этом версия о сухопутном маршруте отпала сразу. Исследователи разных поколений не раз отмечали, что даже для нганасан, хорошо приспособившихся к суровым условиям Заполярья, побережье Таймыра было непригодным для обитания в связи с отсутствием корма оленям и возможностей для рыбной ловли.

Сохранилась у нганасан и любопытная легенда, записанная академиком Миддендорфом. По его словам, самоеды обходили стороной побережье по причине конкуренции со стороны белых медведей. В своей работе «Путешествие на Север и Восток Сибири» ученый писал: «На вопрос мой, почему они не доходят до моря, они пресерьезно отвечали мне, что неоднократно пытались сделать это, но что там бродят белые медведи целыми стадами и постепенно опять вытесняют самоедов.

Они говорили о них как об особой нации, умеющей держаться в своей стране. Если вышлешь туда 8 человек, то белые медведи немедленно высылают туда против них 12 человек своей братии».

На морской характер экспедиции указывало и наличие лодки в лагере на о. Фаддея, солнечных часов, компаса, фрагментов парусного блока и остатков мореходных инструментов.

Не было сомнений у ученых и о принадлежности найденных вещей русскому населению. Крестики православных людей и иконки, одежда и обувь, вязаные рукавицы и тканые пояски, ружья, ножи, с вырезанной на рукояти славянской вязью именем владельца и фрагмент документа, написанный скорописью — вот далеко не полный перечень типично русских изделий.

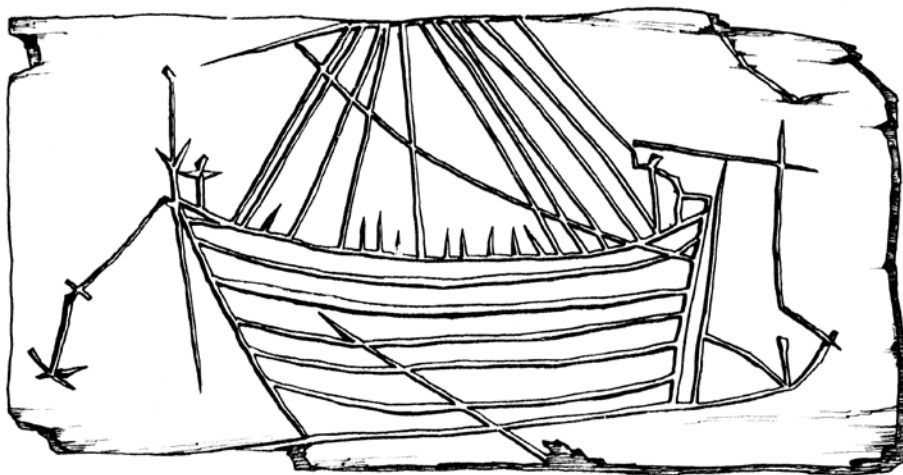
Среди находок, позволивших датировать экспедицию, следует отметить серебряные монеты с именами русских царей разных лет. Изучение нумизматической коллекции позволило определить, что ее собирание закончилось около 1617 г. в царствование царя Михаила Романова. Следовательно, и экспедиция состоялась приблизительно в эти годы.

Общая стоимость монет составила около 500 рублей, что по меркам того времени было значительной суммой. Источники сообщают, что за 20 рублей можно было тогда купить 20 десятин земли (около 20 га — авторы), за 10 рублей — прекрасную хату или 5 добрых лошадей, а за 15 рублей — десять штук рогатого скота.

Не случайно, что вся сумма оказалось разделенной надвое. Видимо участники мореплавания, когда судно оказалось зажатом во льдах, разделились на две группы, поделив между собой основное богатство: деньги, имеющееся продовольствие, оружие, пушнину, а также другие товары.

Русские мореходы ходили в северных широтах в XVI–XVII вв. на судах — кочах. Поморский корабль коч был основным типом судна до строительства Петром I регулярного морского флота. Хотя коч многократно упоминался в письменных источниках, историкам северного морского хода пришлось еще долгое время восстанавливать

характеристики корабля. Этому способствовали и удачные находки, обнаруженные во время археологических раскопок Мангазеи. Дома и мостовые города в связи с дефицитом леса на Севере зачастую строились из просмоленных досок пришедших в негодность кораблей. На таких досках и были обнаружены несколько рисунков судов русских полярных мореходов.

Доска с изображением коча.

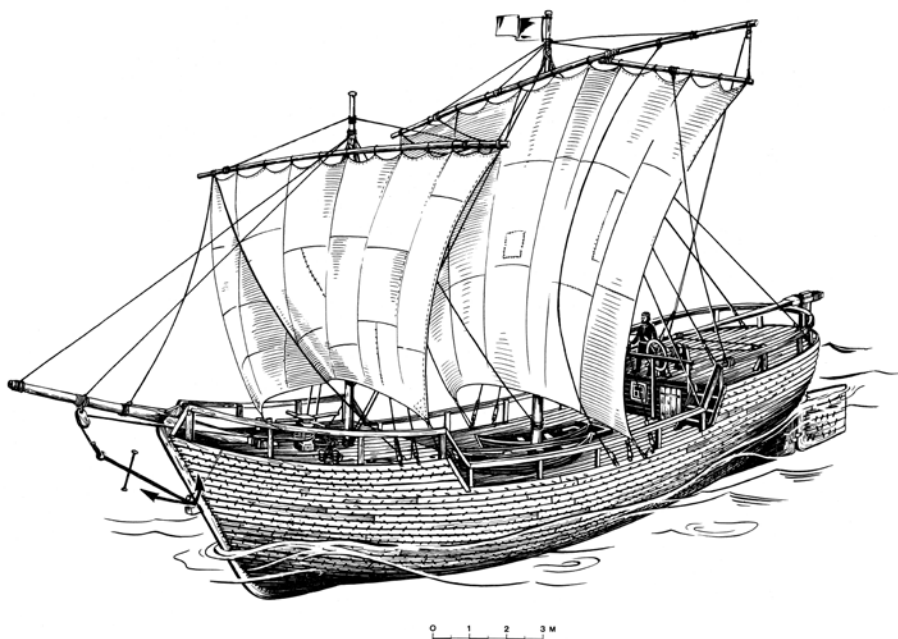
Письменные источники и графические изображения морских судов в Мангазее позволили историкам восстановить основные характеристики коча.

Название этого судна происходит от понятия «коца», которое означало еще у новгородско-поморских мореплавателей ледовую защиту. Следовательно, особенностью коча была вторая ледовая обшивка, необходимая для плавания в северных морях.

Второй особенностью судна была его яйцеобразная форма, наиболее удобная для выжимания коча при ледовом сжатии.

Корабль имел две мачты и два паруса, которые позволяли проходить при попутном ветре до 250 км в сутки. При полной загрузке в 40 тон коч имел небольшую осадку — около 1,5 метров, что позволяло проходить судну вблизи берегов. На каждом судне в качестве пассажиров и команды шло около 40 человек.

Мангазейские рисунки показывают, что на высоком носу и корме были жилые помещения. Их высота над уровнем воды составляла

Реконструкция коча (по М. И. Белову, О. В. Овсянникову, В. Ф. Старкову).

около 5 метров. В летний период суда использовались в качестве жилья. В связи с тем, что в Мангазее не было каких-либо специальных гаваней, суда зимовали вмерзшими в лед, а весной их обкалывали и старались спасти от ледохода в более безопасных протоках. При этом, как свидетельствуют источники, кочи нередко уносило вместе со льдом.

Не случайно, что при раскопках Мангазеи были обнаружены детали кораблей, пришедших в негодность. Их изучение показало, что для крепления различных частей судов использовались железные скобы и простые скрученные ивовые прутья. В конструкции одной из построек был найден громоздкий руль. Он был так велик и тяжел, что его с раскопа с трудом перенесли пятеро мужчин.

Суда не только выходили из строя в процессе длительной эксплуатации, но и очень часто погибали затертыми во льдах. В этом случае команда переходила с гибнущего судна на сушу и пыталась организовать зимовку до наступления более теплого времени. Нередко команда гибла вместе с судном.

Особенно опасной для судоходства была Обская губа. Если дул северный ветер, то кочи прибывало к южному берегу, выбрасывало на мели и разбивало на камнях. Так, в 1621 г. буря разбила в Обской губе

8 кочей, хотя значительную часть грузов и продовольствия удалось все же спасти. Но крушение 1642 г. оказалось более трагическим. Из донесения мангазейского воеводы в Москву мы узнаем следующее: «В прошлом, государь, в 1642 г. авг. 18 на море под Черными горами волей Божией твои государевы и торговых людей кочи с хлебными запасами и на котором коче я холоп твой шел — все разбито без остатку и в Мангазее твоих государевых и торговых людей запасов нет ни одной четверти. А которые, государь, торговые и промышленные люди после моего отъезду с морского разбою остались и они пришли портяным ходом в Мангазею не все и сказали они мне холопу твоему: зимовали де они на реке Пуре и зимою ходили на тот морской разбой ради хлебных запасов и своих товаров, но на том походе погибло их больше 70 человек, а оставшиеся люди в избушке на р. Пуре частью перебиты самоедами, частью погибли от цинги».

Вероятно, следы такой же погибшей экспедиции и были обнаружены в заливе Симса и на о. Фаддея. Вместе с тем это плавание состоялось на два десятилетия раньше описанных событий. Кроме того, проходило оно не по привычному Мангазейскому морскому ходу, а по неведомому тогда маршруту в обход самого северного мыса Челюскин.

Потерпев крушение, участники экспедиции пытались организовать зимовку, взяв с собой на сушу котлы для варки пищи и другие необходимые вещи. Для зимовки в заливе Симса из плавника была выстроена небольшая избушка.

Какое-то время мореплаватели еще боролись за свое существование. Но холод, голод и болезни все же привели к гибели ее участников.

Ловушки на песцов, большое количество перегнившей пушнины, предметы, используемые как правило для обмена с аборигенным населением, — все это свидетельствовало о торгово-промышленном характере экспедиции. Уже тогда, в начале XVII в., предприимчивые купцы наладили регулярный обмен с местным населением изделий русских ремесленников на пушнину. Каждая сторона считала сделку выгодной, поскольку получала недостающие у нее товары. Так, среди находок на о. Фаддея было обнаружено бронзовое зеркало с изображением кентавра. Точно такое же зеркало позднее было получено на Таймыре сотрудниками Красноярского музея от якутского шамана. Последний, у которого зеркало служило амулетом, чрезвычайно высоко оценивал изделие и дорожил им.

Таким образом, русские полярные мореходы еще четыре столетия назад освоили сложнейшие участки северного морского пути, способствуя торгово-промышленному освоению устьевых участков

Бронзовое зеркало с кентавром с острова Фаддея.

Енисея, Пясины, Хатанги, Лены и других великих сибирских рек. Одним из выдающихся достижений этого времени стало плавание в 1648 г. Семёна Дежнева и открытие им Берингова пролива между Азией и Америкой.

Но одно из донесений тобольского воеводы Куракина об успехах в мореплавании напротив стало роковым. Воевода сообщал в Москву, «что торговые и промышленные люди ходят кочами от Архангельскаго города на Карскую губу и на волок в Мангазею, а другая дорога с моря в Енисейское устье большими судами, и что немцы нанимали русских людей, чтобы их от Архангельскаго города провели в Мангазею».

Сообщение о появлении иностранцев в прибрежных морях Сибири встревожило правительство и оно в 1619 г. под страхом казни запрещает плавание в Мангазею и устье Енисея северным морским ходом.

С этого времени освоение Приенисейского края дополнялось активным заселением русскими более южных территорий. Вслед за основанием Новомангазеи и Туруханска русские землепроходцы основывают в 1619 г. Енисейск, ставший почти на два столетия столицей

региона. Наконец, в 1628 г. по инициативе енисейского воеводы Якова Хрипунова и его сподвижника Андрея Дубенского возникает острог у Красного Яра. С образованием в 1822 году самостоятельной Енисейской губернии ее столицей становится Красноярск, истории которого уже посвящены многочисленные научные публикации.

Литература:

Белов, М. И. Мангазея. Мангазейский морской ход / М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. – Ленинград: Гидрометеиздат, 1980. – 163 с.

Белов, М. И. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв / М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. – Москва: Наука, 1981. – 147 с.

Буцинский, П. Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645 гг.) / П. Н. Буцинский. – Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. – 66 с.

Окладников, А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра / А. П. Окладников. – Москва-Ленинград: Главсевморпуть, 1948. – 158 с.

ГЛОССАРИЙ

Абаасы — в долганской мифологии злые духи, несущие людям болезни и несчастья.

Айыы — добродетельные божества долганов.

Айыы-тойон — главное доброе божество и владыка верхнего мира есеевских якутов.

Аллараа-огонньор — старший брат Айыы-тойона, его антагонист и владыка нижнего мира у есеевских якутов.

Алэл — деревянное антропоморфное изображение семейного духа-охранителя у кетов.

Альба — богатырь и культурный герой в кетской мифологии.

Амуки — злые духи в мифологии энцев.

Анимизм — вера в существование души и духов.

Аргиш — вереница грузовых и легковых нарт, запряженных оленями.

Артефакты — предметы, искусственно изготовленные человеком.

Археология — наука, изучающая древнейшее прошлое человечества преимущественно по вещественным источникам.

Ассимиляция — процесс растворения одного этноса в среде другого.

Бакари — длинная обувь из камуса.

Балаган — стационарное жилище полуземляночного типа, покрытое дерном.

Балок (нартенный чум) — жилище прямоугольной формы на полозьях с дверью, окнами и железной печкой. Представлял собой деревянный каркас, обтянутый ситцем, оленьими шкурами и парусиной.

Балык Эбэкэнэ — дух-хозяин рыбы у есеевских якутов.

Бальна — богатырь кетских сказаний.

Бангос — кетские колдуны.

Баран — горизонтальная дуга, укрепляемая на передке нарт для предохранения их от поломки при ударе о деревья.

Баруси — мифические зловредные существа в нганасанской мифологии.

Баручи — энецкий синоним нганасанским баруси.

Барэ — жанр любовных песен в фольклоре энцев.

Белегын — богатырь кетских сказаний.

Бэсям — верхняя одежда кетов с меховым подкладом.

Важенка — самка оленя.

Вануйта — род и фратрия в составе тундровых ненцев, потомки аборигенного населения севера Западной Сибири.

Варган — музыкальный инструмент, имевший распространение у большинства народов Красноярского края. Изготавливался из дерева, кости и железа.

Варка — рыба, вываренная до состояния густой кашицы.

Ветка — то же, что и обласок.

Военно-потестарная организация — форма социального объединения, при котором власть принадлежит лицам, обладающим военной силой в виде дружины.

Голицы — лыжи, не подклеенные камусом.

Голомо — стационарное жилище полужемлячного типа, покрытое дерном.

Городище — древнее поселение, укрепленное земляным валом и рвом.

Грунтовая могила — захоронение в могильной яме, вырытой в грунте.

Дангольс — деревянное антропоморфное изображение семейного духа-охранителя у кетов.

Дикарь — дикий олень.

Дисперсность — рассеянное, некомпактное проживание представителей одной этнической группы.

Дотэм — злое существо в кетской мифологии.

Дотэт — злое существо в кетской мифологии.

Дох — мифический первый шаман у кетов.

Дротик — короткое метательное копьё с наконечником, насаженным на древко.

Дуальная организация — взаимообратная организация двух родов либо фратрий.

Дюба-Нга — бог, культурный герой и покровитель энцев.

Дюрумэ — сказки, мифы и предания в фольклоре нганасан.

Дя-мению — «земли-мать», богиня жизни, хозяйка среднего мира в мифологии энцев.

Есь — глава кетского пантеона.

Ёхорье — эвенкийский танец, напоминающий русский хоровод.

Забололонь — внутренняя кора.

- Запор** — стационарная рыболовная ловушка в виде изгороди, перегораживающей речку от берега до берега.
- Звериный стиль** — стилизованное изображение животных и птиц.
- Землянка** — жилище, углубленное в землю и покрытое дерном.
- Зернотерка** — приспособление из двух камней для ручного помола зерна.
- Зооморфный** — вид орнамента или изображения в форме животного.
- Идол** — фигура из дерева или камня, изображающая духов или мифологического персонажа.
- Изваяние** — скульптурное изображение из камня.
- Илимки** — большие дощатые лодки кетов, имеющие каюту для жилья и домашнего скарба.
- Ингумация** — погребение покойника в земле.
- Инородческая родовая управа** — административные единицы, созданные в XIX веке царским правительством для управления коренным населением Сибири.
- Ирео-понеде** — покровитель домашнего оленеводства, один из богов энецкой мифологии.
- Кага** — смычковый музыкальный инструмент селькупов.
- Кайгусь** — хозяин зверей у кетов.
- Камус** — шкура с ног копытного животного.
- Капор** — тип головного убора в виде шапки с короткими ушами, закрывающей затылочную и теменную часть головы и уши.
- Кат** — струнно-смычковый инструмент у кетов
- Каха** — идолы зооморфного или антропоморфного облика, покровители семьи или рода, которые их хранили у себя.
- Кача** — духи болезней, злые существа в мифологии энцев.
- Кельт** — бронзовое или железное изделие клиновидной формы, служившее топором, теслом или мотыгой.
- Кео-Нга** — бог грома, один из богов энецкой мифологии.
- Кляпец** — деревянный самодельный капкан, состоящий из палки с железными зазубренными штырями, которая вставлена в скрученные сухожилия.
- Колебылемысь** — злое существо в кетской мифологии.
- Комыс** — двухструнный музыкальный инструмент.
- Коссуль** — деревянный ящичек, в котором хранились изображения духов.
- Котец** — переносная решетчатая рыболовная ловушка в форме мешка, устанавливаемая в реке.

Котлям — верхняя распашная одежда кетов.

Кремация — сжигание тела умершего.

Кресало (огниво) — приспособление для добывания огня в виде железной изогнутой пластины.

Кулемка — опадное (давящее своей тяжестью), самоловное орудие на пушных животных.

Культурный слой — слой земли, включающий остатки жизнедеятельности людей.

Койка — изображение божества или просто предмет, которому поклонялись.

Кумар — тип временного селькупского жилища в виде шалаша.

Курган — сооружение над могилой в виде насыпи из земли, дерна или камней.

Кызы — по селькупским представлениям, глава злых сил, владыка нижнего мира.

Кыштымы — зависимое население на юге Средней Сибири, обязанное платить дань.

Кэлбэсэм — злое существо в кетской мифологии.

Кэлтэгэй — дух есеевских якутов.

Лабаз — амбар на столбах, предназначенный для хранения провианта и скарба.

Лабретка — изделие из кости или рога, которое вставляли в отверстие проткнутое около губ человека.

«**Лебедь**» — щипковый музыкальный инструмент селькупов.

Левират — брак с братом умершего мужа.

Литысь — злое существо в кетской мифологии.

Лозы — злые духи в селькупской мифологии.

Лучение — ночной лов рыбы при помощи факела, огонь которого привлекал добычу, и остроги.

Лэнгхор нгангутуо — по представлениям нганасан, злобные существа.

Малица — глухая одежда с капюшоном из оленьих шкур шерстью внутрь.

Медвежий праздник — комплекс ритуальных и развлекательных действий, посвященный добыче медведя. Имеет корни в представлении о родстве медведя с человеком и его связи с потусторонними мирами.

Мезолит (среднекаменный век) — характеризуется изобретением лука и стрел, рубящих орудий и появлением рыболовства как

одного из основных способов хозяйствования X–VII тыс. лет назад.

Могила — место погребения умерших.

Могильник — комплекс грунтовых или курганных захоронений.

Модь барэ — жанр песенного фольклора энцев.

Мотыга — ручное орудие для обработки земли.

Мусун — в эвенкийской мифологии сила, приводящая в движение неодушевленные объекты.

Мяд пухуця — у ненцев хозяйка жилища, покровительствующая женщинам и женской сфере деятельности.

Навершница — матерчатый чехол, надеваемый поверх малицы.

Накосники — женское украшение из кожи, бисера и металлических подвесок, вплетаемое в косы

Наметка — рыболовная снасть в виде сачка.

Наплавная сеть — сеть, которой ловили рыбу, пуская ее по течению.

Нарта — низкие сани, предназначенные для езды и перевозки грузов.

Натруска — охотничья перевязь, на которую крепились пороховница, капсульница, пороховая мерка и т. д.

Нга — верховный энецкий бог, творец мироздания.

Нга — бог в ненецкой мифологии, олицетворение злого начала.

Нгамтер — по представлениям нганасан, вредящие людям привидения.

Нго — по представлениям нганасан, духи-хозяева всех живых существ, материальных предметов и явлений природы.

Нгытарма — антропоморфный идол, олицетворяющий дух предка.

Недоуздок — деталь узды верхового оленя в виде повода, при помощи которого им управляли.

Невод — рыболовная сеть, которую одним концом заводили в реку, а затем, подтягивая оба ее конца, вытаскивали пойманную рыбу на берег.

Неолит (новокаменный век) — заключительный период каменного века, характеризующийся появлением глиняной посуды, изготовлением шлифованных орудий, высоким уровнем техники обработки наконечников стрел, скребков и других каменных изделий. В Приенисейском крае датируется VII–V тыс. лет назад.

Нуклеус — каменное ядрище-заготовка для получения пластин и отщепов.

Нум — дух неба, верховный бог ненцев и селькупов.

Нюк — покрышка чума из оленьих шкур или бересты.

Обласок — лодка, выдолбленная из цельного древесного ствола.

Обмет — сеть, при помощи которой ловили соболя.

Олень-манщик — специально обученный олень с петлей на рогах. Дикий олень, вступая в бой с манщиком, запутывается своими рогами в петле и становится добычей охотника.

Олонхо — якутский героический эпос.

Ольгыт — герой кетских сказаний.

Оми — одна из душ в эвенкийской мифологии.

Острога — орудие для рыбной ловли с острыми зазубринами наконечника.

Отщеп — скол с поверхности камня при его обработке.

Охота на линных птиц — охота на птиц в летний период, когда они теряют оперение и не могут летать.

Палеолит (древнекаменный век) — древнейший период каменного века, датированный в Сибири, по современным данным, около 300–10 тыс. лет назад.

Пальма — колюще-рубящее оружие, представляющее собой большой нож на длинной рукоятке.

Парка — распашная одежда из оленьих шкур шерстью наружу. Часто с капюшоном.

Пастиковый путик (пастник) — путь или тропа, на которой устанавливали пасти. Протяженность путика могла достигать сотни и более километров.

Пасть — опадное (давящее своей тяжестью), самоловное орудие на пушных животных.

Патрилинейность — счет родства по линии отца.

Перевес — охотничья снасть в виде сети. Используется при охоте на водоплавающую дичь.

Перемет — рыболовная крючковая снасть.

Петроглифы — древние рисунки, выбитые на скалах и каменных плитах.

Пиктограмма (пиктография) — рисунок с определенной смысловой нагрузкой. Пиктография является предшественницей письменности.

Писаницы — древние наскальные изображения, нарисованные красками.

Плавник — дерево, принесенное в безлесные районы Севера течением рек.

- Плашка** — опадное (давящее своей тяжестью) самоловное орудие на пушных животных.
- Поколка** — массовая добыча оленей на речных переправах в период их ежегодных миграций.
- Поняга** — приспособление для переноски тяжестей в виде прямоугольной или овальной деревянной рамы, к которой крепится мешок с необходимыми охотнику предметами.
- Порса** — толченая вяленая или сушеная рыба.
- Поселение** — в археологии место длительного проживания коллектива людей.
- Постромки** — соединительные ремни в оленьей упряжи.
- Потакуй** — переметные сумы у эвенков, в которых перевозили на оленях сыпучие грузы.
- Пурса (порса)** — порошок, приготовленный из сушеной рыбы.
- Путо (колодка)** — деревянный «башмак», надеваемый на ногу оленя, чтобы он не ушел далеко от стойбища.
- Пушальня** — ставная рыболовная сеть.
- Пыныр** — щипковый музыкальный инструмент селькупов.
- Ровдуга** — замша из оленьей или лосиной шкуры.
- Род** — коллектив людей, считающих себя родственниками по одной линии (отцовской или материнской) и связанных обычаем экзогамии.
- Рожны** — длинные тонкие пруты типа шампуров, на которых жарили рыбу.
- Сагудать** — есть сырую рыбу.
- Самолов** — рыболовная снасть в виде длинной веревки, к которой крепятся острые крючки с поплавками.
- Сарга** — черемуховая кора, обработанная специальным образом. Из нее плели различные поделки и веревки.
- Селище** — долговременное неукрепленное поселение.
- Сиге** — людоеды в нганасанской мифологии.
- Ситаби** — героические сказания у нганасан.
- Сихио** — людоеды, злые духи в мифологии энцев.
- Си'ите** — подземные люди, хозяева мамонтов. Злые духи в мифологии энцев.
- Скобель** — столярный инструмент, которым скоблили дерево.
- Слопец** — опадное (давящее своей тяжестью), самоловное орудие на боровую дичь.
- Сокуй (совик)** — глухая зимняя одежда из оленьих шкур шерстью наружу. Надевается поверх парки или малицы.

Сонинг — военный предводитель у эвенков.

Ставные сети — сети, закрепляемые на жердях, вбитых в дно реки.

Станок — поселение на севере, в котором живет всего несколько семей.

Стоянка — кратковременное поселение.

Стратиграфия — описание напластований человеческой деятельности на археологических памятниках.

Стремя — приспособление для упора ноги всадника при верховой езде на лошади.

Строганина — блюдо из сырой мороженой рыбы, наструганной тонкими стружками.

Сураба-Нга — «божество льда», один из богов энецкой мифологии.

Сэвэки (Маин) — владыка верхнего мира в эвенкийской мифологии.

Сэмэкэй — дух есеевских якутов.

Сюокс — богатырь кетских сказаний, противник Альбы.

Сядэй — деревянная антропоморфная фигурка —местилище семейного или родового духа-покровителя.

Тадебя — шаман (ненцы).

Тамга — метка, знак, которым отмечается принадлежность предмета или оленя какому-либо конкретному лицу. Каждый мужчина имел свою тамгу.

Тено-Нга — «умный бог», один из богов энецкой мифологии.

Тигель — глиняный сосуд, в котором выплавляли металл.

Тиски — вываренные и сшитые берестяные полотнища, идущие на покрытие чума.

Тогыт — богатырь кетских сказаний.

Тодоте — злое божество, владыка нижнего мира в мифологии энцев.

Тойоны — родовая якутская знать.

Томам — хозяйка южной стороны в кетской мифологии, добродетельное божество.

Томар — стрела с деревянным наконечником цилиндрической формы. Использовалась при охоте на мелких пушных зверей и дичь.

Тотемизм — вера в родство конкретного человеческого коллектива (рода) с каким-либо видом животных, растений, неодушевленных предметов или явлений природы.

Ту пухуця — хозяйка огня у ненцев.

Туяс — круглая посуда из бересты с крышкой.

Тюн Амба — мать огня у селькупов.

Ульгысь — хозяин рек и рыб у кетов.

Уму-Нга — один из богов энецкой мифологии.

Фактория — торговый пункт на севере, место, где проводился обмен добытой пушнины на промышленные товары и припасы.

Фетишизм — наделение сверхъестественными свойствами неодушевленных материальных предметов.

Фитиль — рыболовная снасть в виде сачка.

Фратрия — группировка нескольких родов одного племени. Группировка родов в две фратрии была наиболее распространенной формой дуальной организации.

Хара-Суору (Черный ворон) — один из культурных героев эсесейских якутов.

Харги — владыка нижнего мира в эвенкийской мифологии.

Харючи — род и фратрия тундровых ненцев, потомки пришлого на север самодийскоязычного населения.

Хейро — долганский танец, аналог эвенкийского ёхорье.

Холай — родовой дух-покровитель у кетов и название места, где располагалось святилище Холай.

Хорей — длинный шест, при помощи которого управляли оленьей упряжкой.

Хорнги — людоеды в нганасанской мифологии.

Хоседам — злое начало в кетской мифологии, хозяйка мира мертвых.

Хосун — богатырь в долганских эпических сказаниях.

Хотон — помещение для скота у якутов.

Хэбидя я — культовые сооружения, жертвенники, места обитания духов-хозяев конкретных местностей.

Чангыты — мифический народ из сказаний долган и эвенков, который был враждебен их предкам.

Чатхан — струнный музыкальный инструмент.

Черкан — охотничья самодельная ловушка удавливающего типа.

Чирки — короткая кожаная обувь с пришитыми голенищами.

Чувал — печь-камин из жердей, обмазанных глиной.

Чум — переносное разборное жилище конической формы, покрытое нюками из шкур или бересты.

Чычыпкаан — антропоморфный идол, изготавливаемый для обряда очищения у эсесейских якутов.

Шитики — лодки, сделанные (сшитые) из отдельных досок.

Щетка — шкура между копыт оленя.

Ылынта Кота — в селькупской мифологии богиня — подательница жизни.

Эбэкэнэ (Баай-Баянай) — покровитель охотников и охоты у есеевских якутов.

Экзогамия — запрещение вступать в брак с членами своего рода.

Энгдекит — в эвенкийской мифологии река, исток которой находится в верхнем мире, а устье — в нижнем.

Эндогамия — вступление в брак внутри определенной этнической группы (племени).

Энеолит — меднокаменный век, характеризующийся в Сибири сочетанием традиционных каменных орудий и появлением первых металлических изделий из меди около V тыс. лет назад

Этногенез — процесс сложения этнической общности из различных этнических компонентов.

Этнос — народ.

Этнография — наука, изучающая народы, их материальную и духовную культуру.

Юкола — вяленая рыба.

Юнгкээбил — герой хосунного оленекского эпоса.

Юрта — переносное разборное жилище круглой формы. Покрывалось войлоком, берестой, корой.

Юрэн — герой хосунного оленекского эпоса.

Юрюнг Айыы — один из высших долганских божеств, податель жизненных благ.

Я-Небя — «мать-земля», доброе божество ненцев, покровительница женщин.

Ясак — натуральный налог с народов Сибири Русскому государству в виде шкурок пушных зверей.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Источники и методы изучения Красноярского Севера	6
Каменный век	15
Мезолит	19
Неолит	22
Энеолит и бронзовый век	28
Ранний железный век	34
Железный век	41
Эпоха средневековья	45
Карта расселения народов севера Приенисейского края на рубеже XIX–XX вв.	50
Нганасаны	51
Энцы	72
Ненцы	88
Долганы	105
Якуты	123
Эвенки	139
Селькупы	160
Кеты	182
Мангазея	206
Русские полярные мореходы	212
Глоссарий	221

Н. П. Макаров, М. С. Баташев

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРА
ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ**
(учебное пособие)

Корректор: Е. И. Пинженина.

Подписано в печать 10.12.2007 г.
Формат 70х100/16. Бумага мелованная. Усл. печ. л. 19,5.
Тираж 500 экз. Заказ 2243.

Изготовлено в ООО ИПЦ «КаСС».
г. Красноярск, ул. Маерчака, 65, (строение 23),
тел. 59-59-60.

В учебном пособии в краткой и доступной форме рассказывается о культуре и быте народов, населявших север территории современного Красноярского края с эпохи каменного века до начала XX века.

